АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1967

СОДЕРЖАНИЕ

Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. С. Сорокин (Ленинград). О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка 22
Н. А. Баскаков (Москва). О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавита для тюркских языков народов СССР 33
Я. Бауэр (Брно). К развитию относительных придаточных предложений в славянских языках 47
М. Грепль (Брно). К сущности типов предложений в славянских языках 60
К. Гаузенблас (Прага). К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования 69
Т. В. Булыгина (Москва). О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц 76

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

З. Клеменсевич (Краков). Строение подлежащего и сказуемого в польском простом предложении 87
Ю. М. Орлов, А. П. Журавлев (Балашов). Опыт психометрической оценки смысловых расстояний между трансформами 93

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

В. П. Жуков (Новгород). Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет 104

Рецензии

Л. А. Булаховский. *С. П. Бевзенко.* Історична морфологія української мови 113
А. А. Юлдашев (Москва). Новые академические полные тюркско-русские словари 117
В. Г. Костомаров, Н. В. Костромина (Москва). *Н. Н. Прокопович.* Словосочетание в современном русском литературном языке 125
Т. В. Гамкрелидзе, А. У. Хараш (Тбилиси). «Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», «Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.» 128
М. М. Маковский (Москва). *А. -J. Greimas.* Sémantique structurale . . 132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. Х. Максютова (Уфа). Языкознание в Башкирии. 141
Э Ю. Нурм, А. Я. Универе, А. Х. Лаанест (Таллин). Языкознание в Эстонии за последние годы 143
Хроникальные заметки 149

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЗА 50 ЛЕТ

1. Советское языкознание после Великой Октябрьской социалистической революции достигло значительных и общепризнанных успехов. «С первых лет Советской власти наука стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии и народа. Советское государство даже в самые тяжелые для страны годы не жалело средств на организацию широкой сети научно-исследовательских учреждений, развитие фундаментальных и прикладных направлений науки, экспериментальной базы научных исследований, подготовку кадров»[1]. Достижения советского языкознания, опирающиеся на богатое научное наследие отечественной лингвистики, обусловлены не только могучим расцветом разных областей науки в советскую эпоху, не только углублением связей языкознания с другими науками (прежде всего — с общественными, отчасти же и с науками математического, естественнонаучного и технического циклов), не только множеством новых задач и проблем огромной важности, порожденных открытием внутренних законов развития языков, но и целым рядом общественно-исторических факторов — факторов социалистического развития нашей страны.

К этим факторам, прежде всего, следует отнести коренные изменения в языковом и культурном развитии народов социалистического общества, образующих многонациональный состав советского государства, с одной стороны, а с другой — особую культурную роль русского языка как языка мировой по значению русской литературы, науки и цивилизации. Расцвет национальных культур осуществляется параллельно с развитием важнейшего их элемента — национальных языков. Вместе с тем Октябрьская революция неизмеримо повысила международное и межнациональное значение русского языка, изучение которого стало кровным делом всех народов Советского Союза и все шире распространяется за рубежом, по всему миру. В той или иной степени русским языком практически владеет почти все население нашей страны. Его признали родным (по данным переписи 1959 г.) около 125 млн жителей Советского Союза, из них более 10 млн граждан, принадлежащих к другим национальностям.

Отношение к русскому языку как ко второму родному языку создает у народов Советского Союза своеобразную форму двуязычия. Это — новое историческое явление, порожденное спецификой социалистического строя и не нарушающее принципа равноправия всех языков. Перед советским языкознанием возникла новая сложная социолингвистическая задача — исследование соотношений и взаимодействий разных языков народов Советского Союза с русским.

Почти все народы нашей Родины через посредство русского языка осваивают научные сокровища и духовные ценности мировой культуры. Вместе с тем в русский язык вливаются и при посредстве его разносятся по всему миру культурные ценности, научные и политические открытия, духовные достижения всех социалистических наций Советского Союза.

---

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановления Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС», М., 1967, стр. 44.

Несравнимо с прошлым в советскую эпоху расширилась сфера применения и назначения русской речи внутри самой нашей страны. Обогащая другие языки народов Советского Союза (а их у нас по самому скромному подсчету не меньше 130—140), сам русский язык обогащается[2], особенно в своем словарном составе, в кругу выражаемых им значений и смыслов, своих стилистических возможностях и средствах с быстротой и «силой поражающей» (по замечанию Горького). С другой стороны, радио, телевидение, кино и другие виды искусства, связанные с человеческой речью, разные формы массовой речевой коммуникации также не могут не отражаться в многообразных приобретениях русской терминологии и словарно-фразеологического состава. Глубже и разнообразнее других уровней (или сторон) изменяются и развиваются наряду со сферами словаря и фразеологии области словообразования и синтаксиса. Потоки живой разговорно-народной речи глубоко проникают во все стороны письменно-книжной коммуникации. Новые виды и типы изменений разных сторон современного русского языка, а также характеристики намечающихся тенденций в его новой истории нашли значительное отражение в четырехтомном труде Института русского языка АН СССР «Русский язык и советское общество».

В нашей многонациональной стране русский язык — это могучий фактор культурного развития и духовного единства русской нации и шире — всего советского народа. При его посредстве осуществляется широкий обмен духовными ценностями между отдельными социалистическими нациями. В конечном счете, именно благодаря русскому языку все народы нашей Родины — при многообразии разных форм своей национальной культуры, быта и традиций — живо ощущают глубокую внутреннюю связь и глубинное единство общей социалистической культуры, прежде всего в пределах Советского Союза. Вместе с тем русский язык активно содействует развитию других языков Советского Союза, оказывая на них (и особенно — на младописьменные языки) организующее влияние. Воздействие русского языка сказывается, главным образом, в области словаря и терминологии, а также в сфере средств выразительности и других стилистических качеств. Влияние русского языка на другие языки народов Советского Союза осуществляется и через взаимодействие художественных литератур (а хорошо известно, что русский язык и русская художественная литература в ее лучших проявлениях органически связаны и взаимно обусловлены).

Во многих областях политической, научной и культурной жизни русский язык уже давно выполняет роль международного средства общения. Он изучается миллионами людей в зарубежных странах. Почти во всех странах народной демократии, где обучение русскому языку, знание его приняло массовый характер, издается разнообразная литература по русскому языку, выходят периодические издания на русском языке. Все расширяется изучение русского языка в капиталистических странах — Англии, Франции, ФРГ, Италии, США и др. По внутреннему своему влиянию и по территории своего распространения русский язык занимает одно из первых мест между общими языками Европы, Азии, Америки. В последние годы резко возросла потребность в массовом обучении русскому языку в странах Азии, Африки, Латинской Америки и в Австралии. Обучение русскому языку во многих из стран Азии и Африки наталкивается на большие трудности: отсутствие в ряде стран национальной письменности, а отсюда — необходимость преподавания русского языка с помо-

[2] О взаимодействии близкородственных языков — русского, украинского, белорусского (о диалектных, разговорно-просторечных контактах и, наконец, о контактах между литературными языками) см.: І. К. Білодід, Розвиток мов соціалістичних націй СРСР, Київ, 1967.

щью языка-«посредника» (английского, французского, немецкого, испанского), недостаток подготовленных специалистов по русскому языку, одновременно с этим хорошо владеющих и данным национальным языком, недостаток методического опыта в преподавании иностранных языков вообще и русского языка в частности.

Как язык мирового значения русский язык развивается в ряду других общих языков мировой культуры и цивилизации (таких, как английский, французский, испанский, немецкий, итальянский и др.); он не изолирован и от языков других государств — особенно тех, которые играют большую роль в ходе прогрессивного развития современного человечества и находятся с Советским Союзом в близких культурных и общественно-политических отношениях.

2. Строительство социализма в нашей стране поставило советское языкознание перед совершенно новыми теоретическими и практическими задачами — ликвидации бесписьменности у таких народов и народностей Советского Союза, развитие которых в условиях капиталистического строя не привело их к социальному и культурному уровню, достигнутому русским народом и некоторыми другими народами прежней России. Это особенно касалось малых народностей и этнических групп — обитателей Севера Европейской части России, а также Сибири и Дальнего Востока. «Выработка норм единого национального языка на базе одного ведущего или нескольких конкурирующих народных диалектов, создание новых алфавитов, грамматик, словарей, научной терминологии на национальных языках, потребности развития многообразных современных жанров письменного литературного языка и в частности языка художественной литературы — все это требовало активнейшего участия лингвистов в центре и в национальных республиках и содействовало развитию у нас теоретических исследований по социальной лингвистике, связанных с общественной практикой и проверявшихся на практике» [3].

Таким образом, одним из значительнейших достижений советской лингвистики является создание письменности для 50 языков народов СССР.

Работа по созданию письменности для бесписьменных народов и по выработке новой системы письма для народов, пользовавшихся арабским и монгольским письмом, по необходимости сопровождалась тщательным изучением фонетической системы этих языков, что имело своим результатом широкое развитие в нашем языкознании фонетики и фонологии.

Разработка письменности для разноязычных народов Советского Союза сопровождалась не только глубокими исследованиями звукового строя этих языков, но и новым изучением слова в различных языках, его границ, его отношения к другим языковым единицам, его структурных качеств, форм и типов словообразования, проблем типологии. На основе этих языковедческих разысканий создавались грамматики и словари всех языков народов Советского Союза. В первое время составлялись почти исключительно двуязычные сопоставительные или переводческие словари, где одним из языков был русский. В дальнейшем стали создаваться толковые словари национальных языков, и сейчас уже многие из народов нашей страны (например, грузины, армяне, украинцы, литовцы, казахи, туркмены и др.) имеют достаточно полные словари своих языков (а иногда и словари языков своих великих поэтов, например, украинцы — словарь языка Тараса Шевченко).

Само собой разумеется, что в этой лингвистической теории и практике основная руководящая или инструктивная роль принадлежала — как в

[3] В. М. Жирмунский, О теории советского языкознания, ИАН ОЛЯ, 1967, 1, стр. 16—17.

сфере фонетики и фонологии, так и в области грамматики, диалектологии и лексикографии — науке о русском языке. Разветвленное и связанное с давней славистической традицией всестороннее изучение русского языка в советскую эпоху, естественно, больше всего было сосредоточено на процессах изменений современных произносительных его норм (с начала XX в. по 60-е его годы), типов словообразования, сфер лексики, взаимодействия и трансформации его синтаксических конструкций (в кругу простого и сложного предложений), отчасти некоторых сдвигов в области морфологической структуры. Основное внимание уделялось актуальным задачам исследования развития современного русского языка, особенно в кругу стилей живой разговорной речи. Большой интерес вызывали наблюдения над явлениями взаимодействия, соотношения и перемещения стилистических пластов современного русского литературного языка, над процессами формирования новой его стилистической системы. Продолжалась работа в области изучения и описания грамматического строя современного русского литературного языка и в синхроническом плане, в области составления словарей нормативного и историко-нормативного характера, отражающих богатство его лексической системы. Велись исследования конкретных процессов исторического развития русского языка, разрабатывались проблемы исторической лексикологии и лексикографии. Налаживается работа по лингвистическому источниковедению.

Многое сделано в современной русской описательной диалектологии и лингвогеографии. Широко освещаются перспективы взаимоотношения литературного языка и диалектов в социалистическом обществе.

Тот факт, что границы нашей страны охватывают всю территорию распространения восточного славянства, издавна ставит перед нашей наукой не только серьезные задачи изучения русского, украинского и белорусского языков и диалектов, но и проблему исследования славянского языкового континуума в целом. Для советской славистики послеоктябрьского периода, развитие которой достаточно интенсивно проходило в 20-х и начале 30-х годов и особенно после Великой Отечественной войны, характерно внимание к лингвогеографическому аспекту, независимо от того, идет ли речь о древнейших явлениях и состоянии (праславянский период) или о современном диалектном членении и соотношении диалектов с литературным языком. Усилием нескольких поколений и многих сотен лингвистов нашей страны закончен первый этап работы над созданием диалектологических атласов русского, белорусского и украинского языков. Вышел первый том русского атласа — «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1958) и закончена обработка материала и подготовка карт по всем другим великорусским диалектным зонам. «Диалектологический атлас белорусского языка» (Минск, 1963) явился первым полным атласом славянского языка, дающим богатый материал для современной и исторической диалектологии белорусского языка, для истории языка и народа. Сдан в печать первый, и идет к концу работа над вторым томом украинского атласа.

Всеобщая грамотность населения нашей страны, стремительный рост культуры и жизненного уровня сельского населения, ведущие к проникновению литературной речи в диалекты и их постепенному стиранию и исчезновению, выдвигают перед нашей диалектологией и лингвогеографией задачи скорейшего сбора материала и выполнения ряда практических и теоретических задач, которые все еще ставятся недостаточно строго и решительно. Необходимо создание ряда региональных, областных атласов и особенно составление областных диалектных словарей, способных

стимулировать работу в сфере исторической диалектологии, этимологии и лингвогеографии, в сфере дисциплин, занимающихся восточнославянским и общеславянским этногенезом. Выход в свет первых выпусков «Словаря русских народных говоров» и первого выпуска «Псковского областного словаря», задуманного Б. А. Лариным, свидетельствует о зрелости нашей диалектной лексикографии, способной широко и разносторонне решать сложные и спорные вопросы фиксации и систематизации материала словарного состава наших диалектов. Десятки коллективов почти во всех областях нашей страны заняты работой над созданием областных словарей, и результатами их труда уже начинает, хотя и в недостаточной мере, пользоваться наша наука.

Общая характеристика достижений науки о русском языке и о других славянских языках в советскую эпоху дана в книге «Советское языкознание за 50 лет» (М., 1967); более подробно украинское языкознание освещено в книге «Языкознание на Украине за 50 лет» (Киев, 1967).

Для того чтобы конкретно представить пути развития советского языкознания по другим его отдельным специальностям, целесообразно остановиться подробнее на некоторых примерах, хотя бы на исследовательской работе в сфере тюркских языков и финно-угроведения.

3.1. В первые годы после Октябрьской революции стимулом для изучения многочисленных тюркских языков Советского Союза послужили прежде всего задачи практического характера — необходимость в создании новых литературных языков, а также совершенствование уже существующих литературных языков. Удовлетворение задач практического характера зависело прежде всего от более углубленного изучения фонетического и грамматического строя тюркских языков.

Большая заслуга в области изучения фонетики тюркских языков принадлежит проф. Е. Д. Поливанову. В области изучения фонетики татарского языка заслуживают внимания работы проф. В. А. Богородицкого и его ученика Г. Шарафа; чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриев занимался фонетикой башкирского, гагаузского и кумыкского языков. Современные тюркологи продолжают изучать фонетические системы турецкого, узбекского, киргизского, алтайского, ногайского и каракалпакского языков; проведено обстоятельное исследование фонетики башкирского языка в сравнительно-историческом плане. В 50-е годы было начато экспериментальное изучение фонетики ряда тюркских языков. В настоящее время изучен и описан фонетический строй всех тюркских языков.

В сфере грамматики работа двигалась в основном по трем направлениям: 1) разработка схемы грамматического описания тюркских языков, наиболее отвечающей требованиям их структурного своеобразия; 2) создание различного рода грамматик и учебных пособий для школ и высших учебных заведений в тюркоязычных республиках; 3) углубленное исследование конкретных вопросов и решение узловых проблем грамматического строя тюркской семьи языков. Усилия были сосредоточены прежде всего на изучении живых тюркских языков. Созданы описательные грамматики почти всех современных литературных языков (татарский, уйгурский, турецкий, азербайджанский, туркменский, кумыкский, башкирский, ногайский, каракалпакский, алтайский, шорский, хакасский, узбекский, киргизский, казахский, якутский, тувинский, караимский, гагаузский). Одновременно велись углубленные исследования по конкретным вопросам грамматики тюркских языков. Специальные конференции посвящались решению некоторых важнейших проблем тюркологии — проблеме классификации частей речи, вида, залога и сложного предложения. Велась также разработка вопросов синтаксиса тюркских языков. На материалах тюркских языков разрабатываются проблемы стилистики.

Регулярная и планомерная работа над созданием словарей многих тюркских языков началась по существу лишь в советское время. Большой размах лексикографическая работа в области тюркских языков приобретает с 50-х годов в связи с бурным развитием национальных языков (см., например, публикуемый в этом номере обзор, стр. 117—125); разрабатываются теоретические вопросы лексикологии.

За годы советской власти развернулась интенсивная работа по диалектологии тюркских языков. Особенно результативна работа Института литературы и языка АН АзербССР, директором которого является акад. АН АзербССР М. Ш. Ширалиев. Значителен вклад татарских диалектологов в диалектологическое исследование тюркских языков Поволжья. Диалектологические работы ведутся в Башкирии, а также в среднеазиатских республиках. Продолжается монографическое изучение диалектов узбекского, уйгурского, киргизского, казахского и туркменского языков; началось обследование диалектов и говоров каракалпакского языка, диалектов гагаузского и караимского языков. Заметны сдвиги в отношении изучения диалектов сибирских тюркских языков — якутского, хакасского, алтайского, тувинского и др. Начата работа над лингвистическим атласом тюркских языков и диалектов СССР.

Продолжается традиционное для отечественной тюркологии изучение старописьменных памятников и истории тюркских языков. Большая заслуга в этой области принадлежит покойному чл.-корр. АН СССР С. Е. Малову, критически прочитавшему тексты многих памятников рунического, арабского и уйгурского письма и опубликовавшему образцы этих древнетюркских памятников. В последние годы было опубликовано значительное количество новых надписей рунического письма енисейского ареала, производилось изучение документов и надписей древнеуйгурского письма. В переводе на узбекский язык опубликованы три тома глоссария тюркских языков Махмуда Кашгарского, подготовлен к печати один том его в азербайджанском переводе (с русским переводом заглавных слов). В Ленинграде составлен двухтомный «Древнетюркский словарь».

Предметом внимания советских тюркологов была также история литературных тюркских языков; проводится большая работа по систематическому изучению языка древнетюркских источников, исследуется язык наиболее выдающихся писателей прошлого. Создаются очерки по истории отдельных тюркских языков.

3.2. Дореволюционное финно-угроведение в России было очень слабо развитой отраслью языкознания. Октябрьская революция явилась мощным стимулом для изучения финно-угорских языков. Создание школ на финно-угорских языках, а следовательно, и учебников на этих языках повлекло за собой более детальное изучение грамматического строя финно-угорских и самодийских языков. Советский период развития финно-угорского языкознания прежде всего характеризуется созданием ряда новых грамматик финно-угорских и самодийских (ненецкого, селькупского, коми-зырянского, удмуртского, венгерского, марийского, мордовских, карельского и финского) языков. Следует также отметить разработку отдельных проблем грамматического строя финно-угорских и самодийских языков; особенность ее в том, что в научный обиход вводился новый, свежий языковой материал, чему в немалой мере способствовало создание письменности на многих финно-угорских ранее бесписьменных языках. Новой отраслью советского финно-угроведения является исследование фонетического строя финно-угорских языков. Необходимо также отметить довольно интенсивную разработку синтаксиса финно-угорских языков.

Одновременно велась также работа по составлению словарей; были изданы словари ненецкого, коми-зырянского, удмуртского, марийского,

мансийского, венгерского и финского языков, составляются словари карельского и вепсского языков. Хотя это в основном словари сравнительно небольшого объема (15—20 тысяч слов), тем не менее они способствовали развитию культуры языка соответствующих народов и народностей и углублению знакомства финно-угроведов разных стран с различными финно-угорскими языками.

За годы советской власти возникла новая отрасль финно-угроведения — диалектология. Стимулом для усиленного изучения диалектов финно-угорских и самодийских языков вначале была необходимость точного определения диалектной базы для создаваемых литературных языков. Детальное изучение диалектов карельского языка (организованное чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубрихом) завершилось составлением атласа карельских диалектов. Много собрано материалов по диалектам эстонского языка. Составлен «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов». Изучение диалектов мордовского языка отразилось в издании четырех сборников грамматических очерков отдельных диалектов. Ведется изучение диалектов удмуртского языка. Значительные материалы по диалектам собраны также в Марийской АССР. Подготовлен к печати «Словарь диалектов мансийского языка». Изучены диалектные особенности ненецкого языка. Многие проблемы, связанные с изучением диалектов финно-угорских и самодийских языков, нашли отражение в статьях и монографиях.

Начало разработке истории финно-угорских языков в нашей стране было положено Д. В. Бубрихом, исследовавшим историю прибалтийско-финских, мордовских и пермских языков. Большой вклад в изучение истории пермских языков, главным образом фонетики, был сделан проф. В. И. Лыткиным, исследовавшим также язык древней коми письменности. В настоящее время созданы сводные труды по исторической морфологии пермских и марийских языков, подготовлена к печати «Историческая морфология мордовских языков». Составлен «Этимологический словарь коми-языка». Значительно продвинулась разработка новых этимологий.

Оживилось внимание к проблемам этногенеза финно-угорских народов, и ранее других — мордовского и марийского народов. В Эстонии ведется оживленная работа по исследованию происхождения прибалтийско-финских народов. В Эстонии и Карельской АССР активно изучаются языки малочисленных финно-угорских народностей (ливы, водь, саами, вепсы).

3.3. Наиболее характерные черты разработок, проводившихся в области тюркологии и финно-угроведения, приложимы также к исследованию других групп языков народов Советского Союза: кавказских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских и других.

Так, кавказские языки, число которых составляет почти четвертую часть всех языков Советского Союза, прежде или совершенно не были известны науке или описывались в самых общих чертах. Советское языкознание стерло белые пятна с языковой карты Кавказа. Впервые изучены и описаны языки андо-цезские, шахдагские и др. Детальные описания фонетики (работы чл.-корр. АН СССР Г. С. Ахвледиани, проф. Н. Ф. Яковлева) и грамматики (труды чл.-корр. АН СССР А. Г. Шанидзе, акад. ГрузССР А. С. Чикобава, проф. Н. Ф. Яковлева, проф. Л. И. Жиркова) кавказских языков позволили выработать методику исследования специфических черт этих языков — таких, как, например, именные классы или особые глагольные категории (версия, потенциалис, союзность), эргативная конструкция предложения. Исследование структурной специфики кавказских языков много дает для теоретического осмысления проблем общего языкознания

Существенно развилось начатое советскими кавказоведами монографическое изучение многочисленных диалектов кавказских языков; составле-

ны сводные диалектологические очерки ряда языков. Большое внимание уделяется сравнительно-историческому и историческому изучению основных групп кавказских языков, в связи с чем выдвигается проблема родства кавказских языков в целом.

4. В послереволюционные годы в советском языкознании широко раздвинулись пределы и углубилось содержание новой, еще очень молодой лингвистической дисциплины — истории литературного языка, синтезирующей данные исторической грамматики и исторической лексикологии, диалектологии, лингвогеографии, истории литературы и устанавливающей закономерности литературно-языкового развития в связи с общими закономерностями исторического процесса.

Проблема литературно-языковой нормы и ее внутреннего содержания, степени охвата этой нормой в разные исторические периоды разных ярусов или уровней литературного языка, раскрытие социально-исторических условий и структурных качеств разных видов или типов нормы — все это также является одной из основ структурно-исторической дифференциации разных периодов и эпох истории литературного языка

Погружаясь в сферу советских работ по теории и истории литературных языков, легко заметить и конкретно-исторические связи их с нашей отечественной и зарубежной филологической традицией и вместе с тем новый методологический подход к анализу больших социально-исторических проблем, относящихся к развитию литературных языков. В сущности, новая методология как бы постепенно и в разной степени проникала в советские исследования по истории литературных языков Советского Союза и зарубежных — Запада и Востока. Достаточно сослаться лишь на отдельные, наиболее показательные труды — например, проф. М. В. Сергиевского по румынскому, молдавскому и истории французского языка, акад. Л. А. Булаховского по истории русского и особенно украинского литературных языков, акад. В. М. Жирмунского по истории немецкого языка, проф. Б. А. Ильиша по истории английского языка (1958 г.), проф. А. И. Ефимова по истории русского литературного языка, двухтомную историю украинского литературного языка под редакцией акад. АН УССР И. К. Белодеда и мн. др.

В плане теории возникновения и развития литературных языков значительный интерес представляет монография акад. Л. А. Булаховского [4]. В первой ее части раскрывается понятие литературного языка — соотносительно с понятием письменного языка; отмечается разнообразие социально-исторических условий — индивидуальных и типовых — формирования разных литературных языков, во многом в зависимости от эпохи; дается характеристика факторов — общественно-политических, экономических и идеологических — перехода у разных народов от письменного языка феодализма (культового, канцелярского, часто чужого — латинского, церковного, иногда же — своего, основанного на диалекте) к новому литературному языку на широкой народной основе; помещаются очень краткие очерки становления народно-литературных языков и сопровождающих их процессов; выдвигается проблема диалектной основы литературных языков (французского, сербского, абхазского, украинского и др.); освещается вопрос о письменной речи как факторе интеграционных тенденций, о влиянии иностранных языков; остро и широко трактуется проблема «возрождения» в истории народно-литературных языков (новогреческого, провансальского, сербского). Уже из этого общего, почти номенклатурного перечня или списка тем видно, как богато и разнообразно содержание первой части монографии акад. Л. А. Булаховского. Здесь видна живая, хотя и выраженная достаточно осмотрительно, тенденция воспользоваться теми свежими мыслями, которые постепенно выступали применительно к теории развития языка в существовавшем тогда советском языкознании.

[4] Л. А. Булаховський, Виникнення і розвиток літературних мов, ч. I — «Наук. зап. [Ін-ту мовознавства АН УРСР]», I, Київ, 1941; ч. II — «Наук. зап. [Ін-ту мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР]», II—III, 1946; ч. III — «Мовознавство», Київ, 1947 («Наук. зап. [Ін-ту мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР]», IV—V).

Во второй части своего исследования, посвященной проблемам развития разных сторон или элементов, разных ярусов структуры литературного языка, Л. А. Булаховский на очень разнообразном материале характеризует рост литературного словаря, обогащение его народно-диалектной лексикой, которая подвергается сложным семантическим преобразованиям в литературном языке и активно участвует в создании и распространении научной терминологии. Он касается вопросов освоения и национально-литературного приспособления иноязычных или заимствованных слов. Краткий этюд по сравнительной семасиологии сопровождается удачно подобранными заметками о переносном употреблении и переосмыслении слов и о судьбах архаизмов. Особенно интересны материалы и замечания Л. А. Булаховского, относящиеся к эмоциональной и социально-окрашенной разностильной лексике и к расширению объема литературного словаря, пополнению его неологизмами.

Отдельный большой раздел составляют рассуждения об упорядочении литературного языка, об унификации и закреплении его норм и о процессах нормализации, осуществляемых при содействии грамматики и лексикологии. Вместе с тем Л. А. Булаховский тщательно и разносторонне анализирует опасности и трудности, возникающие в связи с общественной деятельностью в области нормализации литературной речи, отмечая консервативные тенденции и явления пуризма.

Любопытны страницы, где говорится о различиях и расхождениях между письменной и устной речью, о принципах, способах и тенденциях сближения письменной речи с народно-разговорной в разных языках (французском, русском, скандинавских и др.). Сюда же примыкают главы о диалектизмах (местных и социально-профессиональных, производственных) в языке художественной литературы, который далеко не всегда укладывается в узкие рамки педантически охраняемых литературных норм (например, в языке произведений таких классиков, как Н. В. Гоголь, и таких советских писателей, как Вс. Иванов, Л. Леонов, М. Шолохов и др.). Особо обсуждается проблема вариантов норм и самой языковой структуры в языках большого географического распространения, обслуживающих разные государства,— в английском (Англия и США) или испанском (Испания и латиноамериканские государства).

В заключение этой части излагаются разнообразные процессы освобождения литературных языков от речевых элементов, которые признаются (иногда по узкополитическим соображениям) не соответствующими национально-языковой норме,— от чужестранных заимствований (в связи с пуристическими тенденциями), от вульгаризмов просторечия, речевых нарушений общественного этикета. Очень кратко говорится о демократическом расширении границ литературного языка — в связи с историей общества, с развитием социальных функций литературной речи и течений художественной литературы.

В третьей части Л. А. Булаховский предлагает сжатый очерк стилистики литературных языков, останавливаясь сначала на общей проблеме стиля, на характеристике разных стилей и стилистических качеств литературной речи. Сюда присоединен этюд о популяризации языка и об отрицательных свойствах современного газетного стиля. Далее излагаются с очень яркими иллюстрациями вопросы нормативной стилистики, относящиеся к понятию точности языка (обращение с омонимами, роль энантиосемии, способы употребления синонимов, принципы и формы словорасположения, специфика стилей научной и художественной речи и разный смысл принципа точности в них). Уделяется много внимания проблеме развития эстетической направленности языка и факторам его эстетического употребления, усовершенствования и обновления (принцип эвфонии, рифмических соотношений и построений, ритмические вариации художественной речи, формы поэтического синтаксиса, композиционные повторы, фразеологическое новотворчество, взаимодействие стиха и прозы, перифразы, приемы стилистической гибкости и эластичности прозы, формы поэтической образности и др.). Кратко освещается вопрос о взаимодействии стилей различных литератур и о границах, задачах и средствах индивидуально-стилистического новотворчества. В заключение делаются обобщения и выводятся основные принципы нормативной стилистики литературного языка в аспекте культуры речи.

В изложенном труде акад. Л. А. Булаховского ярче всего отразился синтез лучших достижений прежней отечественной науки, касавшейся проблем литературного языка, с новыми социологическими идеями и явлениями в этой области 40-х годов XX в. В этом исследовании рельефно выступили характерные черты общих филологических устремлений советской эпохи. Стремительный рост духовной культуры, выражаясь в изменениях языка, порождает обостренную требовательность и интерес к слову, к словесно-художественным произведениям. В эпоху глубокого обновления жизни общественная роль филологии как науки о языке, о литературе, о словесной культуре, а также как о методологии и лаборато-

рии истолкования литературных памятников и современных проявлений поэтического творчества становится особенно важной и влиятельной. Понимание и толкование литературного текста — основа филологии и вместе с тем основа исследования духовной, а отчасти и материальной культуры. В связи с обострением интереса к образованию национальных культур и формированию новых наций, национальных письменностей и национальных языков в пределах Советского Союза на основе философии марксизма-ленинизма осуществляется новый синтез таких областей общественных наук, как история, языкознание и литературоведение. Именно на почве подобного взаимодействия и объединения быстро вырастает и плодотворно развивается такая отрасль лингвистики, как история литературных языков.

Прежде всего научное движение в новом направлении начинается с истории русского литературного языка. История русского литературного языка, будучи, по словам акад. А. А. Шахматова, «историей развития русского просвещения», неразрывно связана с историей русской общественной мысли, с историей русской науки, с историей русского словесного искусства. В досоветскую эпоху конкретные работы широкого охвата по истории русского литературного языка были единичны, а общие очерки, если они выходили за пределы описания звукового и морфологического строя, представляли случайный набор языковых фактов — из сфер лексики, словообразования и синтаксиса (ср. «Очерк истории русского литературного языка» проф. Е. Ф. Будде). Почин в систематической разработке этой новой области советского языкознания принадлежит многочисленным трудам акад. В. В. Виноградова, а также монографиям и статьям акад. С. П. Обнорского, акад. Л. А. Булаховского, проф. Л. П. Якубинского, проф. Б. А. Ларина, проф. Г. О. Винокура и других ученых. Эти труды не могли не оказать большого влияния на оживление широкого научно-исследовательского интереса к истории литературных языков народов Запада (французского, английского, немецкого, итальянского, испанского, скандинавских, славянских) и Востока (арабского, монгольского, китайского, японского, персидского, турецкого и др.).

Особенно напряженно протекали работы по изучению процессов образования, становления и развития литературных языков народов Советского Союза. Создание грамматик многих языков народов Советского Союза было осложнено необходимостью предварительно решать вопрос о диалектной базе соответствующего письменно-литературного языка. Так в новом аспекте вырисовывались вопросы о связи литературного языка с народными диалектами и об языковой норме. Вместе с тем во всем своем общественном и научном значении встал специфический для советского языкознания вопрос о национальном языке как исторической категории, о разных социально-исторических и историко-лингвистических путях и условиях его формирования. На этой почве в новом свете предстали и проблемы литературных языков и специфики их формирования и развития.

Необходимо отметить своеобразные особенности, почти контрастные различия в развитии старописьменных и младописьменных языков Советского Союза. Литературные языки старописьменных народов развиваются в сторону сближения с народно-разговорной речью; напротив, младописьменные литературные языки, возникшие на основе общенародной живой разговорной речи, в первый период своего развития начинают отходить от этой основы, стремительно пополняясь терминами, книжной фразеологией, кальками, заимствованиями, жанрово-стилистическими новообразованиями и т. д. В связи с этим увеличивается расхождение между младописьменным литературным языком и его народно-речевой базой.

Наряду с историей литературного языка и в живом взаимодействии с нею за советский период быстро и плодотворно развивается наука о языке литературных произведений, о языке художественной литературы, о стиле писателя. И тут направляющая, руководящая роль принадлежала науке о русском литературном языке (особенно трудам акад. В. В. Виноградова). Исследование стиля, поэтики писателя, его мировоззрения, невозможно без основательного, тонкого знания его языка. Самый текст сочинений писателя может быть установлен и прочитан правильно только тем, кто хорошо знает или глубоко изучил язык этого писателя. Задача изучения языка писателя и шире — языка художественной литературы — состоит в том, чтобы определить общие и национально-специфические закономерности развития словесно-художественного или поэтического творчества того или иного народа и его великих писателей. Со всей остротой встал вопрос о создании теоретических основ учения об эстетике слова и о поэтической речи. Выяснилась необходимость разностороннего изучения исторических связей и взаимодействий развития литературного языка и языка художественной литературы. Широко развернулась научно-общественная деятельность в сфере теории и практики культуры речи. Бурное, стремительное развитие Советского Союза выдвинуло новые мощные факторы, которые привели к особым закономерностям развития социалистических наций и их языков. Культурный и экономический рост наций сопровождается осложнением процессов языковых взаимоотношений и взаимодействий. Создаются сложные и разнообразные взаимоотношения между литературными языками и диалектами, между бесписьменными языками и языками, имеющими письменность, между разными национальными языками и русским языком как языком межнационального общения.

5. Становление, развитие и оформление различных направлений сравнительного языкознания в СССР определялось и направлялось тремя факторами, значимость и диапазон которых не были одинаковыми на протяжении развития советского языкознания; этими факторами были: традиции дореволюционного русского сравнительного языкознания, поиски новых решений и постановка ряда новых проблем в советском языкознании в плане сравнительно-исторического изучения многочисленных языков Советского Союза и, наконец, осмысление и творческая адаптация новых течений и современных приемов исследования в зарубежном сравнительном языкознании.

Следует указать на то, что развитие советской компаративистики протекало весьма сложно и не было лишено внутренних противоречий. Можно было полагать, что в советский период развернется и будет значительно углублена работа в области сравнительного языкознания как продолжение традиции компаративизма в России, ярко и оригинально сказавшихся в московской школе сравнительного языкознания в области индоевропеистики, славистики и классической филологии, в петербургской школе ориенталистики и романо-германской филологии, а также в пробивавшем себе путь компаративизме в Казани, Киеве, Одессе, Харькове, Ереване и в Тбилиси. Однако появление и экспансия нового учения о языке Н. Я. Марра, сопровождавшаяся нарушениями общепринятых норм научного поведения и научной критики, как и выводы, которые были сделаны из этого учения в последующее время рьяными последователями и неофитами нового учения о языке, привели к тому, что не только оказались прерванными замечательные традиции дореволюционного сравнительного языкознания, в отдельных областях далеко опередившего опыт сравнительного изучения языка в Европе и в Америке, но, за ничтожными исключениями, работа в области сравнительного языкознания в 30—40-е годы по сути дела прекратилась или была в зна-

чительной мере свернута. Лишь после дискуссии 1950 г. представилась возможность вновь вернуться к проблемам сравнительного языкознания на материале языков разных систем. То, что было сделано в СССР менее чем за два десятилетия в этой области, позволяет со всей определенностью утверждать, что советские компаративисты имеют свой собственный научный метод, свои оригинальные приемы исследования, заставляющие говорить о советской школе компаративизма. В свете этих достижений не представляется удивительным заявление ведущих компаративистов США о том, что дальнейшая разработка сравнительной грамматики индоевропейских и германских языков невозможна без учета опыта работы советских компаративистов в этом направлении.

Значительный интерес и большую познавательную ценность имеют исследования советских компаративистов, посвященные созданию сравнительно-исторической грамматики индоевропейских (германских, романских, славянских), финно-угорских, тюркских и других языков.

Здесь возникает прежде всего вопрос о понимании исходного для семьи родственных языков состояния, именуемого праязыком, о принципах его реконструкции, о соотношении сравнительной и внутренней реконструкции и о соотношении собственно сравнительной и исторической грамматики определенного языка. В связи с этим принципиальную важность приобретает вопрос о границах и объеме использования данных современных диалектов, а также результатов и опыта диалектологии и лингвистической географии для реконструкции исходного состояния групп родственных языков. В трудах советских компаративистов реконструкциям исходного состояния отводится значительное место, благодаря чему особый интерес приобретает проблема относительной хронологии фонетических, фономорфологических и морфологических процессов и принципы периодизации исходного состояния или праязыка. Некоторые советские компаративисты исходят из того, что строгое соблюдение принципов относительной хронологии не позволяет гетерогенные явления различных языков, принадлежащих к одной языковой семье, механически переносить в плоскость праязыка, который, благодаря внедрению методики внутренней реконструкции, сам приобретает значительную временную глубину. Все это заставляет выделять в праязыке несколько хронологических пластов, или несколько срезов.

Не менее существенной оказывается постановка вопроса о том, в какой мере все уровни языковой системы (фонологический, морфологический, синтаксический, лексико-семантический) допускают реконструкцию исходного состояния, в связи с чем, естественно, получает новое освещение проблема возможности восстановления текста на праязыке. Хотя в решении данного вопроса еще не достигнуты единство мнений и согласованность ответов всех советских компаративистов, вряд ли можно сомневаться в том, что поиски в этом направлении рано или поздно плодотворно скажутся на методике сравнительно-исторических исследований и на построении сравнительной грамматики групп родственных языков.

Новым и оригинальным в работах советских компаративистов следует также считать внедрение приемов ареальной лингвистики в сравнительную грамматику группы родственных языков. Это представляется особенно важным для решения вопроса об архаизмах и инновациях в индоевропейских языках (и, при прочих равных условиях, в других языковых семьях), что позволяет в конечном счете радикально пересмотреть классическую модель индоевропейского праязыка и, тем самым, модель общегерманского, общеславянского, общебалтийского, общего индоиранского и т. д. состояний. Здесь следует указать на ряд интересных монографий советских славистов и германистов, посвященных проблемам периодиза-

ции общеславянского и общегерманского состояния, стабилизации отдельных ареалов после распада общеславянской и общегерманской общности, а также многообразным формам контактирования между данными ареалами. В этой связи следует указать на то, что пересмотр вопроса об архаизмах и инновациях в индоевропейских языках влечет за собой новую постановку проблемы классификации индоевропейских языков и выяснение многоступенчатых контактов между различными ареалами индоевропейской языковой общности.

Естественно, что данный вопрос переплетается с проблемой контактирования индоевропейских языков с финно-угорскими (возможно, и шире: урало-алтайскими), семитскими, кавказскими и другими языковыми мирами, и в работах некоторых советских компаративистов данная проблема получает хотя и во многом спорное, но в то же время оригинальное решение. Выяснение форм контактирования индоевропейских языков с неиндоевропейскими языками связано не только с анализом генеалогических отношений, но и с анализом типологической общности или в рамках языкового контактирования, или в рамках постулата (разделяемого, однако, не всеми языковедами) о языковых союзах. Это, в свою очередь, подводит к вопросу о соотношении сравнительной и типологической грамматик, или в иной формулировке — к вопросу о возможности использования типологических критериев в сравнительном языкознании.

Отличительной особенностью ряда работ советских компаративистов является широкое привлечение типологических констант при освещении различных проблем сравнительной грамматики отдельных групп и семей языков. Плодотворность подобного подхода не подлежит сомнению, хотя и следует указать на то, что многое в типологической процедуре остается неясным и ждет своего дальнейшего решения. Наиболее явственно значение типологической методики для сравнительного языкознания проступает в таких обобщающих работах советских языковедов, как сравнительная грамматика германских языков, сравнительная грамматика славянских языков, сопоставительно-типологическая грамматика романских языков.

Хорошо известно, что принципы и методика сравнительной грамматики индоевропейских языков находились в прямой зависимости от интерпретации материала вновь открытых языков. В этой связи можно указать на то, что именно в советском сравнительном языкознании впервые в науке в сравнительном освещении рассматривались малоизученные или дотоле вовсе не известные языки, материалы которых в ряде случаев имели решающее значение для переформулировки или для новой постановки ведущих проблем сравнительной грамматики соответствующих групп или семей языков. Так, в сравнительную грамматику германских языков впервые был введен фарерский язык, и была предложена сравнительная интерпретация его важнейших морфологических категорий. В исследования по сравнительной грамматике иранских языков был введен скифский язык, получивший, особенно в соположении с данными славянских и германских языков, новую и неожиданную интерпретацию. Для сравнительной грамматики индоевропейских языков исключительно большое значение имели данные хетто-лувийских языков, и благодаря исследованиям советских компаративистов в этой области были достигнуты значительные успехи. Наряду с новой интерпретацией ряда особенностей клинописного хеттского языка здесь следует отметить дешифровку отдельных малоазийских языков, особенно карийского, который часть советских компаративистов склонна отнести к хетто-лувийской группе. Интерес представляют работы по крито-микенским языкам.

Не следует думать, что советское сравнительное языкознание замы-

кается лишь кругом индоевропейских языков. Необходимо подчеркнуть, что в области финно-угроведения, тюркологии, монголистики, кавказоведения, а в последнее время и в области африканистики появились исследования, посвященные сравнительно-историческому анализу фонологических, морфологических, синтаксических и словообразовательных явлений в соответствующих кругах языков. Вопрос о возможности сравнительного изучения младописьменных и даже бесписьменных языков представляет большой теоретический интерес, и опыты советских языковедов в этом направлении заслуживают самого пристального внимания. К этому следует добавить, что у советских языковедов имеются неограниченные возможности и оптимальные полевые условия для изучения и описания самых различных языковых семей не только с точки зрения дескриптивной и исторической грамматики, но и в плане их сравнительно-исторического изучения.

6. Радикальны изменения в востоковедении за 50 лет. Они захватывают ареал изучаемых в востоковедении культур, содержание востоковедения, систему востоковедных учреждений. Старое востоковедение изучало следующие ареалы: а) сопредельные с Россией страны Востока (Японию, Китай, Монголию, Иран, Турцию, все арабские страны, кроме стран Магриба), б) районы России, охваченные исламской культурой, культурой буддизма, а также Кавказ, в) изучались культуры некоторых не сопредельных с Россией стран Востока и Африки в той мере, в какой это диктовалось интересами общего языкознания и всемирной истории. Преимущественно изучалась древняя Индия и древний Египет.

Современное востоковедение изучает другие культурные ареалы. Помимо сопредельных с СССР стран Востока, изучаются практически все культуры стран Азии и Африки, при этом не только их древность, но и (по преимуществу) «современность».

Востоковедение прежде было в России комплексной наукой, включавшей в себя изучение ядра культуры стран Востока: языка, литературы, истории. Комплексность востоковедения проявлялась в его методе (при описании языков, например, учитывались данные об историко-культурной значимости этих языков).

Современное востоковедение, помимо своего исторически сложившегося историко-филологического ядра, включает в себя ряд специальных, разделенных своими методами гуманитарных наук, отраслей: лингвистику, теорию и историю литературы, новую, новейшую и древнюю историю, политическую экономию и ряд других дисциплин (конкретную эстетику, нумизматику, этнографию, археологию и т. д.). Востоковедение теперь имеет двойное деление: по ареалам культур (как прежде) и по методам конкретных гуманитарных наук.

Проследим эволюцию той части востоковедения, которая по своему предмету может быть отнесена к лингвистике.

Классическое (комплексное) востоковедение в советское время представлено наследием В. А. Гордлевского, И. Ю. Крачковского, Б. Я. Владимирцова, Е. Д. Поливанова, Н. А. Невского, Н. И. Конрада, Е. Э. Бертельса, Ф. И. Щербатского, В. М. Алексеева, А. П. Баранникова, В. В. Струве, И. А. Орбели, Н. Я. Марра и др. Именно эти ученые своими трудами сделали советское востоковедение отраслью мирового востоковедения. Некоторые из этих ученых выдвинули новую проблематику и предложили новые идеи, расчленяющие востоковедение на специальные дисциплины. При отделении от общей филологии Востока философии, истории, политической экономии соответственно изменилось и соотношение лингвистики и филологического востоковедения. Лингвистические идеи, являющиеся чисто востоковедным достоянием, развивались академиками

Н. Я. Марром, В. М. Алексеевым, А. П. Баранниковым и проф. Е. Д. Поливановым в различных направлениях. В отличие от Н. Я. Марра, увлекавшегося почти исключительно вопросами внешней лингвистики (Н. Я. Марр и его последователи не составили школы, так как в работах этих ученых не существует единообразной системы взглядов), Е. Д. Поливанов занимался по преимуществу внутренней лингвистикой. Е. Д. Поливанов оставил большое наследие в области синхронического описания восточных языков. Он ярко представляет выделившуюся из филологии востоковедную лингвистику, на деле осуществив систематологический подход к внутреннему описанию восточных языков. Общелингвистические идеи Е. Д. Поливанова не выражены цельно и разбросаны в виде отдельных замечаний по разным работам.

Предварительно эти идеи можно суммировать примерно так:

а) Инвентарь лингвистических средств, которыми пользуются разные языки, несмотря на то, что языков чрезвычайно много, все же ограничен. Эта ограниченность видна в области инвентаря формальных средств языка и в области системной организации этих формальных средств.

б) Целесообразно попытаться исследовать причины этой ограниченности. Интуитивно представляется целесообразным начать исследование причин такой ограниченности не с плана содержания языка, а с плана выражения, и именно — с фонологии.

в) Фонология языка должна быть описана детально как полный инвентарь языков и их возможных системных связей. Предварительные наблюдения показывают, что ограниченность инвентаря фонем и суперсегментных элементов определенным образом связана с комплектованием единиц вышележащего уровня — морфем. Это показывает, что в центре языковой системы лежат не уровни и единицы, а межуровневые корреляции. Самая глубокая внутренняя система языка, обнаруживающая его внутренние законы, есть система межуровневых корреляций.

г) Целесообразно для выяснения справедливости этих предположений заниматься сопоставительными описаниями разносистемных языков, поскольку таким путем удобнее обнаружить исконные факты.

Так были впервые предложены идеи характерологии. Практическое выражение эти идеи нашли в создании письменности ряда тюркских языков.

В 30 и 40-е годы создавались теоретические основы научного описания ряда восточных языков в их современном состоянии. В работах академиков В. М. Алексеева и А. П. Баранникова, в которых наиболее ярко отразился переход от проблем древности к вопросам современности в изучении языков Востока, значительное внимание уделялось общественно-языковой устной практике в странах Востока и ее особенностям; главный интерес при этом был сосредоточен на социальных механизмах устного общения. У В. М. Алексеева этот интерес вырос на почве исследования фонетики и истории текстов, а также изучения реформы иероглифики; у А. П. Баранникова —из обращения к изучению хиндустани и других современных индийских языков и форм языковых контактов. Чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели исследовал язык среднеазиатских арабов, оказавшийся более близким к бедуинским диалектам, чем к диалектам оседлого населения арабских стран.

Своеобразным развитием классического востоковедения стала известная общественности лишь в последнее время работа Н. А. Невского «Тангутская филология». Автор ее произвел дешифровку новой письменности и впервые в истории России успешно осуществил сложный комплекс работы дешифровщика.

Идеи основателей советской востоковедной лингвистики отразились в творчестве их учеников и последователей.

Специализация отраслей востоковедения сказалась в том, что в настоящее время практически почти нет востоковедов как представителей комплексной науки. Востоковеды-лингвисты, начиная с 30—40-х годов, работали, подчиняясь требованиям все расширяющейся практики преподавания восточных языков. Практическая направленность работы сформировала особый тип преподавателя-переводчика, знатока разговорной практики современных восточных языков. Научное творчество нового поколения востоковедов оказалось обращенным по преимуществу к этой практике. Начиная с 40-х годов по настоящее время создана громадная серия двуязычных, переводных словарей современных восточных языков. Эти словари практически охватывают почти весь изучаемый теперь ареал культур, и список освоенных словарями восточных языков стремительно растет. Объем этой работы поистине трудно обозрим. Качество таких словарей различно. Стандартизация типа проведена с ориентацией на современную восточную прессу и отчасти художественную литературу.

Особо следует отметить уже завершенный большой словарь японского языка и словарь китайского языка, создаваемый в ИНА АН СССР (под руководством И. М. Ошанина). Словарь китайского языка, который целесообразно назвать культурно-историческим переводным словарем, описывает историю китайской лексики по всем письменным памятникам с указанием текстов источников и всей системы словоупотреблений, зафиксированных в текстах.

Составление грамматик и грамматических руководств по живым восточным языкам — второй поток в публикациях по востоковедной лингвистике в последние двадцать лет. Эти руководства и грамматики менее многочисленны, чем словари, но они подкреплены обширными разработками проблем грамматического описания восточных языков, данных в большой серии статей и специальных монографий. С точки зрения содержания многие из этих грамматик и разработок к ним связаны некоторой общей чертой. Это — аналитические грамматики живых восточных языков, где средством анализа является сопоставление с нормами современного русского языка. В результате этой работы сложилась система грамматик восточных языков, описанных достаточно единообразно. По этим грамматикам ведется преподавание восточных языков. (Подобные грамматики популярны на Востоке, если они становятся доступными путем той или иной передачи их на восточные языки.)

Итак; словари и грамматические описания восточных языков, созданные в последние 20 лет, отличаются особым свойством, не присущим прежнему востоковедению: они оказывают косвенно нормализующее влияние на общественно-языковую практику современных восточных языков.

Таким образом, можно констатировать бурный прогресс лингвистики в направлении описания систем живых восточных языков, оказывающий влияние на страны Востока. Такая лингвистическая специализация востоковедения привела к ряду недостатков в его развитии, которые так или иначе исправляются в последние десять лет.

Советское востоковедение отстало в области диахронического описания языковых семей Востока. Неслучайно, что больше, чем у нас, диахронические описания появляются на Западе. Диахроническое изучение восточных языков ведется эпизодически и недостаточно строго и представлено по большей части статьями. Наиболее сильным местом советской востоковедной диахронической лингвистики несомненно является изучение семито-хамитских, иранских и хетто-лувийских языков. Системы языков Среднего и Дальнего Востока практически не охвачены диахронической лингвистикой в Советском Союзе.

За последние десять лет предприняты обширные издания памятников. Эта работа возрождалась в значительной мере усилиями покойного Е. Э. Бертельса. Издание памятников иранских и арабских, по-видимому, сейчас ведется удовлетворительно. Однако в сравнении с теми коллекциями рукописей, которые есть в наших хранилищах и еще могут быть изысканы, описаны и изданы, темпы публикаций недостаточны. Появляются обнадеживающие результаты и в отношении изданий памятников неисламских культур Востока. В ряду изданий памятников можно поставить разросшиеся издания восточного фольклора и восточной паремиологии.

Важной новой отраслью востоковедения стали дешифровки. Можно, пожалуй, утверждать, что классическую немецкую, английскую и французскую школы дешифровки сейчас сменяет советская школа. Успехи в дешифровке майя, тангутского, карийского и рапануйского языков весьма заметны. Чрезвычайно продвинулась у нас эпиграфика и палеография Востока. Археолого-этнографо-лингвистические работы в Средней Азии, исследования сабейских, угаритских, финикийских, арамейских текстов делаются сейчас весьма корректно в лучших традициях шумерологии, ассирологии и египтологии.

Таким образом, помимо синхронических описаний живых восточных языков, в последние десять лет востоковедение восстанавливает некоторые старые области и создает новые.

Характерно, что в настоящее время остро дает себя знать тенденция использовать данные восточных языков при построении курсов общего языкознания.

7. Общий обзор путей развития советской лингвистики необходимо пополнить указаниями на достижения структурного и прикладного языкознания. Хотя структурные методы начали развиваться у нас довольно поздно, развитие их протекало весьма бурно, и за последние пятнадцать лет в этой сфере были достигнуты определенные результаты [5]. Вначале в центре внимания советских ученых, занимавшихся машинным переводом, находились практические проблемы составления алгоритмов анализа и синтеза текста, автоматических словарей и т. п. И хотя на этом пути были сделаны существенные успехи, позволившие более четко осознать проблематику перевода, все же преувеличенные надежды первых лет постепенно уступают место убеждению, что задача автоматического перевода требует для своего полного решения знаний и средств, которыми ученые до сих пор не располагают.

Отсюда, с одной стороны, повысился интерес к построению четко формализованных моделей языка, а с другой стороны, центр тяжести переместился от синтаксиса к семантике. В технике моделирования языка пока получены некоторые результаты как в области математического исследования абстрактных свойств языка, так и в области построения и лингвистической интерпретации различных видов моделей языка. В сфере порождающих грамматик следует особо отметить работы по обобщению различных типов грамматик. Важны также грамматические исследования, связанные с алгоритмическим анализом текстов.

Этот круг проблем тесно связан с типологическим анализом языков, который заметно усилился в последние годы. Отрадно отметить, что исследования в области моделирования языка (в том числе и структурно-типологические исследования) все более тесно увязываются с традицион-

---

[5] Некоторое представление об этом дают библиографический указатель «Структурное и прикладное языкознание» (рецензию на него см. ниже, стр. 128 и сл.), а также критико-библиографический справочник И. А. Мельчука и Р. Д. Равич «Автоматический перевод 1949—1963» (М., 1967).

ной морфологической и синтаксической проблематикой. Если 10—15 лет тому назад многие наши структуралисты настойчиво прокламировали свой разрыв с традиционной проблематикой языкознания, то в настоящее время все более ясной становится связь и преемственность проблематики старой и новой лингвистики.

Что касается повышения интереса к семантической проблематике, то он действительно характерен как для ученых, занимавшихся непосредственной реализацией идеи машинного перевода, так и для тех, кто занимался преимущественно исследованием общих проблем структурной типологии. Интерес к семантике стимулировался не только изысканиями в области перевода, но и интересом к общим проблемам коммуникации в человеческом обществе и возникновением в связи с этим новой науки семиотики. Семиотический подход не ограничивался, естественно, языком в узком смысле слова, а был распространен на исследования поэтики, мифологии и других моделирующих систем.

Интерес к проблемам коммуникации вызвал к жизни и целый ряд исследований, посвященных выяснению теоретико-информационных характеристик русского языка. Среди многочисленных статистических исследований языка, проводившихся в последние годы, привлекают внимание работы акад. А. Н. Колмогорова, в которых был поставлен вопрос о «мере гибкости» языка и было показано, как важно учитывать во всех исследованиях языка разветвленную синонимию разных уровней.

Здесь исследования по структурной и прикладной лингвистике непосредственно сомкнулись с проблематикой стилистики, давно уже занимавшей советских лингвистов, а в последнее время выдвинувшейся в число основных лингвистических дисциплин.

8. Типологические классификации языковых систем исторически были отправной точкой развития типологии. В советской лингвистике велась большая исследовательская работа по изучению и оценке существующих языковых систем и по созданию и уточнению типологических классификаций языков; на этой основе развилась методика типологических оценок описываемых языковых систем. Типологические классификации, по мысли советских лингвистов, не будучи целью типологических исследований, представляют собой только одно из средств объяснения типологических свойств языков. Отсюда в типологии наметились две тенденции. Одна из них, названная «характерологией», сводится к тому, что в сопоставительном плане одновременно описывается строй двух или нескольких языков. Характерологические исследования сильно развились после 30-х годов. Практически строй почти всех национальных языков Советского Союза описан так или иначе в плане сопоставления с русским языком и другими национальными языками. Большое количество характерологических описаний было осуществлено также в романистике, германистике, в востоковедении и в других отраслях конкретного языкознания. Благодаря этой работе характерологические аргументы стали часто применяться как в синхронических, так и в диахронических описаниях языков.

Другим теоретическим направлением было построение независимой типологической теории, предназначенной для объяснения типологических фактов языка. Характерным образцом в этой области были работы акад. И. И. Мещанинова. И. И. Мещанинов построил своеобразную типологическую систему, предназначенную для объяснения центральной проблемы грамматики — отношений частей речи и членов предложения. Вслед за И. И. Мещаниновым был создан ряд типологических теорий разной степени широты и обобщающей силы. Видное место здесь занимают разработки по проблемам так называемого эргативного строя.

В последние годы типологические исследования еще более усложнялись и дифференцировались. Во-первых, благодаря формализации метаязыка лингвистики было заложено более прочное основание для типологических сравнений языка. Метаязык лингвистики позволил подойти и к выработке всеобщего основания типологического сравнения языков — так называемого языка-эталона. Во-вторых, благодаря лингвистическим универсалиям, идея которых была предложена американскими лингвистами, типология получила свои индуктивные законы, сопоставимые с фонетическими законами в сравнительно-историческом языкознании. Вместе с выделением области исследований языка-эталона и типологических универсалий по-новому ставится проблема собственно типологической теории и типологических классификаций.

*

Подводя итоги общему обзору развития советского языкознания за пятьдесят лет, в качестве существенных и своеобразных черт истории нашей науки в советскую эпоху можно отметить следующее:

1. Теснейшая связь советского языкознания и выдвинутых им социолингвистических проблем с историей многонационального по своему составу советского общества, строящего коммунизм. История советского языкознания развивалась на основе живого опыта социалистического строительства национально-языковых культур народов Советского Союза с учетом сложных соотношений и взаимодействий этих культур. Само собой разумеется, что эта новая «живая жизнь» советского языкознания не была оторвана от лингвистической теории и практики всей мировой языковедческой науки в целом. На этой богатой и сложной почве выросло чрезвычайное многообразие описательных грамматик и словарей языков народов Советского Союза, народов стран Востока и Запада.

2. Своеобразное и глубокое изучение историй литературных языков разных народов, бурно развивавшееся в советском языкознании и выдвинувшее его в этом кругу проблем и достижений на одно из первых мест в мировой науке о языке.

3. Самостоятельное, ищущее новых путей, разностороннее по охвату материала развитие теории и практики сравнительно-исторического языкознания (особенно быстро продвигающееся в области индоевропеистики, а отчасти и финно-угроведения).

4. Оригинальные и во многом независимые от развития языковедения в других странах поиски теоретических и конкретно-лингвистических направлений в кругу типологического изучения языков мира.

5. Все большее сближение тематики, проблематики, а отчасти и методологии «классического» и структурного языкознания, новый, плодотворный синтез их и возникающее на этом пути углубление лингвистических задач и целей общей теории языкознания.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. С. СОРОКИН

О НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Русской лексикографией советского времени накоплен значительный опыт в составлении толковых словарей. В течение трех десятилетий, начиная с 30-х годов, несмотря на вынужденный перерыв в годы Отечественной войны, вышли четыре словаря: «Толковый словарь русского языка» под. ред. проф. Д. Н. Ушакова (1935—1940), два академических, подготовленных Словарным сектором Института русского языка АН СССР,— большой семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1948—1965) и малый четырехтомный «Словарь русского языка» (1957—1961), и однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1-е изд.—1949; 1952—1964—2—6-е изд.). Каждый из этих словарей не был повторением другого, и все они, хотя в различной степени и в разных направлениях, вносили нечто новое по сравнению с предшествующей лексикографической традицией.

Размах работы тем более разительный, если учесть, что на протяжении всех дореволюционных лет, начиная с конца XVIII в., когда установилась традиция составления толковых словарей русского языка, появилось всего пять больших словарей: Словарь Академии Российской в двух его изданиях (1789—1794 и 1806—1822), отличавшихся более расположением материала, чем составом и основным направлением интерпретации, «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. (переиздание в 1867 г.) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866; 2-е изд. — пересмотренное и значительно дополненное — 1880—1882, с его позднейшими, уже в советское время, двумя воспроизведениями; 3 и 4-е изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ с его исправлениями и дополнениями — 1903—1909 и 1913) и, наконец, оставшийся незавершенным большой академический «Словарь русского языка», начатый под руководством акад. Я. К. Грота и продолженный по совершенно измененному плану акад. А. А. Шахматовым и его сотрудниками и учениками (его издание было прекращено в 1937 г.).

Следует признать, что опыт советской лексикографии остается до сих пор недостаточно обобщенным и теоретически осмысленным. Между тем сама история создания в советское время толковых словарей современного русского языка содержит в себе немало нового и поучительного. При дальнейшем движении вперед очень важно учесть и те новые направления, которые открывались советской лексикографией, и те традиционные формы описания и истолкования материалов и недостатки, которые ей не удалось еще вполне преодолеть.

Уже первый толковый словарь советской эпохи — словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, воспринявший особенности некоторых дореволюционных словарей и особенно первого тома академического словаря, вы-

шедшего под редакцией Я. К. Грота, во многих отношениях развил и видоизменил старую традицию, с учетом новых потребностей, а также достижений зарубежной лексикографии и влиятельных лингвистических идей, распространявшихся в эти годы. Словарь под редакцией Ушакова (далее сокращенно ТСУ) был в сущности первым словарем, перед которым была поставлена цель развернутой нормативно-стилистической характеристики состава современного русского литературного языка, исходя из новых хронологических его границ. Если в предшествующем Академическом словаре брались материалы русского языка XVIII—XIX вв., то историческим объектом описания в ТСУ стала лексика литературного языка от Пушкина до Горького. Словарь, опуская многое устарелое для современного употребления (ибо объем его был ограниченным — немногим более 80 тыс. слов), стремился отметить, правда далеко не полно (этому мешал недостаток картотечных материалов), новое, возникшее в словоупотреблении послереволюционной поры. Он опирался не только на данные собственно литературных источников, но стремился включить и данные, относящиеся к иным сферам письменного (например, делового), а отчасти и разговорного языка интеллигенции. Но самым главным в ТСУ, тем, что делало его у нас новым типом толкового словаря, был все-таки принцип очень широко проведенной нормативно-стилистической характеристики фактов, относящихся к различным сферам письменной и устной речи, различных по степени своей распространенности и активности, по своей социальной и территориальной стратиграфии, по своим функциям в речевой практике. Это был первый ответ на новые запросы широких масс, вступивших на путь культурного развития, когда на первый план выступили задачи развития культуры речи, задачи научить массы, приобщавшиеся к литературно-языковой традиции, образцовому словоупотреблению.

Ни в одном предыдущем и ни в одном последовавшем за тем словаре русского языка не было такой густой сетки помет, характеризующих круг и особенности употребления слов. Здесь отмечались градации словоупотребления сразу по нескольким планам и направлениям. Нейтральному и обычному словоупотреблению, находящему себе место в разных сферах, противопоставлялись группы лексики, преимущественно употребляющейся в одной из основных языковых сфер — в разговорном или книжном языке. Фактам строго нормативным и стилистически нейтральным противополагались факты более грубого и менее нормированного просторечия, а отчасти и факты ограниченного ареала (*обл.*). Фактам речи, свободной от специфической окраски, противопоставлялись слова, сопряженные с определенной экспрессией (*неодобрит.*, *шутл.*, *иронич.*, *вульг.*, *фам.*, *ритор.* и т. д.). Была здесь и попытка связать определенные случаи словоупотребления с известными разновидностями книжной речи, относящимися к разным по своим функциям жанрам письменности (*научн.*, *публиц.*, *поэт.*, *офиц.*, *канц.*, *спец.*). Была попытка, правда очень эпизодическая, наметить некоторую социальную и возрастную дифференциацию речи (*арго*, *школьн.*, *детск.*). Устанавливались, наконец, деления лексики и в плане диахроническом (*нов.*, *устар.*). Эти принципы нормативно-стилистической оценки лексики современного языка во многом были несовершенными и противоречивыми, но они оказали самое сильное воздействие на все наши последующие словари, и сейчас, после того, как внутренние противоречия принятой в этом словаре нормативно-стилистической оценки фактов современного литературного языка стали особенно очевидными, они требуют внимательного анализа, так как сам принцип, впервые широко проведенный в этом словаре, сохраняет свое значение и требует дальнейшего развития. Характерно, что до сих пор ТСУ имеет большое рас-

пространение, к нему часто обращаются широкие круги читателей, на него постоянно ссылаются и опираются в оценке и определении фактов нашего языка.

ТСУ, готовившийся в 20—30-х годах и опиравшийся на сравнительно ограниченные картотечные материалы, был во многом неполон и во многих своих рекомендациях и оценках, а отчасти и в самом своем составе быстро устаревал. Интерпретация фактов словоупотребления принадлежала лицам старшего поколения и отражала преимущественно нормы словоупотребления предшествующего времени и отчасти те колебания нормы, которые были характерны для первых послереволюционных лет. В нем, естественно, не могли найти отражения те характерные сдвиги и изменения норм, которые падают на 30—40-е годы, когда борьба за культуру языка, за чистоту речи приобрела особенно важное значение.

Это вызвало к жизни новые толковые словари, два из которых были подготовлены Словарным сектором Института русского языка, имевшем в своем распоряжении достаточно богатую картотеку цитатных материалов из различных произведений XIX и XX вв.

Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» стремился пойти иным путем, чем ТСУ. Он был задуман, как словарь, совмещающий в себе принципы исторического словаря, характеризующего эволюцию русского словоупотребления со времени Пушкина (первоначально предполагалось в качестве необходимого дополнительного фона привлекать и материалы второй половины XVIII в.), и принципы нормативного словаря современной эпохи (что нашло отражение в его заглавии). Здесь нет необходимости давать подробную характеристику этого словаря и оценку его больших достоинств и недостатков. Об этом уже немало говорилось и писалось, и это было, в частности, основным предметом проведенного в прошлом году совещания, посвященного итогам работы над этим словарем [1]. Наиболее важным выводом было признание того, что в этом словаре не нашли своего вполне последовательного разрешения ни та, ни другая из поставленных задач. Для исторического словаря он оказался и недостаточно полным, и недостаточно точным; эволюция словоупотребления за полтора столетия не показывается в нем с достаточной последовательностью, а в оценке материалов сталкиваются точки зрения разных эпох; принцип нормативной оценки с точки зрения нашей современности явно мешает установлению ясной исторической перспективы, а для нормативного словаря нашей эпохи он недостаточно определенен в самом своем составе и недостаточно конкретен в своих оценках и рекомендациях. Нельзя не заметить и недостатка в цельности выполнения исходного замысла. В первых томах словаря наблюдается большое тяготение к историзму; в последующих томах все сильнее звучит современный, «нормализующий» элемент. Сильно сказывается зависимость от ТСУ; однако по степени отчетливости и единообразия нормативно-стилистических оценок, по размаху интерпретации языковых фактов он во многом не может идти в сравнение с ушаковским словарем.

Что касается малого академического словаря, то он ближе к замыслу ушаковского словаря и по своему объему (хотя в словнике немало частных отличий от ТСУ), и по основной ориентации на факты современного употребления. Очень зависит он от ТСУ и в нормативно-стилистических оценках, хотя в ряде случаев и видоизменил принятую там систему помет. Бро-

[1] См. «Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948—1965) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка» (Л., 1966); см. также: В. В. Виноградов, Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания, ВЯ, 1966, 6.

сается в глаза основное отличие от ТСУ в иллюстративной части обоих академических словарей. В них много места уделяется литературным цитатам, даже если они для данного случая избыточны. Характерно, что составители этих словарей иногда оказывались в зависимости от цитатного материала; при установлении типических общих значений слов, а также в стилистической оценке словоупотребления сказывались специфические особенности того или иного частного контекста.

Другим выводом, вытекающим из опыта нашей академической лексикографии, было требование разработать новые структурные типы словарей, отчетливо разграничивающих и дифференцирующих два основных пути лексикографического описания. С одной стороны, актуальной задачей остается создание исторических словарей, в чем мы особенно отстали и недостаток которых сейчас остро чувствуется, в частности — и исторических словарей нового времени, XVIII—XX вв. С другой стороны, была выдвинута и поддержана задача создания нового нормативно-стилистического словаря современного русского языка, последовательно характеризующего состояние его лексики и типические особенности ее употребления; акад. Л. В. Щерба в свое время писал об этом как о задаче особой и во многих отношениях новой и трудной.

Мысль о подготовке нового нормативно-стилистического словаря русского языка современной эпохи явилась вскоре после завершения издания четырехтомного «Словаря русского языка» [2]. Уже тогда в план текущих работ Словарного сектора Института русского языка АН СССР была поставлена эта новая тема. Но обстоятельства разного рода заставили временно отказаться от ее непосредственного осуществления. Для решения этой задачи необходимо предварительное осуществление некоторых специальных работ [3], собирание новых словарных материалов и всестороннее определение нового замысла.

Сейчас такая работа становится особенно актуальной. В настоящей статье затрагиваются некоторые общие вопросы, связанные с этим замыслом, и те условия, которые необходимы для его успешного осуществления.

2. Л. В. Щерба в известном этюде 1940 г. «Опыт общей теории лексикографии» (ИАН ОЛЯ, 1940, 3) выдвигал нормативный (или как он часто его условно называл — академический) словарь на одно из первых мест в ряду разных типов словарей. Он прежде всего противопоставлял его, как известно, словарю-справочнику. Конечно, это противоположение достаточно условно, ибо, строго говоря, каждый словарь является прежде всего справочным изданием. Но Щерба разъяснял свое противопоставление указанием на различный характер справок, предлагаемых тем и другим словарем. Если к одному обращаются за руководящими указаниями относительно возможности употребления того или иного слова и об условиях и границах такого употребления («академический словарь»), то от другого («словарь-справочник») ждут простых разъяснений того, что значит то или иное слово. Однако и это разъяснение недостаточно определенно. Необходимы известные теоретические предпосылки, чтобы придать такому противопоставлению реальные основания. Л. В. Щерба и подчеркивал далее, что академический (нормативный) словарь основывается на посылке о словарном составе как определенной системе и на рассмотрении языка в синхронном плане. В основе его «лежит единое (реальное) языковое созна-

[2] См.: Ф. П. Филин, О новом толковом словаре русского языка, ИАН ОЛЯ, 1963, 3.

[3] В Словарном секторе в настоящее время ведется работа по подготовке материалов для словаря синонимов современного русского языка и словаря-справочника, характеризующего отклонения от норм и колебания нормы в современном русском словоупотреблении.

ние определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [4]. Словарь же второго типа демонстрирует собрание слов, которые «могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам» и ввиду этого «вовсе не образуют какой-либо системы» [5]. Итак, задачей нормативного словаря, по определению Л. В. Щербы, является отражение лексической системы языка в определенный исторический момент его существования. Трудность выполнения этой задачи определяется, прежде всего, сложностью лексической системы языка. Отношения, формирующие ее, идут по разным направлениям,— здесь и отношения, определяемые принадлежностью слов к определенным структурным разрядам, и отношения словопроизводства, и отношения смысловой близости, общности или противопоставленности, и отношения синтаксической связи, сочетаемости слов, и отношения, основанные на сходстве или различии функциональной роли отдельных слоев лексики, и т. д. Сюда следует прибавить еще отношения устойчивых и подвижных элементов лексической системы, центральных и периферийных ее элементов. Единый языковой коллектив представляет социальные, территориальные и возрастные подразделения, и они накладывают свой отпечаток на словоупотребление одного времени. Лексическая система оказывается не только самой широкой, но и наиболее открытой сравнительно с системами на других уровнях языка. Сложность определения границ лексической системы особенно увеличивается при обращении к литературному языку, сочетающему нормы и особенности живого актуального словоупотребления с исторической традицией. Тут возникает представление не только об активном словарном запасе, характерном для тех или иных групп населения, объединяемых по социальному, профессиональному признаку, по территориальному распределению, по образовательному цензу или принадлежности к различным одновременно существующим поколениям, но и о пассивном запасе слов, который выступает в обычном круге чтения. Л. В. Щерба указывал, что и этот пассивный запас также «как-то входит в систему лексики русского языка» [6].

Различия, характерные для сложной и открытой лексической системы, смягчаются и отчасти снимаются общей нормой словоупотребления как «системы обязательных реализаций, принятых в данном обществе» [7]. И все же остается сложность расслоений, многообразие речевых навыков и воздействий, которые колеблют эту общую норму, вызывают споры вокруг нее и ведут к ее изменениям. Вот почему Л. В. Щерба указывал, что нормативный словарь, который прежде всего призван показать действующие нормы словоупотребления, вместе с тем должен быть и словарем, показывающим многообразие лексической системы, должен определить разную степень употребительности отдельных фактов, их приуроченность к определенным речевым модусам отдельных социальных групп, их связь с определенными особыми функциями литературной речи, с отдельными ее разновидностями, стилями. Он должен быть не только нормативным, но и стилистическим, т. е. нормативно-стилистическим словарем. Более того, Л. В. Щерба справедливо указывал, что нормативный словарь должен содержать в себе и «отрицательный языковой материал» [8], демонстрация и соответствующая квалификация которого может предостеречь читателя от нарушения нормы.

---

[4] Л. В. Щерба, Избр. работы по языкознанию и фонетике, I, Л., 1958, стр. 55.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 59.
[7] Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история, сб. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 175.
[8] Л. В. Щерба, указ. соч, стр. 76.

Одним из первых вопросов, встающих при определении замысла нормативного словаря, является вопрос о его составе, о границах его словника. Этот вопрос необходимо решить прежде всего — и решить с необходимою степенью последовательности и гибкости, учета реальных отношений. Приходится сталкиваться с различными ответами на него и с некоторыми недоразумениями.

Прежде всего возникает вопрос о хронологических рамках этого словаря и в связи с этим о круге источников, на которые он должен опираться. Бесспорно то, что нормативный словарь должен представить словоупотребление нашей эпохи, дать как бы его «моментальную фотографию» и оценить разнообразный лексический материал с точки зрения ныне действующих норм, с учетом возможных их колебаний. Это, естественно, делает совершенно необходимым самое широкое изучение источников нашего времени, при этом привлечение источников разного рода. Необходимо опираться не только на достаточно разнообразный ассортимент выборок из художественной литературы, но и на выписки из деловых документов, из публицистики, научной и научно-популярной литературы, из газет нашего времени и т. д. Необходимо иметь в распоряжении и достаточно разнообразные записи живой разговорной речи. Только это позволит точно определить действующие нормы словоупотребления, его характерные особенности, сферу их распространения и возможные случаи их нарушений и колебаний. Но некоторые делают отсюда и другой вывод. Считают, что круг источников такого словаря должен быть вообще ограничен только источниками определенного узкого периода. Тогда возникают споры, где должна пройти нижняя временная граница таких материалов. Одни говорят, что следует иметь в виду русский литературный язык с начала XX в., другие — что это должен быть словарь языка советской эпохи и, следовательно, допустимо обращение лишь к источникам начиная с 1917 г., третьи склонны видеть эту грань в конце 30 — начале 40-х годов. Здесь невольно происходит подмена задач нормативной характеристики задачами исторического описания лексики. Нормы и живые особенности современного словоупотребления исторически складывались непрерывно и постепенно. Одни из них вполне совпадают с исторической традицией, другие оказались в определенный момент сдвинутыми и измененными. В случае нормативного словаря интересует не то, как, когда и при каких условиях они сложились, а то, что они е с т ь, существуют, действуют. Было бы мнимоисторическим педантизмом, если бы мы при описании и подтверждении этих норм опирались только на материалы современной прессы и литературы нашего времени, начиная с определенного года, и игнорировали тексты классической литературы, цитировали бы современных писателей и не включали цитат из Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Чехова. Речь должна идти не столько об ограничении круга источников, сколько прежде всего о принципе отбора материалов из них.

Это вытекает из двух оснований: во-первых, из того, что многое, что характерно для словоупотребления прежнего времени, особенно послепушкинской поры, остается живым и для нашего времени. Цитатам и примерам из литературных текстов прошлого, особенно из тех писателей, которые продолжают оставаться учителями образцового русского языка, должно быть отведено подобающее место в таком словаре. Все то, что в их языке сохранило силу для нашего употребления, может быть отражено в словаре и продемонстрировано текстами из их произведений. Во-вторых, как уже указано выше, нормативный словарь не может ограничиться включением лишь наиболее активного словарного фонда, демонстрацией лишь наиболее распространенных сейчас особенностей, того, что является безусловно массовым и обычным. Он обязан включать в какой-то сте-

пени и пассивный лексический фонд, тот, с которым мы также постоянно сталкиваемся. По этому соображению также невозможно игнорировать источники иного времени, показания которых нуждаются в соответствующей интерпретации с точки зрения современных типовых особенностей нашего словоупотребления. Вообще при любом хронологическом ограничении источников встает задача отбора фактов и их интерпретации с единой точки зрения. Ведь и в произведениях и документах 20, 30 и даже 40-х годов обнаруживаются такие примеры словоупотребления, которые являются либо уже устаревшими, либо необычными для общей нормы.

Здесь следует обратиться к другому пункту, также приобретающему полемический характер. Речь идет об ограничениях состава или словника словаря. Известному противопоставлению нормативного словаря и словаря-справочника иногда склонны придавать слишком абсолютное значение. Одни опасаются, не приведет ли установка на нормативность словаря к обеднению его состава, сравнительно с уже известными толковыми словарями, другие полагают, что в этом словаре должен быть предпринят ряд отсечений, что в его состав не должно включаться все, что не является вполне нормальным и ограничено в своем употреблении. Согласно нашей точке зрения, нормативно-стилистический словарь должен быть достаточно широким и по своему словнику, и по разработке особенностей словоупотребления. Он должен заключать в себе и факты, типичные с точки зрения общей нормы, и возможные отклонения от нее, и колебания ее, факты обычные и факты более редкие, факты, действующие в широкой языковой сфере и более специфические, употребление которых имеет место лишь в одной из сфер, при определенных особых условиях. В то же время интерпретация всех этих фактов должна соответствовать современной норме, условия их употребления должны быть по возможности четко фиксированы, они должны быть соответствующим образом нормативно и стилистически о ц е н е н ы. Даже при ограниченном объеме такого словаря,— а этот словарь, предназначенный для практического использования широким кругом читателей, должен быть значительно более компактным, чем большой академический словарь,— его словник должен быть и может быть по крайней мере на численном уровне большого словаря и превышать словник ТСУ и малого академического словаря. Место должно быть выиграно за счет более лаконичной подачи материалов, за счет сокращения количества и объема подтверждающих цитат и широкого обращения, по старой словарной традиции, к иллюстрированию с помощью типических сочетаний; нужно искать и более лапидарных формул определения значений, и выразительных и точных, но вместе с тем кратких характеристик особенностей употребления слова. В этом смысле в русской лексикографии есть хорошие образцы, вроде словаря 1847 г., словаря Грота или того же словаря под редакцией Д. Н. Ушакова. Конечно, необходимо иметь в виду и возможные ограничения словарного материала.

Несомненно, нормативный словарь не может и часто не должен демонстрировать случаи индивидуального и окказионального словоупотребления — ни отдельные слова такого рода, ни все семантические сдвиги и особые осмысления, которые возникают в определенных конкретных условиях и при особой речевой ситуации. Словарь этого типа может принять известные ограничения относительно лексики и значений слов устарелых, которые уже не характерны для современного употребления и не играют большой роли, но являются обычными и часто употребительными в том круге чтения, который является привычным для нас и знакомство с которым определяет в значительной степени границы того пассивного фонда лексики, который мы также должны учитывать. Таким ограничениям должен подвергнуться и круг слов областных, диалектных, даже специальных, относящих-

ся к тем или иным терминологическим системам, которые не оказывают существенного влияния на наше литературное словоупотребление и выступают только как элементы ограниченных особых лексических систем. Но эти ограничения меньше всего должны затрагивать то, что является живым для нашего употребления, что продолжает оказывать то или иное влияние на него, вызывая, в частности, некоторые «возмущения» в нем.

Нужно позаботиться о том, чтобы в этом словаре по возможности полное отражение находили и новые особенности, возникающие в нашем словоупотреблении. До сих пор наши словари обычно запаздывали с отражением новых явлений в лексике своего времени, и это в известной степени снижало их ценность, так как читатель не мог получить необходимые справки и рекомендации относительно того, что еще не является вполне обычным и устоявшимся в языке. Здесь нужно особенно остерегаться формального пуризма при отборе лексики и все усилия направить на объективную и точную аттестацию подобных словарных новшеств.

3. Одним из центральных вопросов для данного словаря является вопрос о характеристике слова с точки зрения круга его употребления, неразрывно связанной, в частности, с вопросом о стилистической характеристике слов. Для лексикографа этот вопрос практически предстает как вопрос о системе стилистических помет. Выше уже было отмечено, в каких различных планах шла характеристика круга употребления слов в словаре под редакцией Ушакова. Эти планы нередко соприкасались, а иногда перекрещивались и смешивались. Анализ системы помет, характеризующих круг применения слова в ТСУ, должен стать еще предметом специального исследования. Здесь нет возможности подробно останавливаться на нем и тем более приводить примеры. Система стилистических помет, принятая в ТСУ для характеристики употребления слов, оказывается в ряде отношений противоречивой и несовершенной, а вместе с тем недостаточно ориентированной на современное употребление и недостаточно отражающей процессы, протекающие в литературном языке в последнее столетие.

Взять, например, пометы *разг.* и *книжн.*, составляющие в ТСУ контрастную пару и в известной степени играющие там организующую роль, поскольку они призваны выделить два обширных слоя лексики, связанные с общими разновидностями нашего языка — устно-разговорной и письменной. Но именно это противопоставление оказалось наиболее зыбким. Ведь противопоставление книжного и разговорного языка и соответственно особых лексических ресурсов, которые преимущественно относились к тому или другому, было уже подточено к нашему времени двумя очень сильными процессами, протекавшими в русском литературном языке. Во-первых, лексика и фразеология разговорного языка с середины XIX в. усиленно впитывалась и ассимилировалась книжным литературным языком и осваивалась различными стилями литературно-художественной, публицистической и даже научной речи как особый экспрессивный элемент. Еще более сильным был встречный процесс внедрения в разговорную речь элементов книжного источника. Конечно, провести в таких условиях вполне отчетливую границу между специфическими лексическими ресурсами книжного и разговорного языка оказывается крайне затруднительным. Разговорная речь и книжный язык имеют, естественно, свои различия, особенно сильные в синтаксисе. Конечно, можно установить некоторые характерные явления и в сфере словоупотребления. Но они определяются не столько тяготением или преимущественной связью с разговорным или книжным языком особых слов, сколько некоторыми особенностями их употребления. В разговорной речи чаще выступают случаи «сдвинутого», недостаточно терминированного и точного употребления слов. В стилях книжной речи слова оби-

ходного характера, обычные в разговорном языке, нередко получают особое специфическое применение и осмысление.

Характерно, что основные противопоставления книжных и разговорных слов были в последующих словарях либо сняты, либо существенно видоизменены и ограничены. Семнадцатитомный академический словарь отказался от пометы *книжн.*, и таким образом противопоставление распалось. В малом академическом словаре резко ограничено применение пометы *книжн.*, несколько реже, чем ТСУ, пользуется малый академический словарь и пометой *разг.*

Принятые в ТСУ и последующих словарях пометы грешат своей неоднозначностью и потому не являются вполне определенными. И *разг.* и *простореч.* отмечают, с одной стороны, особый стилистический характер словоупотребления, а с другой стороны (особенно *простор.*) явные случаи нарушения общей литературной нормы, отклонения от нее [9]. В будущем словаре следовало бы более четко и последовательно разграничивать допустимые, возможные и типичные случаи стилистической дифференциации речи от нарушений общего принципа нормативности. Так и помета *обл.* в ее современном употреблении отмечает и слова, ареал которых действительно ограничен, и слова, которые собственно нельзя признать местными, диалектными, но которые относятся к предметной сфере особого, деревенского, крестьянского уклада жизни. Естественно желать, чтобы разные аспекты и планы оценки словоупотребления со стилистической, жанровой стороны, или чисто нормативного свойства, или в плане социальной или территориально-диалектной дифференциации речи различались и вербально.

Квалификации слов должны быть более определенными. Желательно, например, введение особых, вполне отчетливых помет предупредительного или даже запретительного характера, выделяющих случаи явного отклонения от нормы. Необходимо и более четкое разграничение явлений в диахроническом плане. Характерно, что под одну общую рубрику *устар.* в наших словарях подводятся и слова, вообще вышедшие из современного живого употребления, и слова, связанные с историческими понятиями, хотя как знаки таковых, они вполне незаменимы и в современном языке, и слова, круг употребления которых теперь суживается и которые постепенно становятся более редкими и переходят в пассивный словарный запас, хотя еще и не являются вполне устарелыми. С особенной силой это смешение выявилось в словаре С. И. Ожегова, выделявшем на первый план активный словарный запас нашего языка.

Характеристика употребления слов, даваемая в наших толковых словарях, является часто очень неполной и эпизодической. Многие слова остаются без такой квалификации, хотя и нуждаются в ней. Так, одинаково как слова нейтрального характера нередко рассматриваются слова разной употребительности, различной стилистической тональности, такие, как *детство* и *младенчество*, *ребенок* и *младенец*, *согласовать* и *сообразовать*, *смежный*, *сопредельный* и *пограничный*, *сопровождать* и *сопутствовать* и т. п. Отметим, что круг слов, признаваемых в стилистическом плане за «нейтральный», в последовавших за Ушаковым словарях неизменно расширялся. В этом проявилась, конечно, неудовлетворенность принятыми традиционными квалификациями, признание негибкости таких характеристик.

Сопоставляя данные четырех словарей нашего времени, явившихся более или менее в одно время, легко обнаружить многочисленные случаи противоречивого и произвольного применения помет, слишком частные

[9] Подробнее об этом см.: Ю. С. Сорокин, Просторечие как термин стилистики, «Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ», I, Л., 1949.

случаи сбивчивой и неоднородной характеристики явлений, неадекватного понимания их сущности.

Новый словарь нуждается в более продуманных характеристиках, опирающихся на изучение современных особенностей стилистической системы нашего языка. Нам представляется, что в основу этих характеристик должен быть прежде всего положен принцип функциональных различий в литературном языке. Шире и тоньше должны быть выделены различные типы стилистической тональности слова, связанные во многом с особой экспрессией, заключенной в них. Должны опираться на предварительное исследование и отнесения слов преимущественно к той или иной жанровой сфере речи. Для этого нужны новые значительные материалы, которые позволят установить, какие слова действительно связаны, например, преимущественно со сферой научного изложения, с поэтическим языком, с языком деловой документации и т. п. В ТСУ такие приурочения производились довольно случайно, а в наших последних академических словарях и вообще оказались заброшенными. Задача полной, разносторонней и точной характеристики употребления слова — задача особой сложности и первостепенной важности. Решение ее должно отвечать потребностям культуры речи, сочетающей отчетливое выделение общих норм употребления с признанием и тактичным определением стилистического ее многообразия.

4. Создание нормативно-стилистического словаря современного русского языка предполагает подготовительную работу значительного объема. Помимо общих вопросов о составе такого словаря, его источниках и их хронологических границах и о принципах и формах характеристики круга употребления слов и системе нормативно-стилистических помет, в общем виде поднятых в этой статье, но остро нуждающихся в подробном и углубленном их освещении, подлежат систематическому рассмотрению и другие важные проблемы, возникающие при самом приступе к делу. К таким проблемам относится прежде всего проблема семантической структуры слова, заключающая в себе еще много недостаточно выясненного, и соответственно — вопросы семантической структуры отдельной словарной статьи в словаре такого типа. Вполне вероятно, что в словаре, ставящем своей специальной задачей не столько толкование известных значений слов, сколько определение границ, особенностей и правил их употребления в литературной речи, потребуется введение некоторых новшеств в этом отношении сравнительно с обычными толковыми словарями. Здесь нет нужды подробно истолковывать основные номинативные значения слов (которые, кстати, так трудно нередко укладываются в формулы принятых словарных определений[10]), но зато возникает настоятельная потребность возможно более точного и полного определения сферы действия и условий употребления производных значений, контекстуально, ситуационно и конструктивно обусловленных. Здесь возникает в гораздо более сильной степени, чем это имеет место в обычных толковых словарях, необходимость по возможности точнее определить синонимические связи и антонимические противопоставления слов, сферу действия и условия употребления каждого из наличных слов, соотносящихся по значению.

Самое серьезное внимание следует уделить и поискам новых лаконичных, единообразных и вместе с тем достаточно выразительных и точных формул,

[10] Ср. искусственность, излишнюю педантичность, сложность и вместе с тем двусмысленность таких определений самых «понятных» и обычных значений, как, например, исходного основного значения глагола *сидеть*: «находиться в неподвижном положении, при котором туловище, расположенное вертикально, поддерживается, опираясь на ягодицы» или еще более двусмысленное и неопределенное: «находиться в положении, при котором туловище опирается на что-н. нижней своей частью». Возможно, что в таких случаях, сложных для «ученого» определения, было бы достаточно самых общих указаний на исходное значение или даже простого его иллюстрирования.

характеризующих слово со стороны его грамматических признаков. В предыдущих словарях грамматической характеристике слов не всегда уделялось достаточное внимание. Отсюда нередко возникавшая в этих словарях пестрота, неопределенность, а иногда и явная неправильность таких характеристик, слабое и непоследовательное разграничение омонимических форм и т. д. [11]. Особенно важное значение для словаря этого типа имеет и изучение вопросов лексической сочетаемости и разработка точных и рациональных приемов демонстрации типических форм ее в словарной статье [12]. Нельзя при теоретической разработке этих вопросов не считаться с новыми методами и идеями, выдвигаемыми в последнее время с целью создать новые принципы формализованного анализа слов и отдельных их разрядов. Весь круг относящихся сюда теоретических проблем, тем более — собирание и подготовка необходимых словарных материалов для данного словаря может быть осуществлен лишь в результате целеустремленных коллективных усилий. Внимание наших лексикографов в ближайшие годы должно быть сосредоточено на решении этой насущно важной задачи.

---

[11] Ср. во всех толковых словарях русского языка (если не считать Словаря Академии Российской) выведение целой парадигмы с «основной» формой инфинитива во главе для глагола церковнославянского источника *грясти*, хотя практически были употребительны только личные формы и причастие настоящего времени. Ср. также пестрое и неупорядоченное определение значений относительных прилагательных: *относящийся* к..., *принадлежащий* чему или кому..., *связанный* с чем, *предназначенный* для чего и т. п.

[12] Поискам этих форм уделил большое внимание семнадцатитомный академический словарь, но нельзя не отметить, что вполне цельного и продуманного подхода к характеристике типовых линейных связей слова и определяющих их условий этот словарь не достиг.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

Н. А. БАСКАКОВ

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ И ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АЛФАВИТА ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР

Тюркоязычные народы на протяжении истории развития до современного своего состояния пользовались разнообразной письменностью, которая возникала у того или иного народа в определенных конкретных исторических условиях.

Наиболее ранней была письменность древних тюрков на енисейско-орхонском руническом алфавите; ею пользовались древние огузы, древние киргизы и древние уйгуры. Древнеуйгурская письменность представлена также памятниками на алфавите брахми, на манихейском, сирийском, согдийско-уйгурском алфавитах и арабском алфавите. Арабский алфавит стал общим для многих более поздних консолидировавшихся народностей и просуществовал для некоторых тюркских языков, например уйгурского в КНР, до самого последнего времени. Не менее древним по отношению к енисейско-орхонскому руническому алфавиту является рунический алфавит, которым пользовались древние венгры, булгары, печенеги, а предположительно и еще более древний народ — гунны.

Отдельные тюркские народности по общим религиозным убеждениям или благодаря соседству с народом, имеющим старую письменность, принимали эту письменность для своих языков — так, потомки половцев, находясь в непосредственном соседстве с колонией армян, вместе с армянами, говорившими на языке половцев, приняли армянскую письменность, которая до XVIII в. сохранилась у каменец-подольских армян, или потомки хазар — караимы, исповедующие, как и их предки, религию иудейского толка, долгое время пользовались древнееврейским алфавитом.

Коренная реформа письменности тюркоязычных народов СССР была осуществлена после Октябрьской социалистической революции. Необходимость совершенствования письменности тюркских языков обусловливалась изменением диалектной основы у старописьменных языков и приближением норм литературного языка к нормам общенародного разговорного языка, а также появлением новых литературных языков и расширением их общественных функций.

Первоначально была проведена реформа общего тогда для большинства тюркоязычных народов СССР арабского алфавита. После неудачных попыток приспособить арабский алфавит к особенностям тюркских языков встал вопрос о замене арабского алфавита единым для всех тюркских языков латинизированным алфавитом — по существу этот вопрос был решен на I тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. (хотя идея латинизации возникла значительно раньше съезда). Созданный вскоре Всесоюзный центральный комитет нового алфавита при ЦИК СССР (ВЦКНА) координировал всю работу по созданию письменности для всех народов Советского Союза, не имевших прежде своей письменности или имевших таковую на арабском или русском алфавитах.

К моменту разработки латинизированного алфавита для тюркоязычных народов большинство их пользовалось уже арабским реформированным (азербайджанский, туркменский, кумыкский, крымско-татарский, ногайский, казахский, каракалпакский, татарский, башкирский, уйгурский, узбекский, киргизский) и часть народов — русским (чувашский, алтайский, хакасский, якутский); языки карачаево-балкарский, гагаузский и тувинский имели только зачатки письменности. Из всех языков только чувашский сохранил русскую графику, все остальные языки в 1922—1929 гг. перешли на латинизированный алфавит.

Латинизированный алфавит был разработан местными республиканскими научными организациями в тесном сотрудничестве с Научным Советом ВЦКНА, сплотившим вокруг себя крупнейших специалистов по языкам народов СССР. Все проекты алфавита тщательно обсуждались и в результате обсуждения и различного рода экспертиз (психологической, полиграфической, методической и проч.) утверждались в определенном количестве и составе унифицированных в фонетическом отношении знаков.

Общее количество знаков унифицированного алфавита для всех тюркских языков было установлено 39. Из них — 25 знаков собственно латинского алфавита: *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*, *g*, *h*, *i*, *j*, *k*, *l*, *m*, *n*, *o*, *p*, *q*, *r*, *s*, *t*, *u*, *v*, *x*, *y*, *z*; для обозначения специфических звуков в различных тюркских языках были добавлены в сводный алфавит еще 14 знаков — *ç* [ǯ], *ə* [ä], *ƶ* [ż], *ƣ* [γ], *ɣ* [ɣ́], *ɳ* [ŋ], *ɵ* [ö], *ş* [š], *ʂ* [c], *ƀ* [ŝ], *ѡ* [v], *ƶ* [ž], *ъ* [ı], ‘ [хамза].

Из этого набора знаков для каждого конкретного языка в соответствии с его фонематическим составом выбиралось соответствующее количество знаков. Алфавиты для конкретных языков состояли из различного количества знаков — от 26 (якутский язык) до 34 (кумыкский, карачаево-балкарский, татарский) и 35 (башкирский). Если бы при переводе алфавита тюркских языков на русскую основу (кириллицу) был принят принцип соответствия этому сводному унифицированному тюркскому алфавиту, то тогда современные алфавиты на русской основе имели бы то же количество — 39 знаков сводного алфавита и от 26 до 35 знаков в конкретных алфавитах.

Однако разработка алфавита на русской основе проводилась в 1938—1940 гг. изолированно местными научно-исследовательскими учреждениями, которые, хотя и пользовались предшествующим опытом латинизации алфавитов и консультациями Научно-исследовательского института языков и письменности народов СССР (создан после ликвидации ВЦКНА), но принимали те или иные решения в отношении подбора знаков для своего алфавита без унификационных ограничений и без обязательной координации принципов передачи общих звуков, встречающихся в большинстве или в отдельных группах тюркских языков.

Естественно поэтому, что современные тюркские алфавиты на основе кириллицы имеют между собой много различий и расхождений — так, для одного и того же звука в разных языках приняты различные знаки; в некоторых языках один знак используется для обозначения двух или нескольких звуков и даже сочетаний звуков; существуют и многие другие несоответствия, которые не только разобщают близкородственные тюркские языки, но иногда и становятся серьезными недостатками алфавита, часто мешающими адекватному отражению фонетической структуры данного конкретного языка. В результате в противоположность 39 знакам сводного латинизированного алфавита сводный алфавит на основе кириллицы состоит из 74 знаков, хотя состав звуков, необходимых для обозначения отдельными знаками, в тюркских языках по-прежнему остается в количестве 39 единиц.

Такое увеличение знаков сводного алфавита на русской основе объясняется, во-первых, наличием в русском алфавите условных знаков *я*, *е*, *ё*, *ю*, передающих соответствующие сочетания звуков, и *ь*, *ъ*, передающих оттенки согласных и слогораздел, а во-вторых, наличием различных знаков для передачи одного и того же звука по разным конкретным языкам.

При сопоставлении сводного латинизированного алфавита для тюркских языков со сводным алфавитом на основе русского алфавита оказывается, что при составлении национальных алфавитов на основе кириллицы 21 знак алфавита однозначно совпал с соответствующими литерами латинизированного алфавита; семь знаков латинского алфавита соответствует, в алфавите на основе кириллицы каждый двум разным знакам (*đ* = *ʒ̣*, *з*; *g* = *г*, *ѫ*; *o* = *о*, *ӯ*; *ƀ* = *ç*, *с*; *ь* = *ы*, *ă*; *j* = *й*, *j*; *dj* = *j*, *дь*); два знака — каждый трем знакам (*ɩ* = *i*, *ĕ*, *е*; *u* = *у*, *ɣ*, *о*); шесть знаков — четырем знакам (*ə* = *ə*, *ä*, *аь*, *а*; *ǫ* = *ғ*, *ƃ*, *гъ*, *г*; *h* = *ҳ*, *гь*, *h*, *х*; *ŋ̣* = *ӈ*, *ҥ*, *нг*, *нъ*; *q* = *ӄ*, *ѫ*, *къ*, *к*; *v* = *ў*, *в*, *ʏ*); три знака латинизированного алфавита передаются каждый пятью и шестью знаками кириллицы (*ç* = *җ*, *ч*, *ч̣*, *ж*, *дж*; *ө* = *ө*, *ö*, *оь*, *ё/о*, *о*; *у* = *ʏ*, *ӱ*, *уь*, *ю/у*, *у*).

При переходе на кириллицу можно было бы ограничиться только единообразной транслитерацией установившихся в латинизированных алфавитах знаков, и тогда все алфавиты на основе кириллицы были бы унифицированы и имели бы примерно следующие соответствия [1].

a = *а*	*j* = *й* (*j*)	*u* = *у* (*ɣ*, *о*)
b = *б*	*k* = *к*	*v* = *ў* (*в*, *у*, *ʏ*)
c = *ч*	*l* = *л*	*w* = *в*
ç = *җ* (*ч*, *ч̣*, *ж*, *дж*)	*m* = *м*	*x* = *х*
d = *д*	*n* = *н*	*y* = *ʏ* (*ӱ*, *уь*, *ю/у*, *у*)
dj = *дь* (*j*)	*ŋ̣* = *ӈ* (*ҥ*, *нг*, *нъ*)	*z* = *з*
đ = *ʒ̣* (*з*)	*o* = *о* (*ӯ*)	*ž* = *ж*
e = *е*	*ө* = *ө* (*ö*, *оь*, *ё/о*, *о*)	*ь* = *ы* (*ă*)
ə = *ə* (*ä*, *аь*, *а*)	*p* = *п*	— *ъ*
f = *ф*	*q* = *ӄ* (*ѫ*, *къ*, *к*)	— (*ё*)
g = *г* (*ѫ*)	*r* = *р*	— (*щ*)
ǫ = *ғ* (*ƃ*, *гъ*, *г*)	*s* = *с*	— (*ь*)
h = *ҳ* (*h*, *гь*, *х*)	*ş* = *ш*	— (*э*)
i = *и*	*ѕ* = *ц*	— (*ю*)
ɩ = *i* (*ĕ*, *е*)	*ƀ* = *ç* (*с*)	— (*я*)

Такая механическая замена одних знаков (латинских) другими (кириллическими) не была сделана из соображений необходимости принять русский алфавит со всеми его условностями для того, чтобы при обучении детей русскому языку облегчить им усвоение письменности на русском языке.

Следует, однако, отметить, что ни одним из современных тюркских алфавитов не были восприняты все условности русского алфавита, тесно связанные с условностями русской орфографии. Так, нельзя было последовательно провести обозначение йотированных гласных особыми знаками русского алфавита: *я* = *йа*; *е* = *йэ*; *ё* = *йо*; *ю* = *йу*; *и* = *йы*, так как в русском языке нейотированных гласных пять (*а*, *э*, *о*, *у*, *ы*), а в тюркских — 8—9 (*а*, *э*, *о*, *ө*, *э*, *у*, *ʏ*, *ы*, *и*). Для обозначения соответствующих йотированных гласных (по принципу русской орфографии) в одни из тюркских языков были включены в алфавит русские буквы *я*, *е*, *ё*, *ю*, в других же языках эти знаки не входят в состав алфавита. При этом даже и в первом случае йотированные задние гласные передаются одинарными знаками, а передние гласные — за отсутствием в русском алфавите соответствующих

[1] Знаки, заключенные в круглые скобки, оказались бы не унифицированными и могли бы быть сокращены.

букв — передаются аналитически (*йә*, *йө*, *йү*, *йи*), что создает большие трудности в орфографии. Трудности эти усложняются еще и тем, что знаки *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и* в русской орфографии могут указывать на соответствующие нейотированные гласные *'а*, *'э*, *'о*, *'у*, *'ы*, обозначая, таким образом, палатализацию предшествующего согласного. Это обстоятельство никоим образом не упрощает для тюркоязычных школьников усвоение русского языка; в некоторых же случаях, как например в туркменском языке, где было принято правило использования знака *я* в значении йотированного *йа* в позиции после согласного, например *гуряр* (следует читать *гурйар*) «он строит», осуществление этого правила приводит к известному противоречию и путанице в употреблении этого знака. В иных языках знаки *я*, *е*, *ё*, *ю* используются только для передачи йотированных задних гласных, а в иных языках — и для задних и для передних йотированных гласных. Все это вносит большую пестроту в использование русского алфафита и усложняет и затрудняет письменное общение между носителями близкородственных тюркских языков.

Противоречиво используется, например, буква *л* во всех современных тюркских языках — в словах с задним вокализмом в значении [ł] твердого, а в словах с передним вокализмом — в значении [l] палатализованного без обозначения этой палатализации мягким знаком или диакритикой. В словах *ал* «возьми» и *кел* «приди» *л* обозначает по существу разные звуки, и по условиям русской орфографии они должны бы передаваться различными знаками. Здесь, как и в других случаях, также нарушается принцип сближения условностей русской орфографии и соответствующей тюркской орфографии.

Противоречит этому принципу использование русских букв *е* и *и* для обозначения в тюркских языках звуков, которые более правильно должны бы были обозначаться посредством *э* и несколько иного знака для [i], так как буквы *е* и *и* одновременно с обозначением соответствующих гласных имеют также функцию обозначения палатализации предшествующего согласного. Если при переходе на русский алфавит иметь целью упрощение усвоения русского языка, а также стремиться к отражению истинного звучания слова, то слова типа *кел-* «приходить», *тил* «язык» необходимо бы было писать по-другому: *кэль* (ибо с точки зрения русской орфографии *кел* звучит как *к'элъ*) и *тыль* (ибо *тил* соответствует *т'илъ*).

Таким образом, следует признать, что современные тюркские алфавиты на русской основе вопреки своей целевой установке затрудняют усвоение различных принципов русской орфографии и орфографии для конкретных тюркских языков и, например, аналитическое обозначение сочетаний *йа*, *йо*, *йу*, *йэ* в большей мере помогло бы тюркоязычному школьнику понять сущность таких знаков русского алфавита, как *я*, *ё*, *ю*, *е*. Анализ тюркских алфавитов на русской основе показывает, что при дальнейшем совершенствовании, видимо, придется отказаться от использования условностей русской орфографии. Именно дифференцированный подход к использозованию кириллицы для тюркских языков в большей степени упростит понимание школьниками всех условностей русской орфографии.

Из этого следует практический вывод о необходимости изъятия из тюркских алфавитов знаков *я*, *ё*, *ю* и обозначения аналитическим способом как этих сочетаний (*йа*, *йо*, *йу*), так и других йотированных гласных (*йе*, *йи*, *йы*, *йэ*, *йө*, *йү*). Отказ от непоследовательного и излишнего использования литер *я*, *ё*, *ю*, без которых тюркские алфавиты могут легко обойтись, повлечет за собой, конечно, некоторые различия в орфографировании тех заимствований из русского, которые имеют эти буквы в середине слова после литер, обозначающих палатализованные согласные (например, *бюро*, которые можно будет орфографировать как *бүро*).

Принятие русского алфавита со всеми его орфографическими условностями целесообразно только для таких тюркских языков, в которых имеются соответствующие пары палатализованных и непалатализованных согласных, как в русском языке. Из тюркских языков таким до некоторой степени является только один — караимский (в тракайском его наречии), да и то с известными исключениями.

Для дальнейшего совершенствования и некоторой унификации тюркских алфавитов на фонетической основе, по возможности, необходимо проведение в жизнь также следующих основных принципов: 1) близкие по типу звуки, представляющие собой реализацию одной и той же фонемы, в различных языках должны обозначаться одинаковыми знаками — буквами; 2) каждый знак — буква может обозначать только звук (но не сочетания звуков); 3) каждый звук должен обозначаться только одним знаком —буквой, но не сочетанием букв; 4) каждый знак — буква алфавита не должен обозначать различные звуки в разных тюркских алфавитах. Рассмотрим современные тюркские алфавиты с точки зрения этих принципов.

Принцип первый, по которому один и тот же звук для всех тюркских языков должен обозначаться одним знаком, нарушается как в отношении гласных, так и в отношении согласных звуков. В современных алфавитах для тюркских языков для одних и тех же звуков имеется от двух до шести различных обозначений. Так, для обозначения одного и того же гласного звука в разных языках используются следующие буквы:

1. Гласный [ö] имеет относительно унифицированное обозначение буквой *ө* в азербайджанском, казахском, каракалпакском, киргизском, тувинском, туркменском, уйгурском и якутском, но этот же звук передается и неунифицированными знаками: *ӧ* — в алтайском, гагаузском и хакасском, *оь* — в кумыкском и ногайском, *ӯ* — в узбекском, *ё* — в карачаево-балкарском, *-ё/о-* — в крымско-татарском. Гласный [ö] отсутствует в татарском, башкирском и чувашском языках, где он замещается звуком [ü]. Знак же *ө* используется в татарском и башкирском языках для специфического звука [ӱ].

2. Гласный [ü] имеет относительно унифицированное обозначение: *ү* — в азербайджанском, башкирском, татарском, киргизском, тувинском, туркменском, казахском, каракалпакском и якутском, кроме того, употребляются и неунифицированные обозначения: *ӱ* — в алтайском, хакасском, чувашском, гагаузском, *уь* — в кумыкском, ногайском, *у* — в узбекском, *ю* — в карачаево-балкарском, *-ю/у-* — в крымско-татарском. В казахском, каракалпакском, ногайском языках гласный [ü] замещается вариантом того же гласного [ӱ], но обозначается общим знаком *ү*; в татарском и башкирском языках знаком *ү* обозначается относительно более долгий гласный [ü].

3. Гласный [ä] имеет относительно унифицированное обозначение: *ә* — в азербайжданском, башкирском, татарском, туркменском, уйгурском, каракалпакском, казахском. Кроме того, этот звук обозначается: *ӓ* — в гагаузском, *аь* — в ногайском и кумыкском, *а* — в узбекском. Гласный [ä] отсутствует в алтайском, карачаево-балкарском, киргизском, тувинском, хакасском, чувашском и якутском.

4. Гласный [ị] обозначается: *і* — в казахском, хакасском, *ӗ* — в чувашском, *е* — в татарском и башкирском, *и* — в ногайском, каракалпакском, крымско-татарском и других языках, где этим знаком обозначаются варианты типа [ị]. В хакасском, чувашском, татарском и башкирском варианты [і] и [ị] имеют фонематическое значение и требуют дифференцированного обозначения разными знаками — буквами, ср., например, в хакасском *pịs-* «кроить», *pịs* «мы» и *pіs* «пять», в то время как в казахском языке [і] и [ị] фонематического значения не имеют и могут, как в ногайском и крымско-татарском, обозначаться одним знаком *и*.

5. Гласный [ɪ] передается унифицированным знаком *ы* в большинстве языков, кроме чувашского, и знаком *ă* — в чувашском.

6. Гласный [ʊ] передается в большинстве языков знаком *у*; в казахском этот звук передается знаком *ұ*, а в татарском и башкирском этому звуку соответствует знак *о*. В татарском и башкирском языках [*u*] и [ʊ] имеют фонематическое значение и поэтому должны обозначаться двумя знаками.

7. Гласный [ʉ] в большинстве языков как вариант [ü] обозначается знаком *ү*. В татарском и башкирском звук [ʉ] имеет фонематическое значение и противопоставляется звуку [ü], поэтому только в этих языках [ʉ] и [ü] должны обозначаться двумя знаками.

8. Гласный [å] встречается в татарском, башкирском и узбекском языках. Как вариант [а] он передается в татарском и башкирском посредством *а* и посредством *о* — в узбекском языке.

Что касается передачи тюркского консонантизма средствами кириллического алфавита, то здесь один и тот же согласный имеет от двух до пяти различных знаков — букв.

1. Согласный [ʒ] имеет обозначение буквами: *жҗ* — в татарском, туркменском и уйгурском, *ч* — в азербайджанском, *ҷ* — в хакасском и чувашском, *дж* — в карачаево-балкарском и крымско-татарском, *ж* — в гагаузском, казахском, каракалпакском, киргизском, кумыкском, ногайском, узбекском, т. е. общим знаком для [ʒ] и [ž]. Отсутствует звук [ʒ] в алтайском, тувинском, якутском, чувашском и башкирском.

2. Согласный [ŋ] имеет обозначение: *ң* — в башкирском, татарском, казахском, киргизском, тувинском, туркменском, уйгурском, хакасском, *нг* — в якутском и алтайском, *нъ* — в ногайском и крымско-татарском, *нг* — в кумыкском, узбекском и карачаево-балкарском. Отсутствует звук [ŋ] в азербайджанском, гагаузском и чувашском.

3. Согласный [ɣ] имеет обозначение: *ғ* — в азербайджанском, башкирском, казахском, каракалпакском, узбекском, уйгурском, хакасском, *ҕ* — в якутском, *гъ* — в карачаево-балкарском, кумыкском и крымско-татарском, *г* — в алтайском, гагаузском, киргизском, ногайском, татарском, туркменском, тувинском, т. е. общим знаком для звуков [g] и [ɣ].

4. Согласный [q] имеет обозначение: *қ* — в казахском, каракалпакском, узбекском, уйгурском, но, кроме этого, передается знаками: *к* — в башкирском, *къ* — в карачаево-балкарском, крымско-татарском, кумыкском, *к* — в алтайском, гагаузском, киргизском, ногайском, татарском, туркменском, тувинском, т. е. общим знаком для звуков [k] и [q]. Звук [q] отсутствует в азербайджанском, хакасском, чувашском, якутском.

5. Согласный [h] передается: *ҳ* — в узбекском, каракалпакском, *гь* — в кумыкском, *h* — в азербайджанском, башкирском, казахском, татарском, уйгурском, якутском, *х* — в карачаево-балкарском, гагаузском, крымско-татарском, ногайском, туркменском, т. е. одним знаком для звуков [h] и [x]. Отсутствует звук [h] в киргизском, тувинском, хакасском, чувашском.

6. Согласный [w] передается знаками: *ў* — в каракалпакском, *в* — в кумыкском, ногайском, туркменском, узбекском, уйгурском, гагаузском, *ӳ* — в карачаево-балкарском, *у* — в казахском, башкирском, татарском, где, кроме того, используется для сочетания [ʊw], а в казахском для [ʊw] и [ʉw], *ү* — в татарском и башкирском, а в татарском, кроме того, используется для сочетаний [ʉw]. Отсутствует звук [w] в азербайджанском, алтайском, киргизском, тувинском, хакасском, чувашском, якутском.

7. Согласный [j] передается: *й* — в большинстве языков, *j* — в азербайджанском.

8. Согласный [dj] передается: *ј* — в алтайском, *дь* — в якутском. В прочих языках отсутствует.

9. Согласный [ŝ] передается: *с* — в туркменском, *ç* — в башкирском. В прочих языках отсутствует.

10. Согласный [ẑ] передается: *з* — в туркменском, *ʒ* — в башкирском. В прочих языках отсутствует.

Приведенные примеры показывают с очевидностью всю неунифицированность алфавитов на русской основе для тюркских языков.

Еще больше непоследовательностей современные тюркские алфавиты имеют в отношении звукового значения каждого знака алфавита в одном и том же языке. Значительное количество знаков (около 25) из общего числа сводного алфавита имеют по два и более фонетических значения, т. е. обозначают иногда не только различные звуки, но и различные сочетания звуков.

Обратимся к конкретным примерам:

I. В области гласных

1. Знак *а* имеет следующие значения: [a], [a'] — в карачаево-балкарском, [a], [a:] — в туркменском, [a], [åˌ] — в татарском, башкирском, [a], [ä] — в узбекском.

2. Знак *е*: [e], [i̯], [ji̯], [jį] — в татарском, [e], [į] — в башкирском, [e], [ię] — в каракалпакском, ногайском, гагаузском, [e], [ię], [je] — в казахском, [e], [je] — в туркменском.

3. Знак *ы*: [ı], [į] — в татарском, башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском, крымско-татарском.

4. Знак *и*: [i], [i:] — в туркменском, [i], [ı] — в узбекском, [i], [į] — в каракалпакском, ногайском, крымско-татарском, [i], [i̯j], [į̯j] — в татарском, казахском, [i], [į] — в других языках.

5. Знак *у*: [u], [u̯w], [w] — в татарском, [u], [u̯w], [ü̯w], [w] — в казахском, [u], [w] — в башкирском, [u], [ų̈] — в каракалпакском, ногайском, крымско-татарском, [u], [u̯] — в других языках.

6. Знак *о*: [o], [u̯] — в татарском, башкирском, [o], [åˌ] — в узбекском.

7. Знак *у*: [ü], [ü̯w], [w] — в татарском, [ü], [w] — в башкирском.

II. В области согласных

1. Знак *в*: [w], [v] — в кумыкском, ногайском, туркменском, узбекском, крымско-татарском, гагаузском.

2. Знак *г*: [g], [γ], [G] — в туркменском, [g], [γ] — в алтайском, гагаузском, киргизском, ногайском, татарском, тувинском.

3. Знак *ж*: [ž], [ǯ] — в гагаузском, казахском, каракалпакском, киргизском, кумыкском, ногайском, узбекском.

4. Знак *з*: [z], [ẑ] — в туркменском.

5. Знак *к*: [k], [q] — в татарском, алтайском, гагаузском, киргизском, ногайском, туркменском, тувинском.

6. Знак *л*: [l], [ɬ] — во всех языках.

7. Знак *п*: [p], [pʿ] — в тувинском.

8. Знак *с*: [s], [c] — в азербайджанском, [s], [ŝ] —в туркменском.

9. Знак *т*: [t], [tʿ] — в тувинском.

10. Знак *х*: [x], [h] — в карачаево-балкарском, гагаузском, крымско-татарском, ногайском, туркменском.

11. Знак *ш*: [š], [šč] — в азербайджанском.

12. Знак *ъ* в тувинском языке употребляется, во-первых, как знак, указывающий на фарингализацию гласного, и, во-вторых, как знак слогораздела. В других языках используется как знак слогораздела.

13. Знак *ь* в кумыкском и ногайском языках используется, во-первых, как знак опереднения гласного (*оь*, *уь*) и, во-вторых, как знак палатали-

зации согласного в заимствованных словах. В других языках используется только во втором значении.

14. Знак *я*: ['a], [ja] — в большинстве языков.

15. Знак *ю*: [ju], ['u], [-ü] — в крымско-татарском, [ju], [jü], ['u], [ü] — в карачаево-балкарском, [ju], [jü], ['u] — в других языках.

16. Знак *ё*: [jo], ['o] — в большинстве языков, [jo], ['o], [ö] — в карачаево-балкарском, [jo], ['o], [-ö] — в крымско-татарском.

Таким образом, принцип однозначности знаков алфавита также не выдерживается современными тюркскими алфавитами, что значительно затрудняет усвоение как русского, так и родного языка.

В современных тюркских алфавитах нередки еще случаи, когда один звук передается сочетанием двух знаков-букв. Например:

I. Для гласных

1. Знак *аь* = [ä] в ногайском, кумыкском.
2. Знак *уь* = [ü] в ногайском, кумыкском.
3. Знак *оь* = [ö] в ногайском, кумыкском.

II. Для согласных

1. Знак *нг* = [ŋ] в кумыкском, узбекском, карачаево-балкарском.
2. Знак *нъ* = [ŋ] в ногайском.
3. Знак *гъ* = [γ] в карачаево-балкарском, кумыкском.
4. Знак *дж* = [ǯ] в карачаево-балкарском.
5. Знак *къ* = [q] в карачаево-балкарском, кумыкском.
6. Знак *гь* = [h] в кумыкском.

Наконец, к недостаткам же алфавита, требующим устранения, относятся случаи, когда один и тот же знак-буква в различных тюркских алфавитах имеет различное звуковое соответствие.

I. Для гласных

1. Знак *о* в татарском, башкирском = [ɵ], [o]; в узбекском = [å], [o]; в других языках = [o].

2. Знак ө в татарском, башкирском = [ӧ]; в других языках = [ö].

3. Знак *а* в узбекском = [å], [ä]; в туркменском = [a], [a:]; в татарском, башкирском = [a], [å]; в других языках = [a].

4. Знак *и* в большинстве языков обозначает фонему типа [i], реализующуюся в вариантах [i], [i̯], [i̯]; в некоторых же языках используется также для сочетания [i̯j], [i̯j], например в казахском, татарском языках.

5. Знак *у* в большинстве языков обозначает фонему типа [u], реализующуюся в вариантах [u], [ɵ], [ɵ]; в некоторых языках этот же знак используется также для сочетания [ɵw], [ӧw] и для согласного [w] — так в казахском языке; для [ɵw], [w] — в татарском, для [w] — в башкирском.

6. Знак *е* в большинстве языков имеет значение [e], в других же языках, кроме того, передает сочетания: [j̯e], [jɵ] — в татарском, [j̯e] — в башкирском, [i̯e] — в каракалпакском, ногайском, гагаузском, [je] — в казахском и туркменском.

7. Знак *ү* в большинстве языков имеет значение [ü], в других языках, кроме того, обозначает сочетание [ӧw] и согласный [w] — так в татарском; ср. тот же знак для [w] в башкирском.

II. Для согласных

1. Знак *в* в некоторых языках имеет унифицированное значение [v], например в азербайджанском, каракалпакском, казахском; в других языках обозначает, кроме того, согласный [w] — например в кумыкском, ногайском, туркменском, узбекском, уйгурском, гагаузском.

2. Знак *г* в некоторых языках имеет унифицированное значение [g] — в узбекском, каракалпакском, башкирском, казахском, уйгурском, хакасском; в других языках обозначает, кроме того, согласный [γ] — например в алтайском, гагаузском, киргизском, ногайском, татарском, тувинском; в туркменском используется еще и для согласных [γ] и [G].

3. Знак *ж* в значении только [ž] употребляется в татарском, туркменском, уйгурском, азербайджанском, хакасском, чувашском, карачаево-балкарском, крымско-татарском; в других же языках, кроме того, используется в значении [ǯ] — в гагаузском, казахском, каракалпакском, киргизском, кумыкском, ногайском, узбекском.

4. Знак *з* в большинстве языков = [z], а в туркменском, кроме того, = [ẑ].

5. Знак *к* в значении только [k] употребляется в башкирском, казахском, каракалпакском, азербайджанском, хакасском, чувашском, якутском, узбекском, уйгурском, башкирском, карачаево-балкарском, крымско-татарском, кумыкском; в других же языках, кроме того, используется в значении [q] — в алтайском, гагаузском, киргизском, ногайском, татарском, туркменском; а в тувинском — еще и в значении [kʿ].

6. Знак *п* в большинстве языков употребляется в унифицированном значении [p], в тувинском же, кроме того, — в значении [pʿ].

7. Знак *с* в большинстве языков используется в унифицированном значении [s], в туркменском же, кроме того, в значении [ŝ], а в азербайджанском — в значении [c].

8. Знак *т* в большинстве языков применяется в унифицированном значении [t], в тувинском же, кроме того,— в значении [tʿ].

9. Знак *х* в унифицированном значении [x] используется в азербайджанском, киргизском, тувинском, хакасском, чувашском, башкирском, казахском, татарском, уйгурском, якутском, каракалпакском, узбекском, кумыкском; в других же языках, кроме того, имеет значение [h] — в карачаево-балкарском, гагаузском, крымско-татарском, ногайском, туркменском.

10. Знак *ш* во всех языках употребляется в унифицированном значении [š], в азербайджанском же, кроме того, в значении [šč].

11. Знак j в азербайджанском применяется в значении [j], в алтайском — в значении [dj].

12. Знак ъ в большинстве языков употребляется в значении знака слогораздела; в тувинском же языке, кроме того,— для обозначения фарингализации гласных.

13. Знак ь в большинстве языков используется для выражения смягчения согласного в заимствованных словах; в кумыкском и ногайском языках, кроме того, обозначает опереднение гласного — [аь], [оь], [уь].

14. Знак *ю* в большинстве языков употребляется в значении сочетания [ju] и гласного [ʾu] в позиции после палатализованного согласного; в крымско-татарском же языке, кроме того, в значении гласного [ü] в позиции после согласного, а в карачаево-балкарском языке — в значении гласного [ü] во всех позициях и сочетаниях.

15. Знак *ё* в большинстве языков используется в значении сочетания [jo] и гласного [ʾo] в позиции после палатализованного согласного; в карачаево-балкарском языке, кроме того, — в значении гласного [ö] во всех позициях, а в крымско-татарском языке обозначает тот же гласный [ö] в позиции только после согласного.

Итак, рассмотрев современные тюркские алфавиты в плане их звукового значения, а также фонемно-фонетическую структуру всех тюркских языков с точки зрения оптимального ее отражения в современных алфавитах,

приходим к выводу о необходимости дальнейшего уточнения и усовершенствования существующих тюркских алфавитов.

Какие могут быть сделаны предложения и рекомендации в этом направлении?

Прежде всего, имея образцом ранее созданный сводный латинизированный алфавит для всех тюркских языков, состоявший из 39 знаков-букв, которые полностью обеспечивали отражение фонемно-фонетической структуры всех конкретных тюркских языков, необходимо составить подобный же сводный алфавит на русской основе, чему способствовал бы отказ от всех условностей русской орфографии. Выше была показана невозможность для современных тюркских языков (кроме караимского) принять вместе с алфавитом все условности русской орфографии. При использовании алфавита на русской основе было бы рациональнее строго дифференцировать специфические свойства русской орфографии и специфические фонемно-фонетические особенности каждого конкретного тюркского языка с тем, чтобы учитель при преподавании родного и русского языка мог на материале родной и русской орфографии показать сходства и различия между родным и русским языками. Такая дифференциация помогла бы добиться лучшего усвоения основ как родного, так и русского языков.

В этом случае вполне возможно использование в алфавите каждого конкретного тюркского языка только тех знаков русского алфавита, которые соответствуют реальным звукам каждого данного языка, без принятия тех знаков русского алфавита, которые существуют в русской азбуке для передачи специфических особенностей фонемно-фонетической структуры только русского языка.

Если исходить из этого принципа, то совершенно излишними для тюркских языков окажутся прежде всего знаки *я*, *ё*, *ю*, и *е*[2], которые в русском алфавите используются для передачи, во-первых, соответствующих сочетаний *йа*, *йо*, *йу*, *йэ*, а, во-вторых, для выражения палатализации предшествующего согласного, сочетающегося с гласными *'а*, *'о*, *'у*, *'э*.

Излишними станут также для всех современных литературных тюркских языков, принявших русский алфавит, такие знаки, как *щ*, *ц*, *ъ*, без которых тюркские языки могут обойтись, если будут приняты особые правила орфографирования тех заимствований, в составе которых встречаются эти буквы.

Кроме того, из алфавитов могут быть изъяты все неунифицированные знаки при условии единого обозначения однотипных звуков в разных конкретных языках, т. е., например, могут быть изъяты такие знаки, как *нг*, *нг*, *нъ*, при условии однозначного использования знака *ң* для звука [ŋ], или такие знаки, как *ӱ*, *уь*, *ю/у*, при унифицированном обозначении звука [ü] знаком *у* и т. п.

Таким образом, сводный алфавит для всех тюркских языков на русской основе мог бы состоять всего из 39—40 знаков, из числа которых 10—11 были бы предназначены для гласных и 29—для согласных звуков; в результате состав алфавита для каждого конкретного языка не превышал бы 35 знаков.

Рассмотрим все знаки такого сводного алфавита на русской основе.

---

[2] В тюркских алфавитах для обозначения гласного [е] можно было бы принять или *е*, или *э* (см. ниже).

I. Для гласных

1. Знак *а* (*а*)[3] — в унифицированном значении [а], причем сюда же условно будут отнесены карачаево-балкарский [а˙], татарский и башкирский [å] как варианты, не имеющие фонематического значения. Для узбекского языка буква *а* могла бы быть использована для звука [ä], имеющего в других языках унифицированный знак *ə*, хотя при полной унификации для узбекского языка было бы последовательней принять знак *а* для звука [å], а знак *ə* — для [ä]. В туркменском языке долгий [а:] как звук, имеющий фонематическую значимость, должен получить особый знак *ā* или двойное обозначение *аа*.

2. Знак *ə* (*ə*) — в унифицированном значении [*ä*]. Все остальные варианты его обозначения *ä*, *аь*, *а* могли бы быть сокращены.

3. Знак *е* (*е*) в целях унификации мог бы быть принят для обозначения звука [е] либо во всех позициях в слове (и в том числе в начальной позиции при условии различного его чтения в русском языке как [je], а в тюркских как [е]), либо в позиции после согласного в виде буквы *е*, а в начальной позиции в виде буквы *э*; иной способ — во всех позициях в слове передавать [е] в виде буквы *э*. В татарском и башкирском алфавите знак *е* в значении [i̯] мог бы быть заменен знаком *і* и в этом отношении его можно было бы унифицировать с буквой *і* хакасского алфавита, имеющей ту же самую фонетическую нагрузку — [i̯]. Сочетания [jı̯] и [ji̯] в татарском и [jı̯] в башкирском языке, которые также обозначались знаком *е*, могли бы быть обозначены соответствующими сочетаниями *йі* и *йы* — например, *йылан* (вместо *елан*) «змея»; *бійік* (вместо *биек*) «высокий». Соответственно сочетания [je] в начале слова и слога в туркменском и в начале слога в казахском могли бы быть обозначены сочетаниями *йе* или *йэ*.

4. Знак *э*(*е*), таким образом, может быть принят либо как унифицированный знак для звука [е] во всех позициях, либо для позиции в начале слога и слова при обозначении того же звука после согласного знаком *е*.

5. Знак *ы* — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [ɪ], т. е. для [ɪ], [ı̯], [ɪ̣].

6. Знак *и*(*і*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонем типа [i], т. е. для [i], [i̯], [ị], в том числе и для татарского, башкирского и хакасского [i], поскольку в этих языках, где варианты [i] и [i̯] и гласный [í] имеют фонематическую значимость [ср. слова типа *пыс*-«кроить», *піс* «мы» и *пис* «пять» в хакасском и *тыш* «внешняя сторона», *тіш* (в современной орфографии *теш*) «зуб», *тиш*- «продырявить» в татарском и в башкирском] каждый фонематически значимый вариант на письме мог бы быть дифференцирован посредством специального знака. В туркменском языке, где знаком *и* недифференцированно передается долгий и краткий гласный [i], следовало бы соответствующим образом различать их на письме либо двойным знаком *ии* либо сочетанием *ий* для долгого [i:].

Дифференцированно следует обозначать также дифтонгоиды [i̯j] — в татарском, например, посредством сочетаний *ій*, а в казахском — *ий*, поскольку гласный [i̯] в казахском языке имеет несколько иное качество, чем в татарском языке, а кроме того, этот вариант не имеет фонематической значимости и поэтому знак *і* можно не включать в состав казахского алфавита и использовать единый знак *и* для вариантов [i] и [i̯].

7. Знак *і* (ı̯) — в унифицированном значении для варианта [i̯] фонемы типа [i], который приобрел фонематическую значимость в хакасском, татарском и башкирском языках. В татарском и башкирском языках в совре-

[3] В круглых скобках заключено соответствующее обозначение в латинизированном тюркском алфавите, которым тюркоязычные народы пользовались в 1926—1938 гг.

менных алфавитах [ị] передается неунифицированным знаком *е*, а в хакасском — знаком *і*, который и мог бы быть принят в качестве единого знака для обозначения этого звука.

8. Знак *о* (*o*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [o], в том числе для открытого звука [ọ] в татарском и башкирском языках.

9. Знак *ө* (*ө*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [ö], в том числе для открытого звука [ọ̈] в татарском и башкирском языках [4]. Знаки *ӧ*, *оь*, *ё*/*о* могут быть заменены в соответствующих алфавитах единым унифицированным знаком *ө*.

10. Знак *у* (*u*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [u] и в том числе для казахского звука [ụ], который не имеет в этом языке фонематического значения и из алфавита которого искусственный знак *ұ*, обозначающий этот звук, может быть изъят. Что касается обозначения знаком *у* согласного [w] в казахском, татарском и башкирском языках и дифтонгоидов типа татарского [ụ̈w] и казахского [ụw], [ụ̈w], то согласный [w] должен передаваться, например, знаком *ў*, а соответствующие дифтонгоидные сочетания [ụw] и [ụ̈w] в казахском языке — либо сочетаниями *ыў* и *иў*, либо сочетаниями *уў* и *ұў*, а в башкирском и татарском языках — либо сочетаниями *ыў* и *іў*, либо *уў* и *ұў*.

11. Знак *ү* (*y*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [ü]. Знаки *ӱ*, *уь*, *ю*/*у* для [ü] в соответствующих алфавитах, таким образом, должны быть замещены унифицированным знаком *ү*.

II. Для согласных

1. Знак *б* (*b*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [b].

2. Знак *в* (w) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы [v]. В тех языках, где этим знаком обозначается губно-губной [w], последний должен передаваться буквой *ў*.

3. Знак *г* (*g*) — в унифицированном значении для вариантов фонемы типа [g]. В некоторых языках, где звук [γ] не имеет фонематического значения, например в алтайском языке, последний может также обозначаться буквой *г*. Азербайджанский палатализованный [g'] (в графике *к*), не имеющий фонематической значимости, также может обозначаться буквой *г*, значение которой, как и в случае [l] и [ɬ], будет дифференцироваться характером вокализма.

4. Знак *ғ* (*oq*) — в унифицированном значении для вариантов фонемы [γ] может быть включен в алфавит только тех языков, где звук [γ] имеет фонематическое значение, например в узбекском языке (ср. узб. *гул* «цветок» и *гул* «оковы, кандалы» и т. п.).

В других языках, где значение [g] и [γ] может дифференцироваться вокализмом слова (как и в отношении звуков [l] и [ɬ]), этот знак может быть изъят из алфавита. Соответственно знаки *ғ*, *гъ*, *г* в алфавитах всех тех языков, где имеется фонема [γ], должны быть замещены унифицированным знаком *г*.

5. Знак *д* (*d*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [d].

6. Знак *дь* (*dj*) — в унифицированном значении вариантов фонемы [*dj*], встречающейся в алтайском языке, где эта фонема реализуется в качестве звонкого [dj] и обозначается ныне знаком *j*, и в якутском, где она обозначается знаком *дь*.

---

[4] Хотя было бы последовательнее звуки [ụ] и [ụ̈] в этих языках обозначать соответственно вариантами знаков *у* и *ұ*.

7. Знак *ж* (*z*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [ž].

8. Знак *ӂ* (*ç*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [ǯ]. Знаки *ч*, *ҷ*, *дж*, *ж*, встречающиеся в современных алфавитах, должны быть замещены знаком *ӂ*.

9. Знак *з* (*z*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [z].

10. Знак *ẑ* (*đ*) — в унифицированном значении для фонемы типа [ẑ], встречающейся в близких между собой вариантах в башкирском и туркменском языках, причем в последнем этот звук обозначается сейчас знаком *з*, общим здесь для [z] и [ẑ].

11. Знак *й* (*j*) — в унифицированном значении [j].

12. Знак *к* (*k*) — в унифицированном значении [k]. В некоторых языках, где звук [q] не имеет фонематического значения, например в алтайском языке, [q] также может быть обозначен знаком *к*, при условии дифференциации его значения посредством вокализма слова.

13. Знак *ӄ* (*q*) — в унифицированном значении [q]; знаки *к̡*, *къ*, встречающиеся в некоторых алфавитах, должны быть замещены знаком *ӄ*.

14. Знак *л* (*l*) — в унифицированном значении фонемы типа [l], реализующейся в большинстве тюркских языков в виде двух вариантов [l] и [ɫ]. различение которых достигается с учетом качества вокализма в слове.

15. Знак *м* (*m*) — в унифицированном значении для фонемы типа [m],

16. Знак *н* (*n*) — в унифицированном значении для фонемы типа [n].

17. Знак *ң* (*ŋ*) — в унифицированном значении для фонемы типа [ŋ]. Знаки *нг*, *нг*, *нъ*, встречающиеся в некоторых алфавитах, должны быть замещены знаком *ң*.

18. Знак *п* (*p*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [p].

19. Знак *р* (*r*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [r].

20. Знак *с* (*s*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [s].

21. Знак *ҫ* (*ƅ*) — в унифицированном значении для фонемы [ŝ], встречающейся в туркменском и башкирском языках.

12. Знак *т* (*t*) — в унифицированном значении для вариантов фонемы типа [t].

23. Знак *ў* (*v*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [w]. Знаки *в*, *у*, *ү*, обозначающие в некоторых алфавитах варианты фонемы типа [w], должны быть замещены этим знаком.

24. Знак *ф* (*f*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [f].

25. Знак *х* (*x*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [x].

26. Знак *ҳ* (*h*) — в унифицированном значении для всех вариантов фонемы типа [h]. Знаки *h*, *гь*, *х*, встречающиеся в некоторых алфавитах, должны быть замещены знаком *ҳ*.

227. Знак *ӵ* (*c*) — в унифицированном значении всех вариантов фонемы типа [č].

28. Знак *ш* (*ş*) — в унифицированном значении всех вариантов фонемы типа [š].

29. Знак *ъ* (') — в значении знака фарингализации гласных для тувинского языка и в значении слогораздела.

Что касается знаков *ц* (*s*), *щ* (*şc*) и *ь* русской азбуки, то они либо могут быть включены в алфавит для обозначения соответствующих звуков и их

оттенков в заимствованных словах, либо соответствующим образом транслитерироваться (например, *ц* = *тс*; *щ* = *шч*).

Итак, рассмотрев все аспекты проблемы совершенствования и уточнения алфавитов для всех современных литературных тюркских языков народов СССР, можно сделать общий вывод о возможности общей унификации всех алфавитов и значительного сокращения знаков сводного алфавита для всех тюркских литературных языков, пользующихся кириллицей: число знаков алфавита может быть доведено до 30—40, т. е. того же количества знаков-букв, которое имел сводный алфавит для тюркских языков на латинизированной основе (см. сравнительную табл.).

Сводный алфавит на русской основе для тюркских литературных языков народов СССР после возможной их унификации

№№	Сводный алфавит на русск. основе после униф.	Сводный алфавит на латин. основе	Знаки совр. алфавитов, которые могут быть сокр. после униф.	№№	Сводный алфавит на русск. основе после униф.	Сводный алфавит на латин. основе	Знаки совр. алфавитов, которые могут быть сокр. после униф.
1	*а*	*a*		22	*ң*	*ŋ*	*нг, нъ, н*
2	*ə*	*ə*	*ä, аь, (а)*	23	*о*	*o*	
3	*б*	*b*		24	*ө*	*ɵ*	*ӧ, оь, ё, (о)*
4	*в*	*w*		25	*п*	*p*	
5	*г*	*g*	*к*	26	*р*	*r*	
6	*ғ*	*ƣ*	*ь, гъ, (г)*	27	*с*	*c*	
7	*д*	*d*		28	*ҫ*	*ƀ*	
8	*дь*	*dj*	*j*	29	*т*	*t*	
9	*е (э)*	*e*		30	*у*	*u*	
10	*ж*	*ƶ*		31	*ў*	*v*	*(в), (у), (ү)*
11	*җ*	*ç*	*ч, ҷ, дж, (ж)*	32	*ү*	*ü*	*ӱ, уь, ю, (у)*
12	*з*	*z*		33	*ф*	*f*	
13	*ә*	*ƌ*	*(в)*	34	*х*	*x*	
14	*и*	*i*		35	*ҳ*	*h*	*гь, h, (х)*
15	*і*	*ɩ*	*е, ё*	36	*ч*	*c*	
16	*й*	*j*	*j*	37	*ш*	*ş*	
17	*к*	*k*		38	*ъ*	*ʻ*	
18	*қ*	*q*	*к, кь, (к)*	39	*ы*	*ь*	
19	*л*	*l*		40	*ц*	*s*	
20	*м*	*m*		41	*щ*	*şc*	
21	*н*	*n*		42	*ъ*	—	

Практическая реализация и осуществление такой сложной реформы и унификации всех алфавитов для тюркских языков вряд ли возможны в короткий срок. Представленные здесь соображения имеют характер предложений перспективных для возможного их обсуждения и дискуссии. Они могут быть учтены в дальнейшем при могущем возникнуть вопросе о совершенствовании и уточнении конкретного алфавита, так как предусматривают общую координацию такого совершенствования и согласование общей перспективы возможного улучшения всех алфавитов с учетом их унификации.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

Я. БАУЭР

К РАЗВИТИЮ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Относительные придаточные предложения представляют собою один из основных типов придаточных предложений. Занимая важное место в системе сложного предложения современных славянских языков, они сыграли весьма значительную роль и в ее развитии, поскольку они принадлежат к древнейшим типам придаточных предложений.

В современных языках относительные придаточные предложения более или менее ярко подразделяются на три типа: 1) субстантивные предложения, выполняющие чаще всего функцию подлежащных или дополнительных предложений; 2) адъективные предложения, являющиеся чаще всего определительными предложениями; 3) адвербиальные предложения, выступающие в роли обстоятельственных предложений со значением места, времени и образа действия. Между указанными типами наблюдаются взаимосвязи и переходы. К названным трем типам в качестве четвертого типа примыкают так называемые несобственные относительные предложения (относительно-присоединительные предложения), которые утрачивают характер придаточных предложений.

2. При историческом обследовании относительных предложений необходимо принимать во внимание предложения с относительными по происхождению союзами. С другой стороны, необходимо четко отграничивать относительные предложения от других типов придаточных предложений, особенно от косвенных вопросов; последние, хотя они вводятся с помощью местоимений или наречий, большей частью созвучных с относительными словами, прошли иной путь развития и занимают в системе сложноподчиненного предложения другое место.

Для понимания динамической специфики относительных предложений следовало бы изучать их развитие в рамках системы сложного предложения в целом. Однако, поскольку предпосылок для такого изучения пока не имеется, приходится ограничиться по крайней мере отношениями между относительными предложениями и другими видами придаточных предложений, в частности теми, которые оказываются функционально близкими к ним. Относительные субстантивные предложения в этом отношении соприкасаются с союзными изъяснительными предложениями и с косвенными вопросами, однако их развитие было различным, и за исключением единичных случаев их взаимосближения не произошло. Относительные адъективные предложения не имеют среди союзных предложений прямого соответствия. Адвербиальные относительные предложения (за исключением придаточных места) в ходе своего развития сближались с обстоятельственными союзными предложениями, иногда сливаясь с ними, и сейчас трудно решить, имеем ли мы дело с союзом или с относительным словом.

Взаимоотношение разных видов относительных предложений испытывало в течение исторического развития определенные изменения. Современная система относительных предложений является результатом сложного исторического развития; в древние времена они группировались

на основе иных, нежели сегодняшние, различий и признаков. В предлагаемой статье мы попытаемся на базе древнейшего засвидетельствованного состояния восстановить исконную систему славянских относительных предложений, представлявшую собою отправную точку самостоятельного развития систем в отдельных славянских языках. Наиболее важное для понимания этого развития явление — это распространение новых относительных слов вопросительного происхождения за счет утраты древних относительных слов с основой на *i̯o-, *i̯a- (*jьže*, *jakъ* и т. д.); между славянскими языками, в целом обнаруживающими параллельное направление развития, здесь имеются расхождения хронологического порядка, а также различия в выборе относительных слов, причем в отдельных языках были различия в развитии ряда относительных местоимений и наречий [1].

3. Между современными славянскими языками наблюдаются лишь малозначительные различия в строе сложного предложения с относительными придаточными. Они касаются особенно атрибутивного употребления относительного местоимения при существительном (ср. болг. *което куче ме е залаяло*, *все е побесняло*), степени необходимости употребления коррелятивных местоимений (ср. словац. *servítku dali*, *kdo si ju osobitne pýtal* — чеш. *ubrousek dali tomu*, *kdo o něj zvlášť požádal*), согласование сказуемого с местоимением *кто* (ср. русск. *все*, *кто пришел* — чеш. *všichni*, *kdo přišli*) и т. п.

Более глубокие различия имеются в употреблении самих относительных слов: по-разному были использованы рефлексы местоимения *къto*, *къterъ*/*kotorъ* и *kъjь*; в неодинаковой мере получили распространение абсолютивные относительные слова от разных основ (*co*, *что* и т. п./ *jako*, *ako*, *ki*, *kiž*, *kenž*, *дето* и т. п.); кое-где сохранилось относительное местоимение *jakъ* и наречие *jako* (впоследствии оно могло быть замещено словами *aký*, *ako*, *ak*), в то время как в других языках вместо него выступают рефлексы *kakъ*, *kako* или другие; спорадически сохранились также относительные слова от основы *i̯o- (чеш. *jenž*) или, по крайней мере, произведенные от нее союзы; по-разному выражается притяжательное относительное местоимение (*чей*/*которого*; *jehož*..). Эти различия уходят своими корнями в разные этапы прошлого, имея неодинаковую системную значимость: некоторые из их числа можно было бы понимать только как различия, в сущности, лексического характера, другие же отражают дифференциацию самих структурных типов относительных предложений (ср. употребление местоимения *koji*, *koj*, *kojto* в южнославянских языках и в субстантивных и в адъективных предложениях, между тем как в западнославянских и восточнославянских языках оба типа формально различаются).

Знаменательно также то, что в некоторых славянских языках упрочилось различение относительных и вопросительных местоимений и наречий: в лужицком и словенском языках с помощью суффикса *-ž* (*-r*), в болгарском с помощью суффикса *-то*, стоящего в связи с членом. В других славянских языках подобное различение либо вовсе не развилось, либо утратилось, хотя определенные тенденции к нему и намечались (например, в чешском языке).

4. Древнейшее состояние относительных предложений в славянских языках, представленное памятниками письменности. Древ-

[1] Об этом подробнее говорится в моем докладе «K vývoji vztažných vět v slovanských jazycích», прочитанном на заседании Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков в Смоленицах 26 октября 1966 г. («Slavica slovaca», 1967, 3).

нейшие связные памятники славянских языков, как известно, восходят к разным этапам; это весьма затрудняет сравнение древнейшего письменно зафиксированного состояния синтаксических конструкций. Положение осложняется также в силу разнородного характера древнейших языковых памятников, разной роли церковнославянского языка в сфере письменного использования того или иного языка, в силу взаимных влияний славянских языков и т. д.

Поскольку здесь нет возможности подробно рассмотреть состояние относительных предложений во всех славянских языках, мы сосредоточим свое внимание на двух языках, наиболее ярко репрезентирующих две различные древние системы относительных предложений: на старославянском и древнечешском. Это послужит отправной точкой для освещения положения в остальных славянских языках, располагающих древними памятниками.

Старославянский язык как самый древний славянский письменный язык занимает исключительное положение; до сих пор его иногда считают представителем праславянского состояния или, по крайней мере, весьма близко его отражающим; однако применительно к синтаксису данные старославянского языка следует толковать с большой осторожностью. Древнечешский язык располагает связными памятниками более позднего времени, чем древнерусский язык (только с конца XIII в.), однако его преимущество для наших целей в том, что в нем не могло непосредственно отразиться церковнославянское влияние. Кроме того, это единственный славянский язык, в котором еще широко представлено употребление древних относительных слов наряду с новыми, что позволяет непосредственно наблюдать процесс перестройки сложного предложения с относительными придаточными. Засвидетельствованное древнечешскими памятниками XIII—XV вв. состояние, несомненно, весьма архаично; западнославянские языки в развитии относительных предложений вообще оказались наиболее консервативными. Это позволяет сопоставлять древнечешское состояние (хотя оно и представлено в письменном виде гораздо позднее) со старославянским состоянием.

4.1. Старославянский язык в своих древнейших памятниках имеет относительные слова только от основы *i̯o-; подчинительные союзы также образуются от этой основы.

Основное относительное местоимение — *иже*. Оно вводит как субстантивные, так и адъективные предложения, употребляясь безразлично в отношении лиц или явлений обобщенных, неизвестных или же определенных, известных.

Ср. в субстантивных предложениях: иже бѫдетъ въ мьнѣ и азъ въ немь · сътворитъ плодъ мъногъ Ио 15, 5, Мар., Зогр., Асс., Сав. [2] (ὁ μένων

[2] В статье приняты следующие сокращения названий старославянских и древнечешских памятников: Асс. — Ассеманиево евангелие, изд. Й. Курц; Зогр. — Зографское четвероевангелие, изд. В. Ягич; Мар.— Мариинское четвероевангелие, изд. В. Ягич; Сав. — Саввина книга, изд. В. Щепкин; Син. — Синайская псалтырь, изд. С. Северьянов; Супр.— Супрасльская рукопись, изд. С. Северьянов; Треб.— Синайский требник, изд. Р. Нахтигал; Alx — Alexandreis, поэма конца XIII в., сохранившаяся в списках XIV в. и начала XV в. (AlxV); Dal — Dalimil, хроника в стихах XIV в., сохранившаяся в нескольких рукописях (DalC — XIV в., DalL — XV в.); EvOl — Evangeliář Olomoucký, рукопись евангелия и других частей библии 1421 г.; EvZimn — Čtenie ziminieho času, отрывок евангелия XIV в.; MastMus — Mastičkář, пасхальная пьеса XIV в.; Mat — Evangelium sv. Matouše s homiliemi, гомилии по евангелию от Матфея, рукопись XIV в.; NRada — Nová rada, соч. Smila Flašky z Pardubic, XIV в.; Otc — Životy sv. Otců, перевод житий XIV в., список OtcB начала XV в.; StítSáz — Tomáš ze Štítného (жил во второй половине XIV в.), sborník Sázavský — сборник его трудов 1465 г.; VšehK — Viktorin Kornel ze Všehrd, O práviech země české knihy devatery, юридический памятник 1515 г.; ŽaltKlem — žaltář Klementinský, рукопись псалтыри первой половины XIV в.; ŽaltPod — žaltář Poděbrad-

ἐν ἐμοί) — в таких случаях относительное предложение имеет обобщающее значение, смысл его близок к условному (ср. в следующем же стихе: аштє кто въ мьнѣ нє прѣбѫдетъ · ізвръжетъ сѧ вонъ Ио 15, 6 там же — ἐάν μή τις μένῃ ἐν ἐμοί); по срѣдѣ жі васъ стоитъ · ігоже вѣі нє вѣстє Ио 1, 26, Мар., Зогр., Асс. (ὃν ὑμεῖς οὐκ οἴδατε) — относительное предложение относится к определенному лицу; ѥжѣ просиши оу отьца дастъ ти отьцъ Супр. 308, 11 — относительное предложение имеет общую значимость; еже оубо бъ съчета члвкъ да не разлѫчаатъ Мф 19, 6, Мар., Асс. (ὃ οὖν ὁ θεὸς συνέζευξεν) — то же; се оученици твои творѧтъ · егоже не достоітъ творити въ сѫботѣі Мф 12, 2, Зогр., Мар. (ποιοῦσιν ὃ οὐκ ἔξεστιν ποιεῖν)— относительное предложение относится к определенному явлению: і въ ньже домъ вьнидете · тоу прѣбъіваіте Лк 9, 4, Зогр., Мар., Асс., Сав. (εἰς ἣν ἂν οἰκίαν εἰσέλθητε) — предложение с относительным местоимением при существительном имеет общую значимость.

В атрибутивных предложениях: блнъ гь · іже не дастъ насъ въ ловитвѫ зѫбомъ іхъ Пс. 123, 6, Син. (Κύριος ὃς οὐκ ἔδωκεν ὑμᾶς) — в отношении к определенному лицу; всѣко оубо дрѣво · еже не творітъ плода добра · посѣкаемо бъіваетъ Мф 3, 10, Асс. (δένδρον μὴ ποιοῦν καρπὸν καλόν) — в отношении к обобщенно взятому предмету.

Для передачи обобщающего смысла относительного предложения к местоимению *иже* большей частью присоединялось *аште* (*иже аште* соответствует греч. ὅς ἐάν, ὅς ἄν, представляя, вне всякого сомнения, кальку); в древнейших евангельских текстах спорадически отмечается *колижьдо* [3].

Подобным образом обстояло дело в относительных предложениях с относительными словами *ѥликъ* и *ѥлико*, с наречиями *идеже*, *ѣможе*, *ѣдоуже* и т. п.

Относительных слов, восходящих к вопросительным словам, в древнейших старославянских памятниках почти не имеется. Неправомерно в этой связи приводят один пример из евангелий: въпрашааше же часа отъ нихъ. въ которы · соулѣе емоу бъістъ Ио 4, 52, Зогр./ въпраша же годины отъ нихъ · въ кѫѣѫ соулѣе емоу бъіс‹ть› Мар. На самом деле здесь представлена перестройка сложного предложения с зависимым вопросом, как показывает Асс.(въпрашааше же вїны о нихъ · въ кѫѣѫ годінѫ соулѣе емоу бъіс‹ть›), согласно греческому подлиннику (ἐπύθετο οὖν τὴν ὥραν παρ' αὐτῶν ἐν ᾗ κομφότερον ἔσχεν), но не относительное предложение в собственном смысле. Отсюда следует исключить и предложения с *къто* после *нѣстъ*, ибо это изъяснительные, а не относительные предложения: нѣстъ кто милоуѧ · и нѣстъ к'то милосръдоуѧ Супр. 57·9—10 [4]. Относительное употребление местоимения *къто* в субстантивном предложении, кажется, представлено в следующем примере из Треб. 103а, 21: а к'то похоть имы... тоуждѫ женѫ прииметъ› в лѣтъ› да покает'сѧ. В соседних сложных предложениях параллельного строения имеется аџе к'то, аџе которыи.

Лишь в Супр. встречаются первые единичные фиксации относительной функции местоимения *кыи* и наречия *къде* [5].

ský, рукопись псалтыри 1396 г.; ŽaltWit — žaltář Wittenberský, рукопись псалтыри середины XIV в.

[3] См.: J. a M. Bauerovi, Staroslověnské *ašte*, «Slavia», 26, 2, 1957, стр. 168—169.

[4] Относительное значение усматривает здесь В. Вондрак (W. Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik, 2. Aufl., Berlin, 1912, стр. 624—625); толкование предложений с *nĕstъ kъto* + причастие см.: Fr. Trávníček, Neslovesné věty v češtině, II, Brno, 1931, стр. 46—47; J. Bauer, Vývoj českého souvětí, Praha, 1960, стр. 164 (там же указания на литературу).

[5] Ср. : W. Vondrák, указ. соч., стр. 625, 626; Ф. Александров, О значениях и функциях местоимений «который», «иже» и «кый» в основных памятниках

4.2. В древнечешском языке XIII—XV вв. положение оказывается совершенно иным. Относительные предложения здесь разделяются на два типа:

(1) с относительными словами от основы **ję-*: местоимение *jenž*, наречия *jeliko*, *jamžto*, *jadyžto* и др. Эти предложения всегда указывали на определенное лицо или предмет, определенное место и т. п.;

(2) с относительными словами вопросительного происхождения: с местоимениями *kto*, *čso* (> *co*), *který*, наречиями *kdež*, *kamž*, *kudyž* и т. д. Эти предложения регулярно относились к обобщенно понимаемым или неизвестным лицам, предметам, местам и т. д., имея нередко яркий условный смысл.

Это различие в древнечешском языке явилось более веским в системном отношении, нежели различие субстантивных, адъективных и адвербиальных предложений. Проиллюстрируем его на древнечешских переводах тех же мест из библии, из каких был взят старославянский материал; приводятся также примеры из непереводных памятников:

(1) Предложения с *jenž*, относящиеся к определенному лицу или предмету, адъективные: *pochválen hospodin, jen nedal nás v jětie* Пс. 123, 6 ŽaltWit (здесь *jen* без *-ž*; ŽalkKlem и ŽaltPod имеют *jenž*); *v srbském jazyku jest země, jiež Charváty jest jmě* DalL 2, 2; субстантивные: *ale mezi vámi jest stal, jehož vy neznáte* Ио 1, 26 EvZimn (подобно EvOl: *jehož vy nevíte*); *viz, učenníci tvoji činie, ješto nehodno jest jim činiti v sobotu* Мф 12, 2, EvOl 285b; *jehož někdy najvěrnějšie ho mnieše a jemuž. . zemi poručil bieše, tomu káza na nátonu bradu obrubati* DalL 55a.

(2) Предложения с относительными словами из вопросительных слов, относящиеся к обобщенно взятому или неопределенному лицу и предмету, часто с условным значением, субстантивные: *ktož přěbývá ve mně a já v něm, tenť nese ovoce mnoho* Ио 15, 5, EvOl 321a (ср. шестой стих там же: *pakli kto ve mně bydliti nebude, vyvržen bude ven*); *to, což buoh slúčil, člověk nerozlúčěj* Mat 298a (Мф 19, 6); *a v kterýžkolvěk duom vendete, tu ostaňte* Лк 9, 4, EvOl 277b; *ktož tu biechu, každý spáše* AlxV 870; *kterýž sě pacholík urodi, ať sě viec k boji nehodi* DalL 14, 9; *čiež pře nenie, nemá do šraňkuov jíti* VšehK 25b; адъективные: *protož každé dřěvo, kteréž nečiní dobrého ovoce, bude podťato* Мф 3, 10 EvZimn; *všeliká rána, kteráž předvěděna bude, vždy jie spieše člověk zbude* NRada 1191.

В предложениях с относительными местоимениями отмеченное различие соблюдалось с поразительной последовательностью, причем как в переводных, так и в непереводных памятниках; отступлений вплоть до XV в. очень мало (раньше всего появлялось *co* на месте *jež*) [6]. У предложений с относительными наречиями сохранялись отчетливые следы этого различия, но поскольку многие наречия от основы **ję-* с течением времени выбывали из системы языка, все последовательнее употреблялись их корреляты от вопросительной основы **ko-* в обоих случаях.

4.3. В других славянских языках положение является не столь четким. В древнепольском языке, связные памятники которого относятся к значительно более позднему времени, чем чешские, древние относительные слова, как они представлены в этих памятниках, уже близки к полному исчезновению [7]; в доисторический период, вероятно,

древнеболгарского языка, «Славистичен сборник», I, София, 1958, стр. 158—159. В приведенном примере из Треб. речь могла бы идти также об условном предложении с *а* на месте *аште* (а с неопределенным местоимением *к'то*); ср. подобное употребление *а* в других примерах («Slovník jazyka staroslověnského», 1, Praha, 1958, стр. 2—3).

[6] См.: J. Bauer, Vývoj českého souvětí, стр. 189—211.

[7] Ср. St. Urbańczyk, Wyparcie stpol. względnego *jen*, *jenże* przez pierwotnie pytajne *który*, Kraków, 1935; E. Nieminen, Beiträge zur altpolnischen Syntax, I—II, Helsinki, 1939 и 1950.

здесь было различение, подобное древнечешскому, однако это остается лишь предположением.

В древнерусском языке ситуация осложнялась за счет церковнославянского влияния: написанные на церковнославянском языке памятники регулярно имеют *иже*, как и старославянский язык; в памятниках с сильным церковнославянским влиянием также обычно употребляется *иже*; в памятниках с более слабым церковнославянским влиянием *иже* выступает в определительных предложениях, не встречаясь, как правило, в антепонированных субстантивных предложениях (в последних бывает *кто* и *что*); в деловых памятниках *иже* либо не представлено вовсе, либо представлено очень редко [8]. Возможно, что первоначальное исконное состояние было похоже на представленное в древнечешском.

В древнем сербскохорватском языке *иже* зафиксировано в религиозных текстах с церковнославянским влиянием, в других текстах оно отмечается лишь единично, полностью преобладают относительные слова из вопросительных [9], так что судить об исконном состоянии трудно.

Оценить состояние в среднеболгарском языке весьма трудно, поскольку среднеболгарская письменность представляет, особенно в своем начале, продолжение старославянского состояния; конечно, употребление относительных слов из вопросительных с течением времени возрастает.

Для остальных славянских языков мы располагаем лишь памятниками гораздо более позднего происхождения [10], которые мало что могут сказать о первоначальном состоянии. Тем более значительны свидетельства старославянского и древнечешского языков как языков, в которых в ярком виде представлены различные системы относительных предложений.

5. Вопрос об общей исходной точке — праславянском состоянии. Можно ли при наличии указанного различия найти общую отправную точку? Которая из двух систем является более древней?

5.1. По времени фиксации старославянское состояние намного древнее. Если принять, что общее развитие относительных предложений в славянских языках шло по линии замещения относительных слов от основы **i̯o-* относительными словами от основы **ko-*, то с этой точки зрения понятно, почему старославянское состояние часто считают первоначальным, продолжающим праславянское. Применительно к праславянскому языку предполагают лишь один ряд относительных слов. В таком случае приходилось бы объяснять древнечешское состояние как вторичное, возникшее путем семантического различения средств, на определенном этапе оказавшихся в отношениях конкуренции. Теортически это не исключено, однако, если учесть лингвистическую ситуацию в чешском языке до XIV в., это представляется маловероятным: древнечешский язык не был столь устоявшимся, чтобы для него можно было пред-

[8] Ср.: А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв., «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», V, М., 1954; А. Н. Стеценко, Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв., Томск, 1960; В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот — Сложное предложение, М., 1958, стр. 112—136; О. С. Мельничук, Історичний розвиток системи відносних слів в українській мові, сб. «Слов'янське мовознавство», IV, Київ, 1962, стр. 80 и сл. и 103 и сл.

[9] Ср.: A. Gallis, The syntax of relative clauses in Serbo-Croatian, Oslo, 1956.

[10] В архаических Фрейзингейских отрывках положение сходно с церковнославянским — в них употребляется относительное местоимение *iže*.

полагать возникновение тонкого и последовательного семантического различия обоих видов относительных слов; речь могла бы идти лишь о переходном, временно стабилизовавшемся положении, в ходе последующего развития вновь устраненном; что касается влияния латинского языка, которое было наиболее сильным при становлении чешского литературного языка, то оно должно было препятствовать подобному различению [11].

5.2. Маловероятным представляется предположение о двояком исходном состоянии. Поэтому возможен вопрос, не является ли старославянское состояние неисконным и не отражается ли общеславянское состояние в древнечешском. Старославянский синтаксис испытал на себе сильное греческое воздействие, притом наиболее сильно оно было именно в строе сложного предложения [12]; греческий язык имеет только один ряд относительных слов, в нем не различаются с помощью относительных слов предложения с определенным и обобщающим значениями (ср. греческие оригиналы цитировавшихся примеров). Вообще известны примеры того, как исконное славянское синтаксическое средство стало в старославянском языке эквивалентом греческого средства и впоследствии было вовлечено во все функции последнего, даже в такие, которые оно не смогло бы приобрести при самостоятельном развитии; при этом другие синонимические исконные средства утрачивались [13].

Не исключено, что подобное урегулирование системы произошло также в сфере относительных предложений. В этом случае перед нами было бы специфическое развитие литературного языка, искусственно обработанного под сильным воздействием со стороны греческого языка.

Столь глубокое влияние греческий язык смог бы оказать лишь при условии, что в разговорной базе старославянского языка сложноподчиненное предложение с придаточным относительным не было вполне развитым. Весьма правдоподобно предположение, что оформившимися здесь были относительные предложения с *иже*, особенно атрибутивные; видимо, для разговорного языка была свойственна и простая анафорическая функция этого местоимения, наряду со случаями переходного характера. Стабилизация относительных субстантивных предложений, по-видимому, еще не успела произойти. Под влиянием греческого языка для нужд письменности и в этой функции было принято относительное местоимение *иже*, употреблявшееся, возможно, в ограниченной мере при ссылке на конкретное лицо или предмет и в славянской устной речи. При ярко выраженном обобщающем или условном значении могла чувствоваться коллизия с остатками деиктического значения *иже*; вот почему, возможно, в

[11] Под воздействием латинского языка нередко происходило смешение обеих разновидностей относительных слов в переводных памятниках; ср. *blažený muž, jenž úfá veň* Пс. 33, 9 ZaltKlem/*kterýž* Žalt Wit (*beatus vir qui sperat in eo*); *vščcky vlasti, jěž si koli učinil, přidú* Пс. 85, 9, ZaltWit/ *kteréžskoli* ŽaltKlem (*omnes gentes, quascumque fecisti, venient*) — здесь при *jenž* употреблена обобщающая частица *koli*, которая находится в прямом противоречии с его анафорическим значением; *jenž* попадало даже в вопросительные предложения: *hospodin osvěta má a zdravie mé, jehož sě báti budu? hospodin obráncě života mého, ot něhož sě třiesti budu?* Пс. 26, 1, ŽaltKlem (*quem timebo? ... a quo trepitabo?*); ŽaltWit имеет здесь *jehož sě boju?*, однако далее: *před kým sě budu třiesti?* См.: J. Bauer, Vývoj českého souvětí, стр. 165, 204.

[12] Ср. выводы Ст. Слоньского (St. Słoński, Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern, Kirchhain, 1908, стр. 76—78); ср. также : J. Bauer, Vliv řečtiny a latiny na vývoj mluvnické stavby slovanských jazyků, «Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958, стр. 73 и сл., особенно стр. 80—81.

[13] Так, *ašte* стало вопросительной частицей по образцу греч. εἰ, полностью вытеснив в зависимых вопросах частицу *li*; оно стало обобщающей частицей, употребляемой после *иже* и т. п. в соответствии с греч. ἄν, ἐὰν, вытеснив *колижьдо* и под. См.: J. a M. Bauerovi, Staroslověnské *ašte*, стр. 157—179.

языке не удержалось соединение *иже колижьдо*, встретившееся несколько раз в наиболее древних переводах; его заменила полная калька — *иже аште*. Духу языка лучше соответствовали условные предложения с *аште къто, аште чьто, аште которыи* и т. п., особенно обильно представленные в Треб.; точный перевод Нового завета, однако, даже в их употреблении строго следовал греческому оригиналу.

5.3. Древнечешское состояние, напротив, отражает более продвинутую стадию развития относительных предложений: в период становления литературного языка наряду с предложениями с *jenž* в разговорной речи, вероятно, в общем уже сформировались относительные предложения с относительными словами из вопросительных, с семантическим оттенком обобщения, неопределенности или условности, связанным с их происхождением. Поэтому в литературном языке оба типа относительных предложений выступают рядом, ярко отличаясь друг от друга функционально; это различение в силу языковой инерции долгое время сохранялось. Чужое влияние не было столь сильным, чтобы преобразовать собственную систему — оно отражалось только кое-где в переводных памятниках, приводя к явлениям, которые можно квалифицировать как явления перевода, но не языковой системы (смешение относительных слов, постановка *jenž* в вопросительной функции и т. п.; см. в примеч. 11). Аналогичным образом обстояло дело также в других типах сложного предложения, например, в структурах с повествовательными изъяснительными предложениями [14].

Подобное развитие протекало, вероятно, и в других славянских языках; в древнерусском оно было затушевано и осложнено влиянием церковнославянского языка, но собственное развитие не затронутых этим влиянием пластов языка проходило, по-видимому, теми же путями. Падение древних относительных слов, однако, здесь произошло раньше [15].

5.4. Итак, исходный пункт развития применительно ко всем славянским языкам можно представить следующим образом. В праславянском языке относительные предложения находились на начальной стадии своего развития. Наиболее сформировавшимися были относительные предложения с *jьže* и с наречиями от основы **i̯o-*; однако даже структуры с этими предложениями были не всегда и не вполне однозначно гипотактическими, как об этом позволяют судить остатки анафорической функции *jьže* в славянских языках. Относительные предложения с новыми относительными словами, восходящими к вопросительным словам, возникают позднее; к праславянскому языку позволительно относить в лучшем случае лишь самое начало их возникновения, связанное с более тесным соединением предложений, из которых развились различные виды этого типа сложного предложения; развитие же в собственном смысле и их стабилизацию, видимо, следует приурочивать к доисторическому периоду отдельных славянских языков. В древнечешском языке имеется еще немало явлений, свидетельствующих о первоначальном более свободном соединении предложений [16]; подобные свидетельства имеются

---

[14] Ср.: J. Bauer, Vývoj českého souvětí, стр. 131 и сл. а также объяснение в ст.: J. Bauer, Aktuální otázky historickosrovnávacího studia syntaxe slovanských jazyků, «Slavia», 34,3, 1965, стр. 451—453.

[15] Не исключено, что церковнославянский язык оказывал здесь косвенное влияние: *иже*, столь частое в церковнославянском, стало восприниматься как книжный (или просто чуждый) элемент и за пределами субстантивных предложений и было замещено новыми относительными словами, носящими отпечаток собственно русского языкового средства.

[16] См.: J. Bauer, Vývoj českého souvětí, стр. 190 и сл.

и в древнерусском, древнепольском и других языках. Развитие из относительно единой основы и при тех же коммуникативных потребностях протекало, в общем, параллельно, однако с расхождением в использовании относительных слов. Лишь в старославянском языке оно не могло проходить постепенным и естественным путем, поскольку перед этим языком вдруг была поставлена задача справиться с высоко обработанным греческим подлинником в условиях, когда в устной речи вся система относительных предложений не была еще окончательно оформленной; ее создатели восполнили ее, подражая греческому образцу.

6. Вопрос о происхождении новых относительных слов. До сих пор мы говорили об относительных словах вопросительного происхождения, хотя значительное распространение получила теория о возникновении их из неопределенных местоимений и наречий, причем возможность прямого возникновения их из вопросительных слов отрицается [17]. Не вдаваясь в подробности, заметим, что спор по этому поводу в значительной мере не оправдан: даже если исходить из вопросительного значения, следует предположить, что имелась некая переходная ступень, а именно обобщающее значение; оно представляет собой разновидность неопределенного значения. Непосредственного же изменения вопросительных слов в относительные, по-видимому, не происходило.

6.1. В то же время мнение об исконной вопросительной природе предложений с *kъto*, *čьto/čьso*, *kotorъjь/kъterъjь* и др. следует признать убедительным [18]. Это были вопросы, близкие к риторическим (их в живом разговоре говорящий задавал в общем виде, не ожидая ответа), и реплики, выражавшие точку зрения относительно имплицитного ответа; ср., например, следующий древнечешский пример: *kto chce zbýti strasti? nerad prsta mezi dřvi a podvoj klásti* (DalL 85, 57). Предложение с *kto* при более тесной спайке частей приобретало условный смысл, а само *kto* — обобщающее значение: «если кто-нибудь» /«кто угодно»; лишь вторично *kto* получило относительную функцию и стало выражать тождество производителя (лица, понимаемого обобщенно) в обеих частях сложного предложения. Первоначальной, следовательно, была препозиция части с относительным словом; она ярко преобладает в древних языках. Об исконном свободном соединении предложений свидетельствуют «анаколуфы» типа др.-чеш. *prvý, ktož tě potká, tomu stój* (DalC 36a), употребление союзов *i, a* в главном предложении и др.

Приведенное объяснение подтверждается аналогичным возникновением условных предложений с *li*. Из вопросов с вопросительной частицей возникали подлинные условные предложения: второе предложение высказывало, что́ следует из предполагаемого положительного ответа на содержащийся в первом предложении вопрос. Это хорошо демонстрируется на древнечешском материале, ср.: *máš-li mast s myrrú a s tymiánem..., dobrý druže* (?), *tu prodaj neml* MastMus 343; *bude-liť muž hospodářný* (?), *ale ženať nebude tbavá* ŠtítSáz 32a, 2. Вопросительное происхождение таких предложений уже не проявляется вполне четко (еще в древних языках они встречаются также в постпозиции, при значительном преобладании препозиции). Подобным же изменениям подверглись в древ-

[17] В самое последнее время, притом весьма решительно, подобную точку зрения разделяет А. С. Мельничук (указ. соч., стр. 95—97; его же, Розвиток структури слов'яньского речення, Київ, 1966, стр. 217—221, там же см. указания на литературу).

[18] Его принимает еще Ф. Корш («Способы относительного подчинения», М., 1877, стр. 24 и сл.). Применительно к чешскому языку ср. трактовку Фр. Травничка (Fr. Trávníček, Historická mluvnice česká. III — Skladba, Praha, 1956, стр. 107); см также: J. Bauer, Vývoj českého souvětí, стр. 191 и сл.

нечешском языке и предложения с вопросительными частицами *zda*, *za*, *azda*, *zdali*, однако их развитие не получило завершения. Вопросительное происхождение этих предложений ясно, а условная функция подтверждается тем, что предложения с *zda* используются при переводе латинских предложений с союзом *si*: *pane, zda jsi ty otnesl jej, pověz mně, kdes položil jej* Ио 20, 15 EvZimn (*si tu sustulisti eum*) [19]. Условное значение предложений с *kto*, *čso/co*, *který* и т. д. в древнечешском языке ясно документируется не только тем, что они могли передавать латинские построения с *si quis* и под., но и параллельным употреблением с несомненными условными предложениями, например *ktož nevládne nad svým jazykem v svých hněviech, ten žádosti tělesné nebude moci trpěti* OtcB 71b (*si quis linguam suam non tenuerit in tempore irae, nec passionem carnis suae poterit continere*); *ktož tomu nechce věřiti a chtěl-li by tiem jíst býti, otěž pana Jana Vartimberského* DalL 99,7 [20].

Подобным же образом дело обстоит и в других славянских языках. В живой устной речи имелись условия для возникновения более тесного соединения вопросительного предложения с косвенной репликой. В устных высказываниях, непосредственно связанных с актуальной обстановкой, подобный способ выражения обычен и поныне. Часто употребляемый речевой тип впоследствии мог стабилизироваться и подвергнуться грамматикализации; особенно это могло иметь место при переходе к письменным высказываниям, где отсутствует контакт с обстановкой и адресатом и интонационное оформление и где легко могло происходить полное переосмысление стереотипного свободного объединения предложений как сложноподчиненного. Подобный путь возникновения сложноподчиненных структур из соединения более или менее самостоятельных, но в потоке речи взаимосвязанных предложений весьма вероятен и для других сложноподчиненных типов, как это предполагается рядом исследователей [21].

6.2. Не исключена возможность, что относительное значение развивалось из неопределенного в построениях, где нельзя предполагать первоначальное вопросительное предложение; таким образом можно было бы объяснить некоторые примеры с относительным *кыи* из более поздних памятников старославянского языка. Неубедительным, однако, представляется мнение, согласно которому рассматриваемые здесь предложения восходят к условным предложениям с неопределенным местоимением при пропуске условного союза (*аште къто/чьто..., ač kto/čso..., если кто / что...* и т. п.) [22]. Общее направление развития сложного предложения противоречит такой теории; исторически засвидетельствованная конкуренция обоих типов не служит еще доказательством их смены, она только говорит об их синонимичности. В тех случаях, когда условно-относительное значение предложений с *къто*, *čьto/čьso* еще не сформировалось, преобладали предложения с условным союзом (например, в старославянском Треб.); когда оно находилось в процессе стабилизации, чередовались оба способа выражения, причем в списках и позднейших редакциях памятников древнего происхождения (например, в юридических) количество от-

[19] См.: J. B a u e r, Vývoj českého souvětí, стр. 310—311, 313—314.

[20] Там же, стр. 191—192.

[21] Из чешских синтаксистов — особенно Фр. Т р а в н и ч к о м (см.: «Historická mluvnice česká. III — Skladba»), из советских — Т. П. Л о м т е в ы м («Очерки по историческому синтаксису русского языка», М., 1956, стр. 486 и сл.), Г. С. К н а б е («Еще раз о двух путях развития сложного предложения», ВЯ, 1955, 1) и др. Ср.: Я. Б а у э р, К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения, ВСЯ, 6, М., 1962, стр. 92—98.

[22] См., например: W. V o n d r á k, Vergleichende slavische Grammatik, II, 2-e Aufl., Göttingen, 1928, стр. 480.

носительных предложений увеличивается. Там, где условно-относительное значение уже стабилизировалось (например, в древнечешском языке), преобладают предложения с *kъto*, *čьto/čьso* над предложениями с условным союзом и с неопределенным местоимением. При постепенном ослаблении условного значения новых относительных предложений растет употребление предложений с условным союзом. При сложной конкуренции обоих типов предложений, конечно, было возможно их взаимодействие; не исключено (как один из путей) возникновение относительных предложений на базе условных предложений с неопределенными местоимениями; но, конечно, это был не главный и не единственный путь.

7. Замещение древних относительных слов новыми. Замещение древних относительных слов и союзов от основы **jo-* происходило во всех славянских языках и явилось результатом параллельного развития, однако с многочисленными расхождениями в деталях и с ярко выраженными хронологическими отступлениями. Предпосылки этого развития были заложены в самой системе относительных предложений, возникшей после стабилизации их второго типа (с относительными словами вопросительного происхождения). Два типа, близкие друг к другу, при формировании новой системы сложного предложения совместно противостояли союзным предложениям и притом последовательно различались в формальном и смысловом отношениях (т. е. выражавшие отношение к лицам или явлениям неопределенным, мыслящимся обобщенно, и выражавшие отношения к определенным, известным и единичным субстанциям). Однако различение данного значения для славянского сложного предложения оказалось не релевантным; его можно было отчетливо выражать и другими способами (с помощью частиц *либо*, *koli*, *kolwiek* и др., которые стали суффиксами относительных слов с обобщающим значением, посредством употребления анафорического местоимения с обобщающим значением типа *все*, *каждый*, *всё* и т. п., посредством формы условного предложения с *аште къто*, *ač kto*..., и др.). Смысловое различие постепенно становилось пережитком, связанным лишь с генезисом обоих типов относительных предложений. Это позволило проявиться более широкой тенденции к внутреннему объединению отдельных типов сложного предложения и к устранению различий, мотивация которых перестала быть живой в языковом сознании [23]. Новые синтаксические средства, вытеснявшие старые, лучше способствовали проявлению новой внутренней дифференциации относительных придаточных предложений на субстантивные и адъективные. Более подробные исследования должны вскрыть возможные системные предпосылки и мотивы этого развития [24].

Думается, что подобное развитие носило преимущественно имманентный характер, хотя полностью исключать внешние влияния не приходится. Все же вряд ли возможно для XI—XVI вв. предположить влияние, которое охватило бы всю обширную славянскую языковую территорию и имело бы результатом параллельное развитие сложного предложения. В пользу примарной роли внутрисистемных предпосылок свидетельствует и тот факт, что аналогичные процессы в развитии сложного предложения произошли в разные периоды и в других индоевропейских языках.

---

[23] О тенденциях развития сложного предложения см.: Я. Бауэр, К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения, особенно стр. 103—110.

[24] А. С. Мельничук («Історичний розвиток...», стр. 93—94) предполагает, что вытеснению древних относительных слов способствовало то, что они не имели поддержки в другой функции (анафорическое употребление уже отмерло), между тем как новые относительные слова поддерживались живым употреблением в вопросительном и неопределенном значениях.

7.1. Развитие относительных предложений нередко представляют как простое замещение одних относительных слов другими, т. е. как факт развития лексики. На самом деле здесь имел место весьма сложный синтаксический процесс постепенного сближения и позднейшего слияния двух типов, некогда семантически и формально отличавшихся. Чешский язык, в котором этот процесс хорошо прослеживается по памятникам, отражает в главных чертах общеславянское развитие, которое в своих конкретных результатах и хронологии обнаруживает значительные расхождения по отдельным славянским языкам. Западнославянские языки, очевидно, в динамике относительных слов оказались наиболее консервативными, благодаря чему древнечешские памятники XIII—XV вв. в общем еще сохраняют неразрушенную систему двух рядов относительных предложений.

7.2. Замещение древних относительных слов происходило не одновременно. Сначала были затронуты союзы относительного происхождения, затем — относительные наречия и лишь впоследствии — местоимение **jь/nъ/že*. На это были свои причины. У союзов и наречий менее отчетливо давало себя знать противопоставление обоих типов — с древним относительным словом указательного происхождения и с новым словом вопросительного происхождения, несущим в себе обобщающий или условный оттенок.

Немалое влияние на ход этого процесса оказывал, очевидно, также и тот факт, имелось ли в языке соответствующее слово вопросительного происхождения к древнему относительному слову или союзу. Так, например, в древнечешском языке не имелось удобного соответствия к относительному местоимению и союзу *jelиž* с временно-ограничительным значением, так как *koli* выполняло другую, несоюзную функцию в качестве обобщающей частицы при относительных словах и союзах (*kto koli*, *čso koli*, *kdy koli*, *kakž koli* и т. п.); ранее слово *koli* имело значение наречия «раз, однажды». Поэтому *jelиž* прочно держалось еще на протяжении XV в., лишь весьма постепенно замещаясь союзом *až*, не совпадавшим с ним первоначально в семантическом отношении. Иначе обстояло дело в древнерусском языке, где *коли*, не выполняя несоюзной функции, могло развиться во временной союз (в деловом языке оно, согласно данным В. И. Борковского, преобладало [25]). Напротив, к союзу относительного происхождения *jedyž*, *jedaž* в древнечешском языке существовало прямое соответствие *kdy*(*ž*), *kda*(*ž*), и его замена последним произошла еще в XIII в. (до нас дошли лишь три примера в древнейших рукописях древнечешской Александреиды конца XIII или начала XIV в.).

Интересен ход замещения относительного местоимения *jenž* относительными словами *kto*, *čso* (> *co*) и *který* в древнечешском: новые относительные местоимения распространялись за счет *jenž* (*ješto*), утрачивая семантический оттенок обобщения; напротив, *jenž* (*ješto*) продолжало употребляться в предложениях, относящихся к определенному лицу или предмету, становясь, таким образом, маркированным членом в противопоставлении с новыми относительными местоимениями [26]. С течением времени оно вышло из употребления в разговорной речи, однако в литературном языке оно продолжает сохраняться на правах стилистически окрашенного соответствия местоимения *který* в определительных предложениях; однако его семантический оттенок уже не ощущается.

7.3. Своеобразным было развитие слов *jako*, *jakъ* и произведенных от них союзов в части славянских языков. Это развитие нуждается в под-

[25] См. В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот..., стр. 152 и сл.

[26] Ср.: J. Zubatý, *Jenž*, *který*, *kdo*, *co*, «Naše řeč», 2, 1918.

робном обследовании и объяснении; думается, что оно поддается интерпретации на базе внутренних системных предпосылок отдельных славянских языков [27].

8. Развитие относительных предложений в славянских языках было весьма сложным и дифференцированным. Здесь в сжатом виде был рассмотрен лишь один вопрос — древнейшей системы относительных предложений. Интересно было бы проследить ход распространения новых относительных слов, о котором здесь было лишь вкратце упомянуто. Важна также проблема развития абсолютивных относительных местоимений, предложений с атрибутивными относительными местоимениями, несобственных относительных предложений и др. Этот материал дает красноречивый пример параллельного развития в главных чертах при различиях в деталях. Здесь наглядно выступает механизм системных причин и связей при имманентном развитии, когда внешние влияния действовали только в качестве периферийных факторов. Отдельные изменения следует рассматривать на фоне всей системы относительных предложений в целом, которая в свою очередь формировалась в рамках системы сложного предложения. Играют свою роль взаимосвязи с другими областями: с развитием местоимений и местоименных наречий вообще, с развитием атрибута, с развитием причастных оборотов и т. д.

Сходства и различия между славянскими языками (и диалектами) в употреблении относительных слов весьма важны и для типологической классификации этих языков; здесь особенно показательны некоторые совпадения (например, между сербо-лужицким и словенским языками).

Хотелось бы, чтобы предлагаемая статья напомнила о настоятельности разработки затронутых в ней вопросов.

[27] Ср.: J. B a u e r, K vývoji vztažných vět v slovanských jazycích.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

М. ГРЕПЛЬ

К СУЩНОСТИ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Структурно-функциональная лингвистика исходит из понятия предложения как специфической единицы языковой системы. Ее специфический характер (по отношению, например, к слову и словосочетанию) заключается в наличии предикации. Эксплицитным выражением предикации служит финитный глагол (VF), включая так называемую нулевую связку [1].

1.1. Уже простая эмпирия, однако, показывает, что строение предикативного ядра предложения (понимаемого в указанном смысле) в одном и том же языке может иметь разную структуру. Предложения, включающие предикативные ядра разной структуры, необходимо признать отдельными типами предложений, которые представляют собой реально существующие виды предложения. Типы предложений являются единицами синтаксического яруса языковой системы, в пределах которой они составляют частную систему. Каждый из отдельных типов предложений представляет собою единицу, которую можно определить семантически и формально по отношению к другим типам, т. е. единицу, определяемую в рамках той частной системы, в которую она входит.

Тип предложения носит характер отвлеченной схемы, которая реализуется конкретными высказываниями, причем под влиянием разных условий эта схема может получать ту или иную модификацию. Таким образом, тип предложения можно было бы определять так же, как множество высказываний, образуемых по одной и той же схеме предложения. Отображение типа предложения посредством некоторой системы символов можно называть формулой предложения.

Необходимо подчеркнуть, что типы предложений являются действительными единицами языковой системы, точнее ее синтаксического яруса. Следовательно, они не представляют собою искусственные «конструкты», т. е. результаты какой-либо лингвистической операции или эксперимента.

1.2. Основной предпосылкой для сопоставления типов предложений в рамках славянских языков и для изучения их развития является их взаимное определение и фиксация при помощи формул предложений. Это — задача нелегкая. Необходимой объективности и системной полноты можно достичь лишь в том случае, если избранные критерии будут считаться с подлинно основными признаками типов предложений в славянских языках. Критерии эти не должны быть субъективистскими, априорными или насильно перенесенными на славянские языки извне.

---

[1] Здесь оставляем в стороне нерешенный вопрос о системном характере именных односоставных предложений. Этим вопросом занимался в чехословацком языкознании в последнее время особенно Р. Мразек (R. Mrázek, K otázce českých větných schémat a typů, zvláště neslovesných», SaS, 23,1, 1962). Частично этого вопроса коснулся К. Горалек в своей статье «K teorii věty», SaS, 26, 1965, 3.

Типы предложений характеризуются разным строением своего предикативного ядра. Выделение и определение типов предложений означает прежде всего установление конститутивных признаков, формирующих предикативные ядра предложений.

Определить конститутивные признаки (элементы) типов предложений можно, на наш взгляд, только на основе анализа конкретных высказываний. Базисом для анализа реально существующих типов предложений в славянских языках должен служить речевой материал данных языков, т. е. их высказывания. Лишь таким образом можно избежать пропуска тех признаков, которые оказываются специфическими для типов предложений в славянских языках. Это необходимое условие для выделения типов предложений не только в их относительной полноте, но и в их системных взаимоотношениях и объективной иерархизации. Поэтому описание системы типов предложений в данном языке не может быть лишь делом дедуктивных приемов.

Уже из того, что́ было в общем плане сказано о сущности типов предложений и об их системной взаимообусловленности, вытекает, что их нельзя механически отождествлять с тем, что трансформационная грамматика называет ядерными предложениями. Две конструкции, находящиеся с точки зрения трансформационной грамматики в отношении трансформации, т. е. в отношении ядерного предложения и его трансформа, нередко со структурно-функциональной точки зрения представляют собой два типа предложения, поскольку строение их предикативных ядер разное и соответствует разным формулам предложений. Так обстоит дело, например, в паре: *Ted už žijeme lépe→Ted už se nám žije lépe*. Предикативное ядро первого типа создается по формуле VFpers + ADVmod, второго — по формуле VFimpers refl + Ndat + ADVmod. Далее, надо́ иметь в виду, что так называемые ядерные предложения нередко располагаются теоретиками линейно, в одном ряду. При этом полностью упускается из виду их взаимное расположение в синтаксической системе и особенности их функционирования.

1.3. Характер славянского предложения можно, как нам представляется, наиболее адекватно представить посредством символа VF (а не символа, например, S + P или NP + VP и т. п.). Дело в том, что этот символ субсуммирует не только двусоставные типы предложений, но и односоставные типы, которые весьма характерны для славянских языков и не должны отодвигаться на задний план при описании системы типов предложений.

При определении отдельных типов и их взаимосвязи удобнее всего, как нам кажется, руководствоваться четырьмя различительными признаками:

1. Односоставность — двусоставность. Применительно к славянским языкам этот признак оказывается наиболее важным; он находит свое отчетливое отражение в оформлении предикативного ядра. Формально это противопоставление можно представить в виде оппозиции VFpers — VFimpers.

2. Способ реализации нераспространенного сказуемого. Имеется в виду противопоставление, выраженное символами VFcop + N, ADJ, ADV — VF non cop.

3. Место и значение агенса (аспект «агенсности»). В этом плане важно, представлено ли действие глагола как имеющее своего агенса, т. е. таким образом, что агенс (деятель, производитель действия) выступает в роли грамматического подлежащего предложения, или же действие выступает как лишенное агенса («деагенсное»), т. е. таким образом, что агенс устранен с места грамматического подлежащего: он или не выражен во-

обще, или выражен не именительным падежом существительного. Ср.: *Dělníci opravují střechu — Střecha se opravuje*; *Matematiku jsem studoval lehce — Matematika se mi studovala lehce.* В односоставных предложениях деагенсность как конститутивный признак выступает на передний план, вступая здесь, однако, в оппозицию не с агенсностью, а с полным отсутствием агенсности (с «безагенсностью»). Ср.: *Dnes prší — Dnes se nepracuje*; *Zítra má mrznout — Zítra se má orat.* Аспект деагенсности, таким образом, имеет место как в односоставных, так и в двусоставных предложениях.

Типичным формальным средством выражения деагенсности в чешском языке является возвратная глагольная форма. Она выступает и в двусоставных (*Střecha se opravuje*, *Matematika se mi studovala lehce*), и в односоставных предложениях (*O tom se hodně mluví*, *Sedí se mi dobře*) [2]. Таким образом, аспект деагенсности можно при сопоставлении с другими трактовками действия (агенсной или чисто безагенсной) выразить в виде символа VFrefl — VFnon refl.

Возвратная глагольная форма является типичным сигналом деагенсности и в других славянских языках, хотя она распространена в них в неодинаковой степени. Сравнительно часто данная форма (даже от связки *быть*) встречается в польском языке, а также в южнославянских языках. Реже она представлена в восточнославянских языках. В русском языке кроме так называемого возвратного пассива возможны и другие конструкции с возвратной глагольной формой, сигнализирующей деагенсные действия. Ср. *Дочь вспомнилась матери*, *Мне так думается* и др. Помимо этого, деагенсные действия в определенных случаях можно выражать также некоторыми иными способами, например формами так называемого описательного пассива (конструкциями типа *об этом сейчас много говорят* и т. п.).

4. Количество обязательных элементов, конституирующих сказуемое данного типа предложения. Этот признак касается аспекта валентности, или же направленности глагольного содержания.

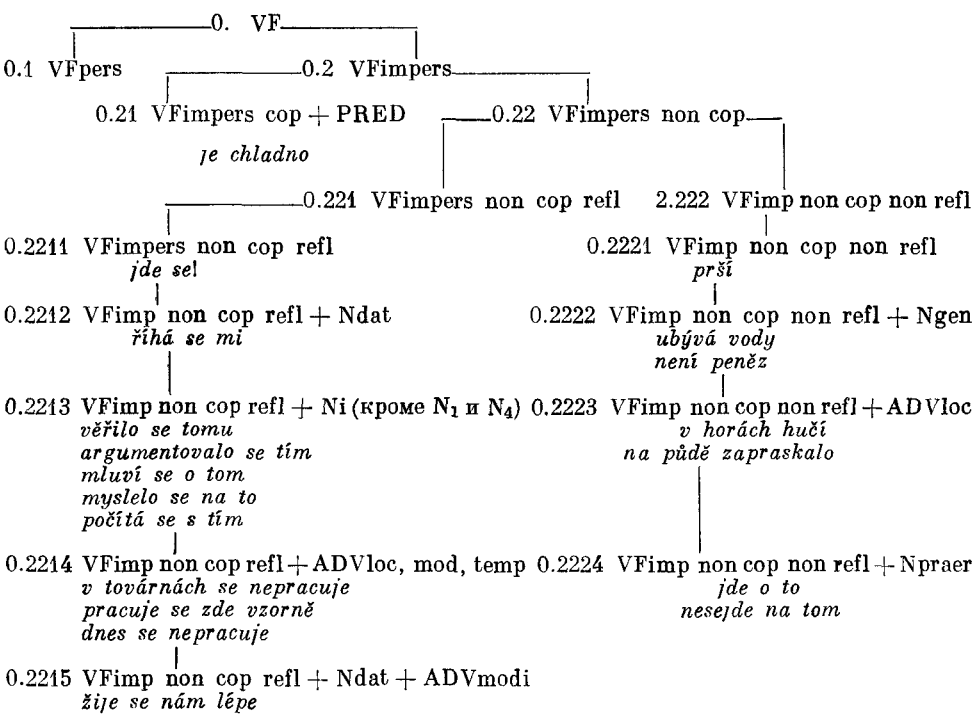
При выделении типов предложений нужно, естественно, учитывать и иерархизацию названных конституирующих признаков. Она подсказывается приведенной последовательностью и позволяет установить также взаимоотношения между типами предложений и их вертикальное распределение, хотя в каждом отдельном славянском языке они выявляются особо.

Систему типов односоставных предложений в чешском языке согласно приведенным критериям можно было бы представить схематически (см. стр. 63).

Аналогичным образом можно было бы описать и систему типов двусоставных предложений.

Как видно из схемы, типы предложений систематизируются не только по горизонтали, но и по вертикали. На уровне 0.0000, например, систематизация горизонтальная, учитывающая все четыре конститутивных признака. Таким образом, у односоставных глагольных предложений в чешском языке получается всего девять типов предложений, стоящих в одном ряду и даже с точки зрения трансформационных приемов не подвергающихся трансформации.

[2] Возвратная форма глагола не является специфичным сигналом «имперсональности» (безличности), как это часто утверждают. Это ясно доказывается хотя бы ее частым употреблением в двусоставных предложениях. Возвратная форма — сигнал деагенсности, который в двусоставных предложениях, естественно, приобретает личную («персональную») форму (например, *Peníze se vydávají dnes na studijním oddělení*), а в односоставных предложениях — безличную («имперсональную») форму (например, *Na to se zapomnělo*, *Žilo se nám špatně*).



Деление по вертикали определяется количеством конститутивных признаков, которые избираются при выделении типов предложений. При элиминации отдельных конститутивных черт снизу получается меньшее количество типов предложений, но более общего характера. И наоборот, прибавляя конститутивные элементы сверху, мы получаем типы предложений более конкретного характера. Для сопоставления соответственных явлений в рамках славянских языков желательно охватить систему типов предложений в возможно более широком объеме. Наиболее общий, наиболее отвлеченный тип, свойственный всем славянским языкам (и не только им), в сопоставительном плане менее интересен. Ведь на таком высоком уровне существует почти полная идентичность. Иначе говоря, рассуждения о предложениях вроде *Кошка лижет молоко*, представляющих самые общие типы, представленные во всех славянских языках без исключения, представляются бесплодными. Наоборот, чем больше мы спускаемся «вниз», к более частным типам, тем больше расхождений наблюдается между отдельными славянскими языками (в представленности типов и в их формальном облике, в функциональном использовании, в стилистической значимости и т. д.); именно здесь лежит богатое поле действия для сопоставительного исследования.

Представленная схема нуждается в нескольких дополнительных замечаниях.

а) В типе предложения 0.2223 (*V horách hučí*) ADV loc является конститутивным элементом. Об этом свидетельствует то, что одно только *Hučí* не представляет собою автономного (не обусловленного со стороны контекста) сообщения, а также возможность трансформации. Тип 0.2221 тоже может распространяться посредством ADV loc, однако здесь это факультативный, неконститутивный элемент. Об этом свидетельствует способ трансформации: в то время как конструкция *V horách hučí* может быть обратно перестроена в двусоставную конструкцию *Hory hučí*, такую же

трансформацию нельзя произвести во втором типе: *V horách prší* ≠ *Hory prší*. Конститутивность ADV loc в типе 0.2223 вытекает не непосредственно из валентности глагола, а из того, что оно является носителем предицируемого признака, значит своего рода несубстантивным субъектом (ср. соответствующую трансформацию).

б) Тип 0.2211 в контекстуально независимом виде реализуется обычно в побудительной модальной значимости: *Jde se!* «идемте, идите!» и т. п.

2. Типы предложений могут не быть непосредственным исходным пунктом реализации высказывания. Возможны также их варианты, т. е. типы предложений, обогащенные за счет распространяющих (факультативных) элементов.

2.1. Распространение формулы предложения происходит не на речевом уровне, ибо способы распространения поддаются формулированию в виде общих правил. Возникающие таким путем конструкции следует считать вариантами соответствующего типа предложения, или подтипами данного типа. Как и типы предложений, они представляют собою отвлеченную схему, поддающуюся формализации и типизации, которая может служить базой для определенного множества реализаций в высказываниях. С сопоставительной точки зрения варианты типов предложений нередко несут в себе больше возможностей, чем сами типы, так как различия между отдельными славянскими языками здесь проявляются глубже и выразительнее (ср., например, соответственные чешские и русские конструкции с субстантивным или инфинитивным предикативным определителем).

2.2. От вариантов типов надо отличать модальные деривации. Имеется в виду не аспект так называемой объективной модальности (ср. ниже пункт 3), а аспект так называемой субъективной модальности, т. е. волевого отношения (намерения, необходимости, возможности), а также деривации на оси утверждение — отрицание. Выражение действий, понимаемых в смысле долженствования или возможности, реализуется в отдельных славянских языках весьма различными способами и средствами, и поэтому сопоставительное изучение не может не считаться с этими деривациями. То же относится и к противопоставлению утверждение — отрицание.

При модальных деривациях в отдельных славянских языках нередко происходит изменение типа предложения. Так, в русском языке двусоставные конструкции весьма часто превращаются в односоставные (ср. русск. *Мне еще письмо писать* в противоположность чешскому *Musím ještě napsat dopis* и др.). В другом случае то же наблюдается с определенным функционально-стилистическим ограничением и в чешском языке: *Nebudu moci přijet/Nebude mi možno přijet* и др. При деривациях на оси утверждение — отрицание также может иметь место превращение одного типа предложения в другой. Ср., например, в чешском: *Byly na to peníze — Nebyly na to peníze/Nebylo na to peněz.*

2.3. Для различения типов предложений и их вариантов и деривaций, т. е. при установлении степени облигаторности компонентов, конституирующих сказуемое данного типа, можно с успехом пользоваться трансформационными операциями. Представляется, что именно здесь находится главная область применения трансформационных приемов при описании синтаксической системы. Известно, что при одинаковой поверхностной структуре один и тот же компонент может выполнять различную роль в глубинной структуре. Трансформационные операции могут вскрыть это различие и способствовать, таким образом, более адекватной интерпретации. Проиллюстрируем это на примере конструкций с так называемым свободным дательным падежом (Ndat).

В конструкциях *V hlavě mi hučí* и *V horách se mi dýchá lépe* Ndat кажется на первый взгляд идентичным (часто его в обоих случаях одинаково оценивают как так называемый дательный субъекта). Однако возможность трансформации второй конструкции: *V horách se mi dýchá lépe* → *V horách dýchám lépe* и невозможность такой же трансформации первой конструкции: *V hlavě mi hučí* ≠ (*Já*) *hučím v hlavě* (и наоборот, возможность иной трансформации: *V hlavě mi hučí* → *Má hlava hučí*) показывает не только то, что здесь два различных типа предложения, но также то, что в них Ndat занимает различные позиции и выполняет различные функции: в типе *V horách se mi dýchá lépe* речь идет действительно о дательном субъекта, между тем как в типе *Hučí mi v hlavě* мы имеем дело с дательным притяжательным.

Аналогичным образом обстоит дело с анализом двусоставных конструкций *Matematika se mi studovala lehce* и *Matematika mi šla lehce*. В первом случае возможна трансформация *Matematiku jsem studoval lehce*, во втором случае подобная трансформация невозможна. Следовательно, Ndat во второй конструкции следует толковать не как дательный субъекта, а как дательный адвербиальный.

Трансформационные операции позволяют вскрывать и более существенные различия. Так, конструкция типа *Říhá se mi* (наш тип 0.2212) и конструкция типа *Zdá se mi* (*napadá mi, přihodilo se mi...*) кажутся идентичными. Нередко их в грамматиках считают односоставными типами. Однако трансформационные операции показывают их резкое различие. Конструкция *Říhá se mi* подвергается обратной трансформируемости в конструкцию (*Já*) *říhám*, между тем как конструкция *Zdá se mi* не способна на подобную трансформацию. Дальнейший анализ позволяет констатировать, что конструкция типа *Zdá se mi* является не односоставным, но двусоставным предложением, с обязательным подлежащим, выражаемым по-разному: или посредством местоимения *to* (*To se mi nezdá*), или конкретного подлежащего (*Ta věc se mi nezdá*), или (очень часто) посредством придаточного подлежащего предложения (*Zdá se mi, že bude pršet*).

Трансформационные операции не представляют, конечно, единственно возможный методологический прием в данной области. Можно использовать также иные приемы, например сопоставительный метод. С его помощью функция Ndat, например, в конструкции *Hučí mi v hlavě*, устанавливается так же отчетливо, как и с помощью трансформации: ср. чеш. *Hučí mi v hlavě* при русск. *У меня в голове шумит*.

Необходимо сказать со всей определенностью, что использование трансформационных операций не обладает абсолютной объяснительной силой. Трансформационные операции сильно ограничены со стороны лексического состава (ср., например, *Je mi smutno* → *Jsem smutný*, но *Je mi nevolno* ≠ *Jsem nevolný*), в особенности же их возможность определяется системными чертами данного языка, притом на более низких уровнях, чем синтаксический. Так, при трансформационных описаниях часто оперируют трансформацией активной конструкции в пассивную (в частности, например, *Архитектор строит дом* → *Дом строится архитектором*). Очевидно, что подобным образом в русском языке нельзя трансформировать все активные конструкции с переходным глаголом, ср. предложение *Друзья приглашают меня на прогулку*. Все это заставляет иметь в виду, что роль трансформационных приемов при описании системы типов предложений нельзя абсолютизировать, т. е. недопустимо понимать их как такие приемы, которые могли бы при структурном описании и главным образом при объяснении синтаксической системы полностью заместить другие приемы.

3. Проблематика типов предложений не исчерпывается лишь установлением и описанием структур на синтагматико-предикативном уровне. Имеется еще один важный уровень — модальный, в который проецируются все типы предложений. Здесь имеется в виду общая, объективная модальность, т. е. способ реализации отношения говорящего к сообщаемому содержанию. Эта «реляционная» (объективная) модальность представляет собою специфический признак всякого предложения.

Строительными элементами на модальном уровне являются глагольное наклонение, вид заключительной интонации (т. е. или конклюзивная каденция, или антикаденция), иногда еще так называемые фразовые частицы.

Путем комбинации названных строительных элементов возникают основные модальные схемы, т. е. типы предложений на уровне модального строя, обозначаемые в грамматиках традиционно как предложения повествовательные, вопросительные, побудительные и пожелательные.

Общая формула предложения на модальном уровне:

(частица) + наклонение + конклюзивная каденция

имеет четыре разновидности (схемы), или четыре основных модальных типа. Мы считаем вид заключительной интонации конститутивным признаком типа предложения на модальном уровне. Это требует некоторого пояснения. Интонация, т. е. изменение высоты тона голоса, является лишь сигналом границы отрезка предложения (внутреннего или конечного), другими словами, она служит средством фразировки высказывания. В этом отношении интонация принадлежит области построения речи (parole). Однако в комбинации с глагольным наклонением разновидности заключительной интонации используются в языке в качестве конститутивного элемента для построения типов предложений в модальном ярусе. В этом аспекте интонация уже становится делом языковой системы (langue).

Указанная роль интонации дает себя знать особенно ярко при сравнении таких типов, которые не отличаются друг от друга глагольным наклонением. Так обстоит дело, например, при противопоставлении «повествовательное предложение : вопросительное предложение» (так называемое общевопросительное предложение, замкнутый вопрос). Оба типа отличаются друг от друга лишь в разновидности интонации. Основная формула повествовательного предложения задана комбинацией индикатив + конклюзивная каденция:

Přijedou odpoledne

$$\begin{array}{ccccccc} \bar{\ } & \bar{A} & & & & & \\ & & \bar{B} & & & & \\ & & & \grave{\bar{C}} & & & \\ & & & & \bar{x} & & \\ & & & & & \bar{x} & \\ & & & & & & \bar{D} \end{array}$$

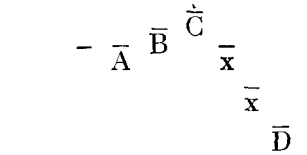
Основную формулу вопросительного предложения представляет схема индикатив + антикаденция:

Přijedou odpoledne?

$$\begin{array}{ccccccc} & & & & & & \bar{D} \\ \bar{\ } & \bar{A} & \bar{B} & & & & \\ & & & \grave{\bar{C}} & \bar{x} & \bar{x} & \end{array}$$

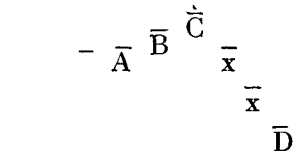
Если одним из элементов вопросительного предложения станет вопросительная частица, интонация лишится роли различительного признака. Вопросительная частица дифференцирует вопросительное предложение от повествовательного предложения настолько ярко, что вопросительное предложение в таком случае не обладает и не может обладать вопросительной интонацией, т. е. антикаденцией, и завершается конклюзивной каденцией, как и повествовательное предложение. Речь идет, конечно, о восходяще-нисходящей конклюзивной каденции, т. е. маркированной, типичной для восклицательных повествовательных предложений. Ср.

Přijedou odpoledne!



Формула подобного вопросительного предложения будет следующая: частица + индикатив + конклюзивная каденция:

Zdalipak přijedou odpoledne?



Подобные сопоставления со всей наглядностью обнаруживают, что разновидности заключительных каденций являются важным конститутивным элементом в структуре типов предложений на модальном уровне.

Исследование типов предложений и их вариантов на модальном уровне, их описание и сопоставление в рамках славянских языков представляет столь же важную и неотложную задачу, как и изучение типов предложений на синтагматико-предикативном уровне. Расхождения в их структуре настолько разнообразны и ярко выражены, что сопоставительно-типологический синтаксис не может пройти мимо этих различий [3]. Перенесение их изучения в область теории высказывания («риторику») является необоснованным.

4. При реализации типов предложений в высказываниях нередко имеют место их речевые модификации. Подобные модификаты обусловлены, в основном, тремя факторами: 1) обстановкой речи и контекстом, в которые включается высказывание (сюда входят, между прочим, например, разного рода случаи эллипсиса), 2) отсутствием коммуникативной перспективы говорящего (сюда входят разнообразные случаи повторов, анаколуфов, постановки контактных слов и т. д.) и 3) эмоциональной мотивацией (благодаря которой происходят многочисленные транспозиции целых схем предложения или их компонентов). Эти модификаты (насколько речь идет не о полностью актуализированных и чисто индивидуальных модификациях) также могут носить в той или иной мере стабилизованный характер, поддаваясь, таким образом, типизации и классификации. В частности, эмоционально мотивированные модификации фразовых

[3] Применительно к чешскому языку их описание дано в работе: J. Bauer — M. Grepl, Skladba spisovné češtiny, Praha, 1965.

структур в синтагматико-предикативном и модальном ярусах нередко представляют собою сверхъиндивидуальные конструкции, допускающие обобщение, описание и классификацию. Им также следовало бы уделять внимание как при изучении синтаксиса отдельных языков, так и с сопоставительной точки зрения. Здесь начинается сфера действия функционального подхода, по праву занимающего важное место в чешской лингвистической традиции.

Следует учитывать, что некоторые речевые модификаты стали столь распространенными и широко употребляемыми, что приобрели характер типа (ограниченного, конечно, почти всегда лексически и стилистически). Ср., например, такие чешские конструкции: *Kam myslíš že šel?* (*S kým myslíš že mluvil?*, *Kdo myslíš že to byl?* и т. п.) или *Nebylo s kým promluvit*, *Neměl čím zaplatit* и др.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

К. ГАУЗЕНБЛАС

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СТИЛЬ» И К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Для современных гуманитарных наук, изучающих человека как индивидуума и человеческое общество, характерны две тенденции: 1) стремление к большей точности исследования, достигаемой применением точных методов, выработанных прежде всего математикой и логикой; 2) особое внимание ко всему, что составляет специфику поведения человека, в частности к его творческой деятельности.

Эти две тенденции воспринимаются иногда как противоположные направления, из которых второе обычно противопоставляется первому; это происходит из опасения, чтобы при исследовании точными методами не утратилась собственно гуманитарная сущность рассматриваемых явлений. К сожалению, нельзя сказать, что в практике научной работы эта опасность нереальна; однако при идеальном положении оба направления могут и должны дополнять друг друга для взаимной пользы обоих. Сложность внутренней структуры объектов исследования, множество и многообразие их связей и окружений предъявляет чрезвычайно высокие требования к практическим применениям точных приемов исследования.

В последнее время обе названные тенденции проявляются и в славистических исследованиях стиля. В более широком масштабе и с определенным опережением осуществляется первая тенденция, направленная к сближению стилистики с теми областями, в которых в большей мере нашли применение логико-математические методы, например с грамматикой. Надо сразу сказать, что стилистика к этому пока еще недостаточно подготовлена. В этом повинно не столько состояние разработки стилистики, сколько характер объекта исследования, который относится к сфере единичного и особого, в то время как объекты исследования других дисциплин, комплементарных к стилистике (совокупность которых можно было бы назвать общей систематикой [1]), относятся к области общего.

2. Хотя в славянской стилистике накоплен богатый опыт исследования явлений стиля с разных точек зрения, причем некоторые из них описаны очень детально, до сих пор и в славянской, и в не славянской науке о стиле законченная стилистическая теория отсутствует.

Если к совокупности теорем, которые составляют теорию данной дисциплины, предъявлять требования полноты охвата, консистенции и простоты, то приходится признать, что в стилистической теории — независимо от того, имеем ли в виду лингвистическую, литературоведческую или какую-либо иную стилистику — есть большие пробелы, и она разработана неравномерно; с другой стороны, отдельные части системы ее основных понятий и положений не всегда взаимосоответствуют. Это связано с тем, что в современной теоретической стилистике, наряду с новыми понятиями структурной и функциональной лингвистики и семиотики,

[1] Ср.: K. Hausenblas, On the characterisation and classification of discourses, «Travaux linguistiques de Prague», I, 1964, стр. 67.

используются также критически не пересмотренные понятия старой стилистики, риторики и поэтики.

Что касается критерия простоты, то этим критерием очень трудно оценивать современную стилистику, так как при неполноте знаний простым может показаться упрощенное и поверхностное.

3. Отсутствие единства в понимании основных явлений, на которое привычно сетуют, является меньшим недостатком, чем отсутствие законченных опытов теории стилистики. Конечно, различия в понимании явлений стиля в лингвистической стилистике и в теории литературы или различия, связанные с традициями отдельных национальных стилистических школ или с принадлежностью исследования к тому или иному современному научному направлению, не следует преуменьшать. Однако подобные расхождения никогда не перестанут существовать, да в этом и нет необходимости. Вместе с тем следует стремиться к взаимному сближению концепций, которое могло бы способствовать углублению толкования явлений [2].

4. Представляется весьма важным четко определить основные понятия стилистики и установить их соотношения, т. е. определить их место в системе понятий данной дисциплины. К сожалению, приходится констатировать, что даже центральное понятие «стиль» не выяснено в своих основных свойствах настолько, чтобы можно было избежать его замены смежными понятиями. Мы попытаемся проиллюстрировать это на соотношении понятий «стиль» и «метод» (оба термина часто употребляются в литературоведческих изложениях стилистической проблематики) и на соотношении понятий «стиль» и «язык» (одном из основных противопоставлений, встречаемых в лингвистических работах по стилистике).

4.1. Соотношение стиля и метода. Для того чтобы дать определение стиля, важно установить не только его конститутивные черты в данной области его проявления (т. е., в нашем случае, в языковом общении и словесном творчестве), но прежде всего те его конститутивные черты, которые являются общими для всех областей, где мы встречаемся с этим явлением. Таким определением должно было бы стать определение стиля в общей стилистике, но этой дисциплины пока не существует (для работ, носящих это название, например для «Общей стилистики» Сейдлера [3], характерно тем или иным образом суженное понимание стиля: в работе Сейдлера речь идет только о языковом стиле, причем о таких именно стилевых явлениях, которые связаны с выражением эмоций).

Если исходить из той предпосылки, что стиль охватывает самые различные области и формы человеческого поведения,— например, языковое общение, все виды искусства, характер одежды, интерьера, оборудования бытовой среды, разные виды развлекательной, спортивной и другой деятельности и пр.,— то, обобщая, можно признать, что для стиля характерны следующие черты.

а) Стиль — это специфически человеческое явление.

б) Сфера стилевых явлений — это сфера интериндивидуального контакта, при котором действуют в разной степени обязывающие нормы (поэтому не говорим, например, о стиле сновидений); центральное место здесь принадлежит области семиотики.

в) Стиль имеет отношение к деятельности человека, и именно к такой, которой человек может управлять (эта деятельность, конечно,

---

[2] Удобным форумом для выяснения исходных положений, для конфронтации разных теоретических концепций и для оценки методов исследования является Международная славистическая комиссия по поэтике и стилистике, работающая под руководством акад. В. В. Виноградова.

[3] H. Seidler, Allgemeine Stilistik, Göttingen, 1953.

может быть сильно автоматизированной) и для которой, в общем, свойственна целенаправленность (не всегда осознанная).

г) Под *стилем* следует понимать определенный способ, принцип прохождения этой деятельности, который выступает как один из возможных. Деятельность имеет определенную структуру: она состоит из отдельных частей, следующих в определенном порядке. Целое создается путем *отбора* составных частей и их *комбинации* (оба явления, отбор и комбинация, одинаково важны для характеристики стиля).

Этот набор признаков недостаточен для четкого различения стиля и метода (и некоторых других смежных понятий, в том числе принципа грамматического построения). *Метод* также связан со сферой целенаправленной человеческой деятельности (в методе целенаправленность выступает даже ярче), метод также представляет собой определенный способ прохождения деятельности, для метода также важен отбор составных частей деятельности и следование их в определенном порядке [4].

д) Различие стиля и метода проясняется с точки зрения отношения их к *деятельности* и ее *результату* (т. е. *созданному*). Теоретически можно говорить о результате каждой деятельности, но здесь имеются в виду те случаи, когда в результате деятельности возникает нечто объективизированное, как это происходит, например, в языковой коммуникации, в искусстве и т. п. В данном аспекте различие между стилем и методом состоит в том, что стиль связан со *структурой созданного*, со специфическим принципом его построения, в то время как метод относится к *генезису*, *возникновению созданного*, причем по самому созданному в сущности невозможно установить способ, метод создавания. Когда мы слушаем по патефону декламацию стихотворения, мы можем воспринимать (а также научно анализировать) стиль этого стихотворения в разных его аспектах, начиная с ритма и эвфонии и кончая отношением содержания к действительности, а также стиль декламации этого стихотворения, но принципиально мы не можем сказать ничего определенного о методе, при помощи которого поэт творил это стихотворение, а также о методе наговаривания пластинки. Из этого вытекает, что знание метода создания не необходимо для познания стиля произведения, для оценки его достоинств и т. д., хотя, конечно, нельзя сказать, что знание таких обстоятельств не может оказывать влияние на восприятие и оценку произведения.

е) Когда мы говорим о стиле как о свойстве структуры созданного или как об определенной структуре внутри его структуры в целом, это не значит, что при этом упускается из виду отношение стиля к деятельности: поскольку созданное является результатом человеческой деятельности, постольку и стиль относится лишь к структурам, созданным человеческой деятельностью. Стиль произведения несет на себе отпечаток деятельности человека, но не показывает пути возникновения ее результата, метод же отражает именно этот путь.

Итак, *стиль* и *метод* различаются в отражении разных аспектов отношения между деятельностью и созданным, но не разных ступеней абстракции или разных уровней структуры произведения. Согласно такому пониманию представляется неверным, как это имеет место во многих литературоведческих работах, различение в рамках определенного художественного метода как общего разных художественных стилей как частного по отношению к методу. Такая точка зрения представляет собою смешение двух разных аспектов литературного произведения, а что касается свойств

[4] Ср. общие теоретические положения о методе в работе Т. Котарбиньского «O pojęciu metody» (Warszawa, 1957) и в других его работах о теории практики.

его структуры, то в этом случае неоправданно суживается сфера явлений стиля.

4.2. Соотношение стиля и языка. Названные признаки стиля недостаточны для полной характеристики этого явления. Необходимо выявить отличие стиля от других способов организации высказывания, коммуниката. В этом отношении главным является противопоставление стилевой организации коммуниката его организации по грамматическим правилам. Собственно грамматическими в структуре коммуниката являются те его элементы, которые в своем проявлении не зависят от частных условий коммуникации; элементы стиля отличаются от них тем, что их проявление ограничено определенными условиями коммуникации [5]. (Особое место среди факторов, определяющих употребление тех или иных элементов стиля, обычно отводят так называемому предмету речи: с ним в известной мере связан отбор слов и других средств выражения темы. Но если оставить это понятие без уточнения, не заменяя его ни семантическим содержанием коммуниката, ни его денотатом, то намерение изобразить «предмет речи», т. е. сообщить об определенных явлениях, следует связывать с целью коммуникативного акта; однако этой проблематики мы здесь подробнее касаться не будем.)

Охарактеризованный подход к различиям стилевых и нестилевых явлений в структуре коммуниката не совпадает с противопоставлением явлений стиля явлениям языка в привычном понимании последних. Обычно языковыми считаются не только общеупотребительные, стилистически нейтральные лексикальные, грамматические и другие средства, но и стилистически окрашенные средства. В этом смысле понятия стиля и языка, стилевых и языковых явлений не стоят в одном ряду: стилевые явления отчасти входят в состав языковых явлений, отчасти же выходят за их рамки. Конечно, по практическим соображениям в словарях, грамматических пособиях и т. д. необходимо охарактеризовать отдельные средства языка с общесистематической и стилистической точек зрения, но это не предопределяет теоретического разграничения средств, употребляемых при построении коммуникатов, включая высшие уровни структуры этих коммуникатов, хотя такое разграничение было бы очень желательно.

Говоря о системе средств, употребляемых в коммуникатах, надо остановиться на вопросе, возможно ли отождествлять ее с языком, т. е. входят ли в систему этих средств лишь языковые средства? Безусловно, даже для коммуникации, называемой «языковой», такую схему надо понимать шире.

Прежде всего напомним, что «средством» являются все элементы (и комплексные структуры), которые служат в определенном процессе телеологического (целенаправленного) характера, каким является также процесс коммуникации, для достижения цели; особое место занимают узуальные средства, форма и значение которых выработались в предыдущей практике и совокупность которых составляет некий инвентарий, запас средств, используемых в отдельных коммуникативных актах и составляющих структуру коммуниката (иногда наряду с отдельными новыми средствами).

В коммуникатах употребляются следующие виды средств.

а) Основную часть запаса средств составляют языковые средства фонического (графического), морфологического, синтаксического и лексического характера, которые служат прежде всего для создания предложений по общим (грамматическим) правилам.

---

[5] См.: K. Hausenblas, указ. соч., стр. 82; L. Doležel, Vers la stylistique structurale, «Travaux linguistiques de Prague», I, 1964, стр. 258.

б) С другой стороны, в коммуникат входят определенные тематические средства (выражаемые семантическими языковыми средствами), употребление которых управляется не языковыми правилами (нормами), но, в зависимости от данной сферы коммуникации, эстетическими, этическими и другими нормами (ср., например, «запрещенную» тематику при разговорах в обществе). Роль тематических средств важна не только в художественных произведениях, но и в коммуникатах нехудожественных стилей.

в) Языковыми и тематическими средствами не исчерпываются все виды средств, принимающих участие в построении коммуникатов, хотя во многих изложениях данной проблематики ими ограничиваются. Необходимо выделять средства особого рода, которые представляют собой разнообразные (неграмматические) способы отбора и комбинации языковых и тематических средств. Их можно назвать тектоническими средствами. Сюда принадлежит все многообразие способов «стилизации» и «композиции» высказывания. Примерами тектонических средств могут служить повторение, градация, эмфаза и др. Так, повторение может касаться языковых форм или тематических компонентов коммуниката (например, изображаемых ситуаций, причем языковые средства, служащие для обозначения повторяемой ситуации, могут не повторяться).

Тектонические средства разнообразны, но их можно, кажется, свести к нескольким типам, в основе которых лежит сопоставление, сравнение явлений и вскрытие их сходства или несходства [6]. Например, повторение представляет собой крайний случай сходства, в градации комбинируется похожее с различным, «необычность» предстает как отклонение от обычного, нормального явления, как вид несходства, и т. д. [7]

В то время как изложение языковых средств в современной научной литературе проводится часто до тончайших мелочей, систематической обработке тектонических средств уделяется мало внимания. Схематические перечисления разных средств, которые мы находим в старых риториках и поэтиках, конечно, давно уже не удовлетворяют и, может быть, здесь надо искать корни недоверия, с которым некоторые стилисты, особенно среди литературоведов, относятся к попыткам систематизации явлений этого рода.

К какой дисциплине следует отнести тектонические средства? По своему характеру они не входят ни в состав грамматики (и лексикологии), ни в состав стилистики, так как одни и те же средства используются в разных стилях. Они принадлежат к области дисциплины, которая пока не имеет стабилизированного названия и которая, впрочем, очень слабо разработана: мы могли бы назвать ее наукой о построении коммуниката в целом, наукой о коммуникате, или тектоникой. Эта дисциплина создает фон для стилистики; можно сказать, что стилистика как наука о разных стилях (и отдельных стилевых явлениях) входит в ее состав.

Соотношение стиля и языка полезно осветить еще с одной стороны. Различия отдельных (интериндивидуальных, например функциональных) сти-

---

[6] Ср. анализ этих явлений, но в другой терминологии в работе: R Jakobson, Poetyka w świetle językoznawstwa, «Pamiętnik literacki», LI, 1960, стр. 421 и сл.; не следует ограничивать эти средства эстетической сферой: например, повторение лишь в некоторых случаях приобретает эстетическую функцию — чаще оно служит подчеркиванию значимости чего-нибудь, в устной речи оно употребляется для большей наглядности сказанного и т. п.

[7] О тектонических средствах (под не вполне адекватным названием «стилевые средства») говорится более подробно в статье: K. Hausenblas, Über die Bedeutung sprachlicher Einheiten und Texte, «Travaux linguistiques de Prague», II, 1965.

лей [8] находят свое отражение и в системе языковых средств (лексических, грамматических). Наряду со стилистически нейтральными средствами в нее входят и стилистически окрашенные, типичные для одного или нескольких стилей. Эти последние иногда составляют целые пласты в языковой системе, которые называют стилями языка. В другом понимании под стилями языка подразумевают совокупность не только стилистически окрашенных средств (комбинаций языковых и тектонических средств), но также и остальных языковых средств, употребляемых в высказываниях данного стиля. Однако если придерживаться такого понимания стиля языковой коммуникации, которое соответствует определению этого явления в других областях человеческой деятельности, то ни стилевые пласты средств, ни целая соответствующая подсистема средств (включая стилистически нейтральные) не должна считаться стилем в собственном смысле слова. Подобно тому, как в меньшем масштабе мы различаем стиль автора и язык автора, следовало бы также различать, с одной стороны, например, стиль науки, с другой — язык науки. Что касается научной терминологии, ее удобно считать тем, чем она и является, т. е. главной составной частью специфического пласта средств языка науки.

5. В большинстве систематических работ по (лингвистически ориентированной) стилистике главное внимание уделяется определению того, как отражаются различия между отдельными стилями речи в системе языковых средств. Эта лингвостилистическая направленность не должна, однако, препятствовать повышенному вниманию к тому, что создает специфику самих стилевых явлений, и к тому, что определяет характер высказывания вообще. В связи с этим следует напомнить о проблематике ниже названных стилевых свойств (т. е. стилевых свойств речи или, по определению Фр. Мико, «видов выражения» [9]), какими являются, например, эксплицитность и имплицитность, полнота и эллиптичность, избыточность и сжатость, вычурность и естественность и т. д. Хотя с этими понятиями часто приходится встречаться в работах по стилистике, их изложение в целом не находится на научном уровне. При таком положении не удивительно, что стилевые свойства часто не по праву остаются вне интереса теоретической стилистики.

6. Для полной характеристики стилей на разных уровнях их обобщения [10] полезно соединить подход со стороны внеязыковых так называемых стилеобразующих факторов [11] с подходом со стороны свойств внутренней структуры коммуникатов. Может показаться, что структурная характеристика позволяет учитывать лишь «внутренний» подход, но именно стилевые явления относятся к тем, которые требуют учета связи изучаемых структур с окружением. Если исходным положением стилистики считать то, что стили (и частные стилевые явления) зависят от определенных условий коммуникативного процесса, то целесообразно при классификации и характеристике стилей исходить из этих условий как стилеобразую-

---

[8] В смысле стилей построения коммуникатов, т. е. стилей речи (мы придаем этому термину более широкое значение, чем он имеет в советской стилистике, например в работах В. В. Виноградова, избегая терминов «языковой стиль», «стиль языка» из-за того, что ими обозначаются иногда подсистемы средств языка). Ср.: M. Jelínek, Definice pojmu jazykový styl, «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», XIV. Rada jazykovědná, 13, 1965, стр. 43.

[9] Особое внимание уделяет стилевым свойствам Ф. Мико в ст. «Aktuálnost výrazu v próze literárného realizmu», сб. «Z historickej poetiky», I, Bratislava, 1964 и II, 1965.

[10] Начиная — или, если угодно, кончая — стилем отдельных конкретных коммуникативов (произведений).

[11] См.: K. Hausenblas, K základním pojmům jazykové stylistiky, SaS, 16, 1, 1955.

щих факторов с целью установления того, как они влияют на способы построения коммуникатов. Это не нарушает, но, конечно, и не облегчает внутриструктурный подход к явлениям стиля.

7. Из сказанного видно, что мы придаем большое значение явлениям, выходящими за рамки узко понимаемой лингвостилистики и исходим — внутри данной коммуникативной области — прежде всего из структуры коммуникатов, а не из системы (собственно) языковых средств, поскольку ими не исчерпываются средства, употребляемые в построении коммуникатов. Нам думается, что для дальнейшего развития стилистических исследований необходимо разработать (общую) стилистику, т. е. науку о стиле, его разных видах и отдельных стилевых явлениях, на фоне (общей) науки о коммуникате, тектоники, которая, в свою очередь, входит также в состав науки о человеческой коммуникации (лингвистика в собственном смысле не способна охватить эту проблематику в полном объеме). С другой стороны, более систематическая разработка этой дисциплины принесет несомненную пользу и при литературоведческом исследовании особого рода коммуникатов — словесных художественных произведений.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

Т. В. БУЛЫГИНА

О НЕКОТОРЫХ АНАЛОГИЯХ В СООТНОШЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ И ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ

Решая проблему изоморфизма [1] плана выражения и плана содержания (который, очевидно, нельзя ни постулировать, ни отрицать a priori), необходимо исследовать организацию обоих планов на основе одних и тех же исследовательских предпосылок [2]. При сопоставлении звуковых и семантических единиц различной степени сложности естественно исходить из плана выражения, пытаясь выделить в плане содержания аналоги фонологических единиц, так как именно фонология располагает законченной системой понятий, лежащих в основе концепции структурной упорядоченности звукового плана языка, в то время как в других областях языкознания—лексике и грамматике— соответствующие понятия до сих пор не имеют общепринятого определения. Это обстоятельство никак не связано с тем, что идеи, на которых базируется понятие системной организации, будто бы заключают в себе нечто специфически фонологическое. В начале возникновения фонологической науки речь шла об использовании в фонологии тех же методов, которые применяются в грамматике [3], и лишь впоследствии встал вопрос о возможности применения фонологических понятий в грамматическом исследовании — вопрос, который нередко решался отрицательно со ссылкой на неправомерность «механического перенесения фонологических идей в область, принципиально отличную».

Впечатление «приложения» фонологических идей к исследованию высших планов языка могло, как кажется, возникнуть в связи со своеобразием развития лингвистической науки, которое заключалось в том, что во второй половине XIX в. функциональный подход, не чуждый и исследованиям звукового плана с самого начала сознательного отношения к языку, был отчасти предан забвению, так что создателям фонологии пришлось вести борьбу «за восстановление утраченных позиций» [4]. Этим, возможно, объясняется то обстоятельство, что именно фонологии суждено было стать той областью языкознания, в которой идеи структурализма получили сознательное практическое применение, в результате чего была выработана строго продуманная концептуальная система, связанная со структурно-функциональным подходом к языку.

---

[1] Связанный с именем Е. Куриловича термин «изоморфизм» фигурирует в его глубоких работах, развивающих и модифицирующих идею Л. Ельмслева о существовании структурного параллелизма между звуковым и семантическим планами, без специального определения (см.: Е. К у р и л о в и ч, Понятие изоморфизма, в его кн. «Очерки по лингвистике», М., 1962; е г о ж е, On the laws of isomorphism, BPTJ, 1965, XXIII, и др.). Наше понимание «изоморфизма» близко определению, предложенному Э. А. Макаевым (см.: Э. А. М а к а е в, К вопросу об изоморфизме, ВЯ, 1961, 5, стр. 51).

[2] Ср. L. J. P r i e t o, Principes de noologie, The Hague, 1964, стр. 24.

[3] Подробнее об этом мы писали в работе «Пражская лингвистическая школа» (сб. «Основные направления структурализма», М., 1964, стр. 98—100).

[4] L. H j e l m s l e v, La notion de rection, TCLC, 1959, XII, стр. 142.

С другой стороны, может быть, именно с тем обстоятельством, что в грамматике всегда учитывались как факты содержания, так и факты выражения, тогда как в фонетических исследованиях одно время внимание к семиологической функции звуков отошло на задний план (так что предметом изучения стала исключительно фонетическая субстанция), связан весьма распространенный взгляд на организацию системы в грамматике и в фонологии. Согласно этому взгляду, своеобразие названных областей состоит в том, что в то время как система фактов выражения в большинстве случаев ограничена факторами, действующими лишь внутри своего плана, без отражения в плане содержания, грамматическая система имеет отношение к обоим планам одновременно. Частным проявлением этого мнения является убежденность большинства исследователей (независимо от положительного или отрицательного решения вопроса о плодотворности использования понятий теории фонологических оппозиций в исследовании оппозиций грамматических) в том, что в качестве членов фонологических противопоставлений выступают односторонние единицы (не-знаки), а в качестве членов грамматических противопоставлений — двусторонние единицы, т. е. знаки [5]. Между тем, в действительности и в том и в другом случае — не только в грамматике, но и в фонологии — необходимым условием установления системы оппозиций является обращение к о б е и м сторонам знака, хотя собственно оппозитивными элементами — не только в фонологии, но и в грамматике — являются о д н о с т о р о н н и е элементы,— не минимальные знаки, но минимальные единицы о з н а ч а ю щ е г о либо о з н а ч а е м о г о.

Важно при этом подчеркнуть, что характер отражения определенного типа отношения между единицами одного плана в другом плане в п р и н ц и п е одинаков как в том случае, когда исходным моментом являются единицы плана выражения (и речь идет о том, как именно специфическое отношение между ними отражается в плане содержания), так и в том случае, когда исходным моментом является определенное отношение между единицами плана содержания (речь идет о том, какому типу отношения соответствует данный тип в плане выражения). Конкретно здесь имеется в виду, что если фонологической оппозиции (т. е. специальному типу отношения между двумя означающими) соответствует какое угодно различие между означаемыми, не только не оппозитивными в узком смысле слова, но даже не обязательно принадлежащими к одному парадигматическому классу [6], то и «значимой» оппозиции (т. е. оппозиции между означаемыми) может соответствовать любой тип отношения между означающими, лишь бы они были р а з л и ч н ы. Так, ни у кого не вызывает сомнения, что отношение между означающими знаков *бот — пот* или *бар — пар* или *дот — тот* носит принципиально иной характер по сравнению с отношением между соответствующими означаемыми, так как, с одной стороны — /бот/: :/пот/ ≠ «бот» : «пот»; /бар/ : /пар/ ≠ «бар»: «пар»; /дот/: /тот/ ≠ «дот»: : «тот» и, с другой стороны — /бот/: /пот/ = /бар/: /пар/ = /дот/: /тот/, но «бар»:«пар» ≠ «бот»: «пот» ≠ «дот»: «тот».

Менее очевидным оказывается тот факт, что и оппозициям, членами которых являются единицы плана содержания, соответствуют л ш ь р а з л и-

[5] Нельзя не п знать, что позиция тех, кто на основании дан ого положения относится скептически к попыткам найти сколько-нибудь строгие аналогии между структурой фонологических и грамматических оппозиций, более логична, чем позиция тех, кто, придерживаясь того же положения, считает возможным говорить об их принципиальном изоморфизме.

[6] Ср. примеры коммутации, приведенные в посвященной этому методу статье Л. Прието, которые показывают, что замена одной из взаимоисключающих фонем на другую не приводит к а н а л о г и ч н о м у изменению в плане содержания (L. J. P r i e t o, À propos de la commutation, CFS, 1960, 17).

ч и я в плане выражения. Этот факт, однако, легко проиллюстрировать на примере означаемых лексических морфем — ср. пропорциональные оппозиции единиц содержания «отец»: «мать» = «сын»: «дочь» = «дядя»: «тетя» = «брат»: «сестра», соответствующие весьма разнообразным различиям между означающими, что, несомненно, является прямым следствием формулированного Соссюром принципа произвольности знака. Подобное соотношение доказывает членимость означаемого лексической морфемы на о д н о с т о р о н н и е единицы (т. е. на единицы плана содержания, не имеющие собственного означающего); лишь определенная к о м б и н а ц и я таких минимальных единиц соотносится с некоторым означающим, образуя минимальный знак (или, по терминологии А. Мартине, монему), совершенно так же, как лишь определенное сочетание односторонних единиц плана выражения (фонем) соотносится с некоторым означаемым. Поэтому позиция А. Мартине, который, признавая франц. *père* и *fils* коррелятивными членами «сигнификативной» оппозиции [7] (на том основании, что существование отца предполагает существование сына и обратно [8]), в то же время считает, что «второму членению» может быть подвергнуто лишь означающее этих знаков, представляется не вполне последовательной.

Аналогичные сомнения вызывают высказывания А. Мартине о нечленимости (в плане содержания) «автономных монем» типа франц. *hier* «вчера». Пропорция оппозиции «там» : «туда» = «здесь» : «сюда» или литов. *rytoy* «завтра» : *rytojus* «завтрашний день» = *šiandien* «сегодня» : *šis dienas* «этот день» свидетельствует о том, что содержание соответствующих знаков складывается, по крайней мере, из двух элементов; так, один из элементов означаемого знака *там* совпадает с одним из элементов означаемого знака *туда*, а второй — с одним из элементов означаемого знака *здесь* и т. д. Наличие приведенных пропорциональных оппозиций может вызвать предположение о «полимонематичности» названных слов (при необходимом допущении, что их означающее является «амальгамой» означающих соответствующих монем, так как означающее этих слов не членится на морфемы), однако это предположение следует отвергнуть ввиду непропорциональности сигнификативных и дистинктивных соотношений «там» : «туда» = «здесь»: : «сюда», но /там/ : /тудà/ ≠ /здес'/: /с'удà/. Таким образом, вполне логичным является признание компонентов означаемых *там*, *туда* и т. п. односторонними единицами плана содержания.

Тот же ход рассуждений ведет к признанию членимости означаемого грамматических морфем типа русских или латинских флексий на односторонние единицы плана содержания — таких, как «генитивность» и «сингулярность» или «имперфектность», «непрошедшесть», «1-е лицо» и т. п. По Мартине, окончание русского слова *роза* следует трактовать как комбинацию двух монем «им. пад.» и «ед. число», имеющих «амальгамированное» означающее, т. е. как сочетание двух двусторонних единиц, между означающими которых невозможно провести границу. Таким образом, окончания флективных языков типа русского или латинского интерпретируются так же, как франц. *du* (*de le*) или *aux* (*à les*).

[7] См.: A. M a r t i n e t, Substance phonétique et traits distinctifs, BSLP, 53, 1, стр. 78.

[8] Там же. Это замечание не вполне точно. Как отметил Р. Якобсон, понятие «„отец" („first-degree male ancestor", по определению Х. Серенсена) необходимо предполагает лишь понятие „дитя" („first-degree descendant"), но не более специфическое понятие „дитя мужского пола"» (R. J a k o b s o n, Selected writings, I, 's-Gravenhage, 1962, стр. 645). Формулируя эту мысль иначе, можно утверждать, что лексема «отец», определяемая как «first-degree male ancestor», необходимо предполагает наличие в системе не только лексемы «сын», прямо противопоставленной первой лексеме по третьему семантическому признаку (ancestor/descendant), но и лексемы «мать» (дифференциальный признак male/female) и лексемы «дед» (дифференциальный признак first-degree/second-degree).

Однако между указанными случаями имеется существенная разница. Монемы *de* или *à* не связаны отношениями взаимозависимости с монемой *le*; каждая из них не предполагает наличия другой: так, *de* (или *à*) может сочетаться с существительным без артикля, а артикль, естественно, встречается и без предлога (кроме того, при сочетании тех же предлогов с определенным артиклем женского рода, а также и с артиклем мужского рода, если он связан с существительным, начинающимся гласным, вполне отчетлива граница между соответствующими означающими). Между тем значения падежа и числа не могут существовать отдельно друг от друга, т. е. связаны отношениями интердепендентности (если воспользоваться ельмслевским термином классификации логических зависимостей). При этом отношения между означаемыми, в состав которых входят подобные единицы содержания, носят иной характер по сравнению с отношениями между соответствующими означающими. Так, например, оппозиция, существующая между означаемыми форм *стол*: *столы*, пропорциональная оппозиции между означаемыми *волны́*: *волн* (и та и другая образуются оппозицией по числу, так что они могут быть символизированы как

$$\frac{L_1\,(masc.).Nom.\,Sing.}{L_1\,(masc.).\,Nom.\,Plur.} = \frac{L_2\,(fem.).\,Gen.\,Sing.}{L_2\,(fem.).\,Gen.\,Plur.} = \left(\frac{Sing.}{Plur.}\right),$$

выражается, с одной стороны, различием между означающими /стол/: /столы/, сводимым к различию /-Ø/: /-ы́/, и, с другой стороны, различием между означающими /волны́/: /волн/, которое можно свести к различию /-ы́/: /-Ø/. Таким образом, тождеству двух оппозиций плана содержания Sing.: : Plur.= Sing.: Plur соответствует не только ни в коей мере не аналогичное, но прямо противоположное отношение между двумя различиями в плане выражения (/-Ø/: /-ы/ ≠ /-ы/: /-Ø/). Отсюда следует, что грамматические оппозиции устанавливаются между семантическим и единицами — так, что этим оппозициям соответствуют различия между означающими тех знаков, элементами означаемого которых являются данные единицы [9].

Следует подчеркнуть, что именно соответствие содержательной оппозиции различию в плане выражения является основанием для того, чтобы считать членами «сигнификативных оппозиций» односторонние единицы плана содержания, т. е. не-знаки, независимо от того, что некоторые элементы означаемого обнаруживают тенденцию к непосредственной ассоциации с отдельным отрезком означающего, особенно определенную в языках агглютинативного типа.

Возникает вопрос об иерархических отношениях между различными единицами плана содержания, который, по мнению многих языковедов, лишен организации, аналогичной организации плана выражения.

Как известно, организацию плана выражения многие связывают с линейностью означающего, т. е. с развертыванием означающего во времени, основными категориями которого являются отношения сукцессивности и симультанности. На основании критериев сукцессивности и симультанности различаются такие элементы плана выражения, как дифференциальный признак (элементарная единица плана выражения, встречающаяся в сочетании с дифференциальными признаками другого рода), фонема (с одной стороны — сложная, т. е. не элементарная, единица, представляющая собой совокупность симультанных дифференциальных признаков, с другой стороны — единицы минимальная, не способная к разложению во времени), слог (минимальная единица синтагматики, минимальная струк-

[9] На то, что оппозиции на уровне означаемого обычно сопутствует простое различие на уровне означающего со всей четкостью указал в 1939 г. Р. Якобсон («Zur Struktur des Phonems», в кн.: R. Jakobson, Selected writings, I, стр. 298).

тура, состоящая из цепочки последовательных фонем, характеризующейся определенной иерархией, т. е. сочетание одного конститутивного элемента с одним или несколькими факультативными элементами), фонологическое слово (один или несколько слогов, единство которых определяется обязательным наличием одного ударения, представляющего собой суперсегментное или надлинейное явление). Все эти единицы существенны для фонологических оппозиций: минимальной единицей парадигматики является фонема, минимальной единицей синтагматики — слог, дифференциальный признак фонемы представляет собой минимальное различие двух фонологических оппозиций, слово — минимальное единство, необходимое для коммутативного испытания, т. е. для установления факта функционального различия фонем, являющегося условием их оппозитивности.

Что же в плане содержания аналогично названным единицам выражения? Можно ли говорить об определенной организации и об определенной иерархии элементов грамматического значения?

Совершенно очевидно, что понятия «позиция», «порядок», «одновременность», «последовательность», «центральность», «маргинальность» и т. п. могут относиться к единицам плана содержания в том случае, если их понимать не как термины физических пространства и времени, а только в чисто логическом смысле взаимной независимости или же односторонней либо двусторонней зависимости. Именно такое понимание лежит в основе некоторых, пока еще немногочисленных, исследований организации плана содержания, авторы которых считают возможным говорить об определенном «порядке» (order) элементов в «цепочке» (chain), образуемой сочетанием единиц содержания [10], или о симультанности некоторых элементов содержания, позволяющей выделять в плане содержания единицу, которая представляет собой совокупность одновременных семантических признаков и в этом смысле аналогична фонеме [11].

Эти исследования убедительно опровергают мнение тех, кто, подобно Р. Уэллсу, считает, что в то время как в плане выражения «текст организован при помощи временного порядка», в плане содержания «фактор времени отсутствует: текст лишен временной организации, если не говорить о случайностях, обязанных ассоциациям с планом выражения; следовательно, при почти полном отвлечении от плана выражения даже эта случайная организация перестанет существовать и здесь не будет вовсе никакой организации» [12]. Можно, вместе с тем, сомневаться и в том, что «организация звукового означающего, действительно, п о л н о с т ь ю зависит от того, что оно развертывается во времени» и что поэтому хотя «глобальное означаемое... также представляет определенную организацию», «в и з в е с т н о й м е р е аналогичную организации означающего», она все же «основана на с о в е р ш е н н о о т л и ч н ы х фактах» [13] (разрядка наша.— *Т. Б.*). Ведь и в плане выражения понятия, связанные с понятием

[10] См.: J. H o l t, Order of content entities, «Language and society», Copenhagen, 1961.

[11] См. работы Л. Прието, в которых доказывается, что в означаемом высказывания присутствие некоторого релевантного признака может быть необходимо связано с присутствием другого признака (так что эти признаки образуют некое единство) и не связано с другими присутствующими в высказывании признаками (образующими другие единства). Такие совокупности предполагающих друг друга признаков (называемые «н о э м а м и») обычно совпадают с означаемым с л о в, хотя анализ означаемого высказывания на ноэмы проводится совершенно независимо от членения высказывания на слова (см.: L. J. P r i e t o, Rapport paradigmatique et rapport syntagmatique sur le plan du contenu, «Omagiu lui Iorgu Iordan», Bucureşti, 1958; е г о ж е, Les principes de noologie, The Hague, 1964).

[12] См.: R. W e l l s, Is a structural treatment of meaning possible?, «Reports of the VIII International congress of linguists», Oslo, 1957, стр. 202.

[13] L. J. P r i e t o, Rapport paradigmatique..., стр. 706.

организации, следует интерпретировать скорее в терминах логической зависимости, чем в терминах времени и пространства; так, очевидно, что «центральность» гласных и «маргинальность» согласных в структуре слога не определяются их линейной позицией: гласные занимают центральную, а согласные маргинальную позицию не только в слогах структуры *CVC* или *CCVCC*, но и в слогах структуры *CV*, *VC*, *CCCCV*, *VCC* и т. д.; аналогичным образом, понятие «неразложимости во времени» определяется несобственно временной последовательностью определенных артикуляционных движений; каждая фонема определенного языка «неразложима во времени» лишь с точки зрения данной фонологической системы [14], так что понятия фонологической и «субфонологической» симультанности и линейности могут и не совпадать [15].

Что касается конкретной интерпретации организации плана содержания в упомянутых выше работах, то нам кажется целесообразным предложить несколько отличную концепцию иерархии грамматических единиц.

Представляется уместным сопоставлять компоненты содержания грамматических морфем в языках индоевропейского типа (например, элемент «совпадение субъекта действия с говорящим», имплицированный этим признак «персональность», «непрошедшесть», «совершенность», «нерасчлененность субъекта», «индикативность», «нерефлексивность», имплицированный всеми этими признаками признак «процессуальность» и признак «финитность», на которые разлагается грамматическое значение формы *подую*) с фонологическими дифференциальными признаками, а не с фонемами, как эксплицитно или имплицитно (имеется в виду терминологическая соотносительность названий соответствующих единиц) предлагают те, кто называет такие значения «морфемами» [16], «граммемами», «монемами» [17] или «семами» [18]. Как и дифференциальные признаки, они являются э л е м е н т а р н ы м и и с о б с т в е н н о о п п о з и т и в н ы м и [19] единицами.

Существенно также, что подобно тому, как мы не можем выбрать какой-либо фонологический дифференциальный признак, не сделав ряда одновременных выборов из определенного набора пар прямо противопоставленных друг другу фонологических элементов, так мы не можем выбрать то или иное элементарное грамматическое значение, не сделав ряда одновременных выборов из определенного набора пар элементов, образующих семантическую оппозицию. В этом смысле можно говорить о с и м у л ь т а н н о с т и элементарных грамматических значений точно с таким же основанием, с каким мы говорим о симультанности звуковых признаков, образующих совокупности, или пучки, называемые фонемами. Поэтому целесооб-

---

[14] Ср. в «Основах фонологии» Трубецкого фонологическую интерпретацию нем. [у:] как единицы, не разложимой во времени, хотя «с фонетической точки зрения это [у:] представляет собой некоторый промежуток времени, заполненный артикуляцией [у]» (Н. С. Т р у б е ц к о й, Основы фонологии, М., 1960, стр. 42), или же приписывание звуковой последовательности [ts] бифонемной значимости в английском и монофонемной значимости в испанском языке у А. Мартине.

[15] Об этом нам уже приходилось говорить в работе «Пражская лингвистическая школа», стр. 63—64.

[16] См. упомянутую статью Хольта, а также и другие работы глоссематической ориентации.

[17] Предлагаемая А. Мартине трактовка семантических комплексов, представленных означаемым грамматических морфем, как полимонематических структур, как кажется, противоречит принципам, которым он следует при решении с о в е р ш е н н о а н а л о г и ч н о г о вопроса о поли- или монофонематической значимости определенных звуковых комплексов.

[18] Ср. «Пражская лингвистическая школа», стр. 102.

[19] В понимании, которого придерживается вслед за Х. Посом Р. Якобсон.

разно считать элементарные грамматические значения, вроде значения «совершенность» или «мн. число», семантическими дифференциальными признаками, а определенную их совокупность, образующую общее грамматическое значение данной формы — базисной единицей плана содержания, разложимой только на меризматическом (по терминологии Бенвениста) уровне, т. е. считать общее грамматическое значение слова единицей плана содержания, аналогичной фонеме. С точки зрения терминологической последовательности было бы удобно называть пучки взаимозависимых элементарных грамматических значений г р а м м е м а м и, а аналогичные (хотя и не вполне) совокупности элементарных лексических значений (т. е. лексическое значение слова) — л е к с е м а м и, оставив в качестве общего их наименования термин «семема». Следует заметить, что факт интердепендентности перечисленных выше семантических признаков граммемы, которая входит в состав означаемого формы *подую* и принадлежит к подклассу финитных класса глагольных граммем, не опровергается тем, что глагольные граммемы других подклассов могут обнаруживать меньшую сложность, включая в свое содержание лишь некоторые из этих признаков. Так, например, граммемы, принадлежащие к подклассу нефинитных класса глагольных граммем, могут быть в русском языке противопоставлены одна другой только по двум признакам «совершенность /несовершенность» и «рефлексивность/ нерефлексивность» (ср. *дуть — подуть*, *дуть — дуться*), которые, следовательно, могут существовать и отдельно от остальных названных выше признаков, связанных с признаком «финитности». Но аналогичная «парадигматическая нейтрализация» (т. е. несовместимость некоторых признаков, в данном случае — признака «инфинитности» с признаками «персональности» и «времени») происходит и в плане выражения. Так, признак «назальности» в русской консонантной системе несовместим с признаком «глухости/звонкости», признак «заднеязычности» — с признаком «твердости/мягкости», признаки «заднеязычности» и «фрикативности» — не только с признаком «твердости/мягкости», но и с признаком «глухости/звонкости» и т. п. Однако дифференциальные признаки максимально сложных по фонологическому содержанию фонем, например, фонемы /б'/ («губно-губность», «смычность», «звонкость», «мягкость») следует признать симультанными— несмотря на то, что «губно-губность» и «смычность» относятся соответственно к тем же категориям, что «заднеязычность» и «фрикативность», которые встречаются в других фонемах (например, в русск./х/) отдельно от признаков «звонкость/глухость» и «твердость/мягкость»).

Сопоставлению общего грамматического значения словоформы с фонемой не противоречит и тот факт, что граммема, как правило, имеет собственное означающее, т. е. образует единицу, не меньшую, а равную означаемому знака. Во-первых, и фонема в ряде случаев является означающим знака, а не меньшей, чем означающее единицей плана выражения; во-вторых, и граммема (т. е. вся совокупность элементарных грамматических значений) иногда не имеет собственного означающего, т. е. является единицей плана содержания, меньшей, чем означаемое знака (так, например, в русском языке граммема «муж. род, ед. число, им. пад.» соотносится с так называемой «нулевой морфемой», что, конечно, является не более, чем условностью описания). Подобным образом то обстоятельство, что элементарные грамматические значения обнаруживают тенденцию к непосредственной фонологической символизации, не противоречит их сопоставлению со звуковыми дифференциальными признаками, так как эти последние в принципе могут соотноситься с определенным отрезком означаемого (ср. русск. *взят — взять*, *гол — голь*, *нов — новь*, англ. *advice — advise*, или нем. *Bruder — Brüder*, *Vogel — Vögel* и т. п.— иная интерпретация

с помощью нулевой морфемы и понятия «субморфов» носит опять-таки чисто условный характер).

Интеграция семем определенного типа, а именно лексических семем, или лексем, с семемами другого типа, а именно с грамматическими семемами, или граммемами, представляет собой минимальную единицу наименования (которую можно было бы назвать «о н о м а т е м о й»). Эта единица, примерно совпадающая с означаемым с л о в а, структурно аналогична интеграции фонем определенного типа, а именно согласных, с фонемами другого типа, а именно гласными, образующей «минимальную произносимую единицу» — слог. Слог является особой единицей плана выражения, а не просто сочетанием фонем потому, что характеризуется специфической иерархической структурой (наличием центрального элемента — гласного и маргинального элемента — консонантной группы), а также специальным признаком — способностью нести ударение, что делает его потенциальным минимумом единицы высшего порядка — фонологического слова. Ономатема также имеет особую иерархическую структуру и характеризуется специфическим свойством — способностью к предикативности, что делает эту единицу потенциальным минимумом предложения. Обязательным элементом ономатемы, функционально эквивалентным вокалическому центру слога, является грамматическое значение, или граммема, а факультативным — лексическое значение, так как существуют ономатемы, содержание которых исчерпывается только грамматическим значением. Речь идет о местоимениях, которые, как признает ряд лингвистов, лишены лексического значения, так что, например, значимость русск. *некто* представляет собой сумму, точнее — произведение грамматических значений «субстантивность», «одушевленность», «им. пад.», англ. *does* (*yes, it does*) — грамматических значений «процессуальность», «презентность», «неактуальность», «несовпадение субъекта с участниками акта речи», «ед. число» и т. п. При использовании понятий «центральности» — «маргинальности» в анализе иерархических отношений между элементами плана с о д е р ж а н и я, очевидно, уместно именно предложенное выше толкование этих понятий как терминов логической односторонней зависимости. Эта интерпретация, как кажется, противоречит только букве [20], но не духу концепции Е. Куриловича, выдвинувшего соответствующие понятия.

Заметим попутно, что интепретация местоимений, как слов, лишенных лексического значения, дает возможность согласиться с определением грамматического значения как обязательно выражающегося в слове, в отличие от неграмматического (наиболее четко этот взгляд сформулирован И. А. Мельчуко̀м[21]). В противном случае следовало бы признать, что лексическое (по терминологии Мельчука, «неграмматическое») значение является с т о л ь ж е о б я з а т е л ь н ы м элементом значения слова, как и грамматическое значение — с той только разницей, что вероятность появления каждой д а н н о й лексемы неизмеримо меньше вероятности появления каждой д а н н о й граммемы. Однако в обоих случаях эта вероятность

[20] Ср. его последнюю статью об изоморфизме, в которой понятие иерархии и, соответственно, «центральности» — «маргинальности» как будто бы непосредственно связывается с л и н е й н о й организацией сочетания языковых единиц (J. K u r y ł o w i c z, On the laws of isomorphism, стр. 40). При этом не исключена возможность буквального понимания «линейности», так как, говоря об изоморфизме, Е. Курилович имеет в виду параллелизм «между планом выражения и морфологическим (а не абстрактно семантическим) планом содержания» и сопоставляет «фонемы и морфемы (т. е. семантемы, выраженные фонемными структурами), а не фонемы и семантемы» (там же, стр. 47).

[21] См. раздел «О типах языковых значений» в кн.: О. С. А х м а н о в а и др., О точных методах исследования языка, М., 1964.

существенно меньше единицы: $\frac{1}{n}$ для лексем (n — число существующих в языке лексем, очень большое, но конечное), $\frac{1}{2}$ (или несколько меньшая для многочленных категорий) — для граммем. Что касается вероятности появления в слове какой угодно из существующих в языке лексем и граммем, то в обоих случаях (если не считать местоимений или если считать, что они обладают определенным лексическим значением) она будет равняться единице.

Обязательность присутствия в ономатеме одной и только одной граммемы (т. е. невозможность наличия в грамматическом значении слова двух взаимопротивопоставленных грамматических признаков) при возможности отсутствия лексемы, с одной стороны, и присутствия нескольких лексем, с другой, можно сопоставить с аналогичной структурой слога в плане выражения: семантическую структуру местоимений, которую можно символизировать как «*G*», можно сравнить со слоговой структурой типа *V*, структура большинства «обычных» слов, изображаемая как «*LG*», аналогична канонической слоговой структуре *CV* и, наконец, структура «(*L*) *LLG*» (ср.: *чернобелая фотография*, *серобуромалиновый*, *носорог*, в означаемом которых сочетаются лексемы, принадлежащие к одному парадигматическому классу) сопоставима со слоговой структурой (*C*) *CCV*. Продолжая дальше предложенную аналогию, можно указать на наличие в языке большого количества лексем и согласных и малого количества граммем и гласных — при их примерно одинаковом распределении в тексте; на аналогичное соотношение частотности лексем и граммем и частотности согласных и гласных; на бóльшую информативность лексем и согласных по сравнению с информативностью граммем и гласных.

Единица, образуемая сочетанием ономатем — предложение — сопоставима по целому ряду признаков с единицей соответствующего по порядку уровня плана выражения — фонологическим словом. Центральный элемент фонолóгического слова — ударный слог — функционально аналогичен центральному элементу предложения — предикативной ономатеме (обычно представленной глаголом) [22], а маргинальный элемент фонологического слова — безударные слоги (с возможной дифференциацией на первый предударный, второй предударный, первый заударный, второй заударный и т. д.) — с прочими компонентами предложения, определяемыми по отношению к глаголу. Акцентную схему фонологического слова можно сравнить с синтаксической схемой, характеризующей все предложение. Синтаксические признаки ономатемы, выявляющиеся только в составе предложения, сходны с просодическими признаками слога — не только потому, что они носят явно суперсегментный характер, но и по отношению к соответствующим оппозициям.

С точки зрения той роли, которую играют просодические признаки в оппозициях плана выражения и синтаксические признаки в грамматических противопоставлениях, можно было бы различать два типа этих признаков. К одному типу относится динамическое ударение в языках, не имеющих постоянного места ударения. В этих языках место ударения может служить средством дифференциации означающих двух слов, имеющих и различные означаемые — ср. русск. *мука́* — *му́ка*. Однако ударение в подобных случаях не является дифференциальным признаком ударного гласного; нельзя говорить об оппозиции /у/ : /ý/ и /á/ : /а/ в приведенной паре слов, так как /у/ и /ý/, /á/ и /а/ никогда не находятся в одном и том же фоно-

[22] Ср. безличные и неопределенно-личные предложения типа русск. *светает*, *говорят*, *пора*, *жаль*, *холодно* и под.

логическом окружении, в одной и той же позиции [23] и, следовательно, принадлежат к разным парадигматическим классам. Функция ударения, устанавливающего не оппозицию в парадигматическом плане, а контраст в плане синтагматики, является, таким образом, контрастивной («кульминативной»), а не дистинктивной [24].

С другой стороны, двум качественно различным видам ударения, занимающим одинаковую позицию в двух словах, в прочих отношениях тождественных (например, латыш. *liêls* «голень» — *liẽls* «большой»; *plâns* «тонкой» — *plāns* «глиняный пол»; литов. *áušta* «становится прохладно» — *aũšta* «светает»; *ántis* «утка» — *añtis* «пазуха», *mẽrkti* «моргать» — *meřkti* «мокнуть» и т. п.), можно было бы приписать роль дистинктивного признака, прямо противопоставляющего друг другу соответствующие фонемы.

Как кажется, позволительно видеть определенную аналогию описанному положению вещей и в сфере синтаксиса. С одной стороны, не следует считать о п п о з и ц и е й чисто синтаксическое различие между единицами плана содержания, не осложненное добавочным качественным (семантическим) различием. Так, например, нет никакой семантической оппозиции между личной формой глагола и действительным причастием в русском языке [25]. Они всегда находятся в различных грамматических контекстах, всегда занимают разную позицию, являясь либо чисто предикативными глагольными образованиями (спрягаемые формы), либо непредикативными (причастия); ср. *мальчик бежит — бегущий мальчик*, но невозможно: **мальчик бегущ* или **мальчик был бегущим* (*бежавшим*) [26]. Точно так же во многих случаях нет оснований считать оппозитивными разные падежные «значения» в языках типа русского или латинского. Так, в предложениях *наших бьют* и *наши бьют* винительный и именительный падежи занимают различные позиции; их взаимная субституция автоматически изменяет всю синтаксическую схему предложения; находясь, следовательно, в различных грамматических контекстах, они не являются прямо противопоставленными; можно говорить лишь об оппозиции формы *наших* «нулевому дополнению» предложения *наши бьют* и об оппозиции формы *наши* «нулевому подлежащему» предложения *наших бьют*. Формы именительного и винительного падежей, принадлежа к различным парадигматическим классам, связаны отношением «in praesentia» (ср. *свои своих бьют*, или *рука руку моет*, или *рыбак рыбака видит издалека*), которое представляет собой не оппозицию, а контраст (так же, как ударный и безударный слоги, ср.: /кукýшка/, /бáба/ и т. п.), в то время как члены, выполняющие тождественные синтаксические функции — два подлежащих или два прямых дополнения (если только они не связаны при помощи сочинения) — взаимно исключают друг друга, т. е. связаны отношением «in absentia» и, следовательно, образуют оппозицию.

С другой стороны, в языке наблюдаются случаи, когда между двумя различными синтаксическими формами существует семантическое различие. Так, например, ч и с т о с и н т а к с и ч е с к о е различие между

[23] Ср., например: Р. И. А в а н е с о в. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы, «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 121.

[24] См.: A. M a r t i n e t, Accent et tons, «Miscellania phonetica», II, London, 1954, а также доклад: P. G a r d e, L'application des méthodes phonologiques à la description synchronique des faits d'accents на недавнем фонологическом конгрессе в Вене (ротапринт).

[25] Ср. интересные соображения М. В. Панова, доказывающего, что причастие не является в русском языке особой частью речи (М. В. П а н о в, О частях речи в русском языке, ФН, 1960, 4, стр. 5).

[26] *Иначе обстоит дело, например, в литовском языке. Случаи предикативного* употребления причастий, которые находятся, таким образом, в позиции, тождественной позиции личного глагола, дают основание ввести в список литовских глагольных противопоставлений оппозицию по признаку «эвиденциальности».

винительным и родительным падежом [27] в русском или литовском языке (*читать книгу — чтение книги, skaityti knygą — knygos skaitymas*) противостоит семантическому различию между теми же падежами, когда они занимают тождественные позиции и, следовательно, прямо противопоставлены друг другу (так, винительный и родительный падежи в сочетании с одними и теми же глаголами являются членами оппозиции по признаку «определенности/неопределенности») [28].

Описанные выше явления позволяют сравнивать чисто синтаксические (неоппозитивные) различия с кульминативной (неоппозитивной) функцией ударения, а семантические, дистинктивные, различия разных синтаксических форм, занимающих одну и ту же позицию в предложении, — с дистинктивным, качественным различием разных видов ударения, занимающих одну и ту же позицию в слове.

Таким образом, можно констатировать, что отношения между единицами в плане выражения аналогичны отношениям между единицами в плане содержания. В обоих планах имеют лингвистический статус следующие единицы различной степени сложности: элементарные единицы, каждая из которых предполагает наличие в системе другой, прямо противопоставленной ей единицы (фонологические и семантические дифференциальные признаки); симультанные совокупности этих единиц, являющиеся минимальной единицей парадигматики (фонемы — гласные и согласные — и семемы — граммемы и лексемы); минимальные [29] автономные синтагмы, обычно бóльшие, но иногда совпадающие с одним из типов единиц предыдущего уровня (слоги и ономатемы); двусторонние единицы, в рамках которых производится коммутация, эвентуально совпадающие с одним из типов единиц предыдущего уровня (фонологическое слово и предложение).

Представляется, что достаточным оправданием предложенной параллели является сходство соответствующих единиц хотя бы лишь в отношении только что данных характеристик — даже если сходство между ними этим бы и исчерпывалось. Лишний аргумент в ее пользу представляет то обстоятельство, что сопоставление рассмотренных единиц оказывается уместным и по ряду других оснований (о некоторых из них говорилось выше), а также то, что примерно те же «сигнификативные» единицы, которые были выделены нами специально как аналоги соответствующих фонологических единиц, издавна выделяются в языкознании на основе совершенно других предпосылок (т. е. факт совпадения «в одной точке» различных критериев, являющийся, по замечанию К. Базеля [30], доказательством лингвистической реальности единицы). Как кажется, предложенная аналогия является более полной, чем обоснованная Е. Куриловичем аналогия между слогом и предложением, а также выдвинутая Л. Прието аналогия между фонемой и «ноэмой» (приблизительно совпадающей с означаемым слова). В то же время высказанные здесь соображения, разумеется, в очень большой степени обязаны стимулирующим идеям этих ученых.

---

[27] Ср.: Е. Курилович, Заметки о значениях падежа, в его кн. «Очерки по лингвистике», М., 1962.

[28] См. подробнее: Т. В. Булыгина, О сочетаниях с родительным падежом в современном литовском литературном языке, «Lietuvių kalbos gramatikos klausimai», II, Vilnius, 1959.

[29] Наличие двух типов единиц синтагматики не является универсальным ни для плана выражения, ни для плана содержания: в некоторых языках (например, в «моносиллабических» типа бирманского; см.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, стр. 274) совпадают фонологическое слово и слог; с другой стороны, в языке могут отсутствовать основания для разграничения слова и морфемы.

[30] C. E. Bazell, Phonemic and morphemic analysis, «Word», 8, 1, 1952, стр. 35.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

З. КЛЕМЕНСЕВИЧ

СТРОЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО В ПОЛЬСКОМ ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 1. Предметом нашего исследования является простое высказывание. Все наблюдения, анализ и интерпретация проводятся в контексте высказывания и его перспективе.

Не определяя высказывания, ограничимся утверждением, что высказывание является отрезком речи, которому присущи следующие признаки: а) оно содержит личную форму глагола (например: *Ojciec choruje*; *Ojciec jest chory*) или, без изменения коммуникативного содержания и при сохранении контекста, допускает ее введение (например: *Nie rozmawiać głośno!* (= *nie rozmawiaj głośno!*, *nie rozmawiajcie głośno*); *Cisza!* (= *niech będzie cisza*); б) оно имеет характерные просодические свойства, в особенности специфическую интонацию и делимитативные паузы; в) в данной ситуации оно представляет собой достаточную, в пределах намерения говорящего, информацию для слушателя.

Высказывание является предложением, если содержит личную форму глагола, или эквивалентом предложения, если не удовлетворяет этому требованию.

§ 2. Конструктивный тип высказывания зависит от строения его основных частей: подлежащего и сказуемого. Предметом наших рассуждений является форма подлежащего, форма сказуемого и форма их взаимного отношения.

§ 3. Подлежащее S.

Форму подлежащего следует описать с точки зрения: 1) его синтаксической конструкции, 2) его флективной способности и ее реализации.

1. С точки зрения синтаксической конструкции различаются:

11. Неделимое подлежащее $S^{'}$, выраженное простым или сложным словом, например: *Siostra przyjechała*; *Maszyna do pisania zepsuła się*; *Podróżować jest przyjemnie.*

12. Делимое подлежащее S^{x}. Это:

121. член высказывания S^{xc};

1211. внутренне паратактический $S^{xc}_{\|}$, например: *Ojciec, matka i dzieci znajdują się w ogrodzie*;

1212. внутренне гипотактический, являющийся при анализе одним целым $S^{xc}_{\llcorner}$, например: *Dziesięć domów spaliło się*; *Ojciec z synem poszli do miasta*;

122. высказывание S^{xW}, например: «*Jeszcze Polska nie zginęła*» *jest hymnem państwowym.*

2. С точки зрения флективной способности и формы различаются:

21. склоняемое подлежащее S^{f};

211. в именительном падеже S^{f1}, например: *Słońce wschodzi*; *Brat i siostra wyjechali*; *Przewodniczący zagaił obrady*; *Minęła piąta*;

212. в родительном падеже S^{f2};

2121. при отрицаемом сказуемом, например: *Nie ma czasu*; *Nie było jej*;

2122. при глаголах в значении «прибавляться, быть достаточным, быть недостаточным», например: *Dnia przybywa*; *Brakło sił*;

2123. в сочетании с привязочным словом, выражающим количество, меру, например: *Grzybów było w bród*; *Było nas pięciu.*

22. Несклоняемое подлежащее $S^{\dot{i}f}$, которое является:

221. синтаксическим единством, состоящим из слова в значении числительного и имени существительного считаемого предмета $S^{xc\,if}_{\llcorner}$ $(n + s)$, например: *Było dwoje drzwi*; *Stało pięć domów*; *Zginęło wiele cennych dzieł*; *Dużo znajomych wyjechało*; *Trochę jabłek zgniło*;

222. наречием $S^{\cdot if}$ *av*, например: *Wczoraj było przyjemne*;

223. инфинитивом $S^{\cdot if}$*vi*, например: *Rozkazywać jest łatwo*; *Wypada iść*;

224. несклоняемым именем существительным $S^{\cdot if}s$, например: *Honolulu stało się ważnym portem*; *Capri było celem podróży*;

225. несклоняемым словом в функции имени существительного $S^{\cdot fi}$ σ, например: *Przy jest przyimkiem*; *Zet jest literą.*

Обзор конструкций подлежащего:

1. Синтаксическая конструкция	2. Флективная способность
11. $S^{\cdot}$	21. S^{f}
12. S^{x}	211. S^{f1}
121. S^{xc}	212. S^{f2}
1211. $S^{xc}_{\|\|}$	22. S^{if}
1212. $S^{xc}_{\llcorner}$	221. $S^{xc\,if}_{\llcorner}$
122. S^{xW}	222. $S^{\cdot if}av$
	223. $S^{\cdot if}vi$
	224. $S^{\cdot if}s$
	225. $S^{\cdot if}\sigma$

§ 4. Сказуемое P.

С точки зрения состава различаются:

1. Глагольное сказуемое P^{v}, выраженное глаголом или элементом, выполняющим функцию глагола.

11. Личное сказуемое P^{vf}, имеющее в своем составе личную форму глагола. Оно выражается:

111. преимущественно одной из трех личных форм глагола P^{vf1-3}, например: *Brat napisał list*; *Czekaliśmy na tę wiadomość niecierpliwie*;

112. сочетанием личной формы глагола с зависимым инфинитивом $P^{vf}_{\llcorner}\widetilde{vi}$;

1121. модальным глаголом в личной форме $P^{vf}_{\llcorner}$*viM*, например: *Siostra musiała przyjechać*; *Nie mogłem pomóc przyjacielowi*;

1122. С глаголом типа «начать, прекратить» и т. п. в личной форме $P^{vf}_{\llcorner}$ *viF*, например: *Piotr przed rokiem zaczął chorować*;

12. Инфинитив P^{vi}, например: *Jechał w tym samym kierunku*; *Zaproszony, wsiadł i nuże pytać, jak się urządziłem*;

13. Звукоподражательное сказуемое P^{vx}, например: *Ja ledwie się zwierzę, a on paf! i już leży*; *A wtem urwis — bęc ją w łeb kamieniem.*

2. Именное сказуемое $P^{c}P^{n}$, состоящее из связки P^{c} и присвязочного слова P^{n}.

21. Связка P^{c}. Это:

211. личная форма P^{cI} глаголов «быть, стать» и т. п., например: *Brat jest lekarzem*; *Paweł został nauczycielem*; *Jan robi się dziwakiem*;

212. частица *to*, *oto* P^{cII}, например: *Psychologia to nauka o zjawiskach*

psychicznych; *Pić, gdy jeszcze pełen zdrój, oto cała mądrość życia, oto system mój*;

213. соединение личной формы глагола *być* и частицы *to* P^{cIII}, например: *Geografia jest to nauka o powłoce ziemskiej.*

22. Присвязочное слово P^{n}. Это:

211. слово P^{nI};

2211. склоняемое P^{nIf} — имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, например: *Tlen to gaz*; *Siostra była chora*; *Było nas piętnastu*;

2212. несклоняемое P^{nIif}, например: *Trudno było zdobyć żywność*; *Nad ranem zrobiło się chłodno*;

222. выражение $P^{nII=}$

2221. сравнительное $P^{nII=}$, например: *Byłeś dla mnie jak ojciec*;

2222. предложно-падежное P^{nIIprs}, например: *Brat jest bez posady*; *Wszystko na nic*;

223. соединение однородных присвязочных слов P^{nIII}, например: *Ojciec był uczonym i działaczem społecznym*; *To urządzenie jest ze szkła i stali*;

224. соединение имени числительного с именем существительным считаемого предмета P^{nIV}, например: *Było nas pięć nauczycielek.*

3. Сказуемое с нулевой связкой P^{N}, выраженное присвязочным словом.

31. слово P^{NI};

311. склоняемое P^{NIf}, например: *Jan — niedołęga*; *Brat chory*;

312. несклоняемое P^{NIif}, например: *Smiać się z kalectwa niełądnie*; *Ty — tu*?;

32. выражение P^{NII};

321. сравнительное $P^{NII=}$, например: *Ty udajesz pana, ja niby sługa*; *On — jakby chory*;

322. предложно-падежное P^{NIIprs}, например: *Okno — bez szyb*; *Wszystko na nic*; *Dwoje drzwi z prawej, dwoje z lewej. Ten list — od kogo*? *Te kwiaty — dla kogo*?;

33. ряд, т. е. паратактическое соединение членов именного сказуемого P^{NIII}, например: *On — stary i niedołężny*; *To — późno i niepotrzebnie*; *Już po zabawie, po wszystkiemu, po mnie.*

Обзор конструкций сказуемого

1. Глагольное сказуемое P^{v}

11. P^{vf}

111. $P^{vf\ 1-3}$

112. $P^{vf}_{\llcorner}\ vi$

1121. $P^{vf}_{\llcorner}\ viM$

1122. $P^{vf}_{\llcorner}\ viF$

12. P^{vi}

13. P^{vx}

2. Именное сказуемое $P^{c}P^{n}$

21. Связка P^{c}	22. Присвязочное слово P^{n}
211. P^{cI}	221. P^{nI}
212. P^{cII}	2211. P^{nIf}
213. P^{cIII}	2212. P^{nIif}

222. P^{nII}
2221. $P^{nII=}$
2222. P^{nIIprs}
223. P^{nIII}
224. P^{nIV}

3. Сказуемое с нулевой связкой P^N

31. P^{NI}
311. P^{NIf}
312. P^{NIif}
32. P^{NII}
321. $P^{NII=}$
322. P^{NIIprs}
33. P^{NIII}

4. Дополнительное предикативное слово $`P^n$ — составной элемент, указывающий на то, что кто-то или что-то является чем-то или каким-то в том случае, если совершает данное действие или находится в данном состоянии. Различаются:

41. Дополнительное предикативное слово к сказуемому $`P^n + P$. Это:

411. имя существительное $`P^n + Ps$, например: *Brat dzieckiem wyjechał do Francji*, *Jan umarł jako zgrzybiały starzec*;

412. имя прилагательное $`P^n + P\ ad$, например: *Rad was widzę*; *Ojciec leży chory*;

42. Дополнительное предикативное слово к подлежащему $`P^n + S$, например: *Dziecko*, *chore*, *drżało z zimna*.

§ 5. Главная связь подлежащего и сказуемого: Формальным показателем связи является форма сказуемого P, которую определяет форма подлежащего S. Отношение $S \leftarrow P$ может быть:

1. согласованием

11. по́лным, если оно реализуется в лице, падеже π, числе α, роде γ. Символ $\approx$;

12. неполным, если оно реализуется не во всех этих категориях. Символ $\sim$;

2. примыканием, если P является несклоняемым (словом или выражением) или независимо от формы S выступает в нейтральной форме 3-го лица единственного числа среднего рода. Символ $> + <$.

§ 6. Сказуемое в высказывании с нулевым подлежащим $-^{S}P$.

1. Добавление $-S$ возможно на основании контакта или ситуации $[(x)]^{!}$

11. $[(x \approx)]^{-S}\ Px$, например: (*Co robiła siostra*?) *Pisała list*;

12. $[(x \approx)]^{-S}\ P^{Nx}$, например: (*Co z bratem*?) *Chory*;

13. $[(x \approx)]^{-S}\ P^{Nif}$, например: (*Z czego jest ta suknia*?) *Z jedwabiu*.

2. Добавление $\Theta^{-S}P$ указанным способом невозможно:

21. в предложении $\Theta^{-S}P_3$, например: *Grzmiało*; *Sciemniło się*; *Zachciało się jeść*;

22. в эквиваленте предложения

221. $\Theta^{-S}P^{vif}$, например: *Rozmawiano wesoło*; *Wypito dużo wina*.

222. $\Theta P^{av\,\|\,prs}$, например: *Gorąco mi*; *Do miasta daleko*.

Обзор конструкций главной связи *

Подлежащее	Характеристика однородных подлежащих	Вид связи	Сказуемое	Примеры
$S^{f}s^{1}$	Склоняемое подлежащее, выраженное им. сущ. в им. падеже	$\approx$	$P\alpha\pi\gamma$	*Jan przyszedł; Matka zachorowała; Koledzy przyszli; Ptaki śpiewały; Gwiazdy świeciły.*
$S^{f}s^{2}$	в род. падеже	$>+<$	$P3$	*Nie było chleba; Przybyło dnia; Brakło czasu.*
S^{if}	несклоняемое подлежащее	$>+<$	$P3$	*Należało odejść; Paf! rozległo się w pobliżu; Timbuktu było głównym miastem Afryki.*
$S^{xc}_{\|}$	$::+::$ $:-:+:-:$	$\approx$	$\alpha\pi\gamma$	*Przewodnicy i turyści ruszyli w drogę; Lekarki i pielęgniarki zebrały się w sali; Woły i krowy pasły się; Rzeki i jeziora wezbrały.*
$S^{xc}_{\|}$	$(:)+(:)$	$\sim$	$P\pi::$	*Brat i kuzyn odeszli.*
$S^{xc}_{\|}$	$[:]+[:]$ $:-+-:$ $-:+-:$	$\sim$	$P\pi:-:$	*Wróbel i gawron odleciały; Dom i magazyn spłonęły; Siostra i przyjaciółka przyszły; Wisła i Odra wezbrały.*
$S^{xc}_{\|}$	$(:)+\begin{matrix}[:]\\:-\\-[:]\end{matrix}$	$\sim$	$P\pi::$	*Ojciec i matka wyjechali; Chłop i bryczka znaleźli się w rowie; Autor i dzieło zaciekawili czytelników.*
$S^{xc}_{\|}$	$[:]+:-+-:$	$\sim$	$P\pi:-:$	*Jęczmień, pszenica i żyto znalazły się w spichrzach.*

* Символы: мужской род :; женский род :—; средний род —·; лично-мужской род : :; нелично-мужской род : — :; значение личное ( ); значение нелично-мужское [ ]; значение одушевленное ⟨ ⟩; нейтральная форма сказуемого (3-е лицо ед. числа ср. рода) $P3$; нейтральная форма связки $P^{c}3$; сказуемое P; подлежащее делимое, внутренне паратактическое $S^{xc}_{\|}$; подлежащее, выраженное синтаксическим единством, состоящим из слова в значении числительного и имени существительного считаемого предмета в родительном падеже — $S^{xc}_{\llcorner}$ $(n+s)^{2}$; форма 3-го лица глагола *быть* — $P^{c}3$; соединение имени числительного с именем существительным считаемого предмета — $P^{n}IV$, подлежащее, выраженное высказыванием, S^{xW}; полное согласование $\approx$; в падеже π; в числе α; в роде γ; неполное согласование $\sim$; примыкание $>+<$.

(Продолжение)

Подлежащее	Характеристика однородных подлежащих	Вид связи	Сказуемое	Примеры
$S^{xc}_{\|\|}$	$\begin{cases} : : + : — : \\ (—:) \begin{cases} \langle : \rangle \\ + \langle — : \rangle \end{cases} \\ (: —) \langle : — \rangle \end{cases}$	$\sim$	$P\pi ?$*	*Piloci i samoloty (gotują się) do startu; Chłopcy i psy (biegają); Konie, ludzie, armaty, orły dniem i nocą (płyną).*
$S^{xc}_{\llcorner}$	$(n + s)^2$	$>+<$	$P3$	*Trzech chłopców przyszło; Parę dni minęło; Pięć kobiet pozostało.*
$S^{xc}_{\llcorner}$	$(n + s)^2$	$>+<$	$P^c_3 + \begin{cases} s : : P^{nIf} \\ s : — : P^{nIV} \end{cases}$	*Było chłopców trzech; Było kobiet dwadzieścia; Było nas pięciu chłopców; Było nas pięć kobiet.*
S^{xW}		$>+<$	$P3$	*«Jeszcze Polska nie zginęła» stało się hymnem państwowym.*

* Примечание. Нередко говорящие не уверены в том, как правильно выражается сказуемое в прошедшем времени; тогда высказывание формируется иным способом.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

Ю. М. ОРЛОВ, А. П. ЖУРАВЛЕВ

ОПЫТ ПСИХОМЕТРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СМЫСЛОВЫХ РАССТОЯНИЙ МЕЖДУ ТРАНСФОРМАМИ

Как известно, у лингвистов до сих пор нет какого-либо иного инструмента для оценки смыслового расстояния [1] между трансформами, кроме собственной интуиции. Вполне понятно, что такой метод не может быть достаточно точным, тем более, что при трансформациях речь идет не о полном тождестве смысла трансформов, а лишь о сохранении «определенного смыслового расстояния между трансформами для каждого данного типа трансформации» [2].

В настоящей работе мы попытаемся определить эти расстояния психолого-статистическим методом. На возможность такого подхода к оценке значения указывал И. И. Ревзин. Говоря об опасности субъективизма при опросе одного информанта, он предложил преодолеть эту трудность, «прибегая к статистической обработке данных опроса» [3]. Сходная методика изучения значений была успешно применена Ч. Осгудом и его группой для измерения значений слов и построения «семантического пространства» [4].

В нашем эксперименте проводился опрос информантов по определенным тестам с последующей статистической обработкой данных. В эксперименте участвовали преподаватели-филологи пединститута и студенты различных курсов и факультетов. Было проведено несколько серий опросов с разными тестами и разными группами информантов. Всего было опрошено 160 человек.

Для измерения смысловых расстояний между трансформами мы применили одну из форм метода ранговых оценок — метод ранжирования по сходству со стандартом. Содержание этого метода поясним ниже.

Чтобы показать ход эксперимента, мы опишем только I серию со всеми подробностями статистической обработки. По остальным сериям мы приведем только конечные результаты.

Первый шаг. Определение объектов для ранжирования и выделение эталона для сравнения. В качестве объекта сравнения мы выбрали один из видов трансформации — преобразование сложноподчиненного (в частности, одночленного сложноподчиненного) предложения в простое.

Сложноподчиненное предложение *Было слышно, как тяжело дышат копающие бойцы* было преобразовано различными способами (в том числе

---

[1] О смысловом расстоянии см.: Вяч. Вс. Иванов, Некоторые соображения о трансформационной грамматике, «Тезисы докладов на конференции по структурной лингвистике, посвященной проблемам трансформационного метода», М., 1961.

[2] П. А. Соболева, О трансформационном анализе словообразовательных отношений, сб. «Трансформационный метод в структурной лингвистике», М., 1964, стр. 123.

[3] См.: И. И. Ревзин, Трансформационный анализ и трансформационный синтез, там же, стр. 63.

[4] Ch. Osgood, G. Suci, P. Tannenbaum, The measurement of meaning, Urbana, 1957.

и с нарушением грамматической правильности) в основном в простые предложения. В результате этих преобразований мы получили 11 предложений, представленных в следующем списке [5]:

(I) S *Было слышно: тяжело дышат копающие бойцы.*
a *Было услышано тяжелое дыхание копающих бойцов.*
b *Слышалось тяжелое дыхание копающих бойцов.*
c *Было слышно тяжелое дыхание копающих бойцов.*
d *Было слышно, как тяжело дышат копающие бойцы.*
e *Было слышно тяжелое дыхание копающих бойцов.*
f *Было слышно тяжело дышащих копающих бойцов.*
g *Были слышны тяжело дышащие копающие бойцы.*
h *Слышалось тяжело дышащих копающих бойцов.*
k *Послышалось тяжелое дыхание копающих бойцов.*
l *Была слышна тяжесть дыхания копающих бойцов.*
m *Было слышно, как тяжело дышать копающим бойцам.*

Метод ранжирования по сходству со стандартом позволяет оценить интервалы между величинами ранжируемых объектов, но он не может измерить величину стандарта. Поэтому исходное предложение *Было слышно, как тяжело дышат копающие бойцы* мы не можем взять в качестве эталона, так как мы собираемся определить смысловое расстояние, возникающее при трансформации именно этого предложения. Исходное предложение нельзя использовать как стандарт также по психологическим соображениям. В подобных экспериментах следует избегать прямых вопросов о тех моментах, которые исследуются. Данные об изучаемых явлениях следует получать косвенным путем, только тогда они могут считаться достоверными, свободными от «наталкивающего» воздействия экспериментатора.

В качестве стандарта нужно взять предложение, которое заведомо было бы почти тождественным исследуемому предложению или м и н и м а л ь н о отличалось бы от него по смыслу. Такое предложение легко получить путем преобразования, при котором остались бы неизмененными все лексически значимые единицы, а изменились бы только служебные элементы, не обладающие лексическим значением (лучше всего факультативные). В сложноподчиненном предложении это могут быть слова, связывающие главную часть с придаточной, добавление или удаление которых, естественно, не повлечет значительного изменения смысла. Выбросив союз *как* из исходного предложения, мы получим стандарт — *Было слышно: тяжело дышат копающие бойцы.*

В выборе стандарта содержится некоторая неопределенность, так как здесь мы вынуждены обратиться к лингвистической интуиции экспериментатора. Однако эта неточность при данной методике не оказывает заметного влияния на результаты измерения. Притом в интерпретации результатов нам нет нужды принимать во внимание числовое значение стандарта, так как нас интересуют только интервалы между ранжируемыми элементами, которые отнюдь не зависят от начала отсчета [6].

В т о р о й ш а г. Опрос информантов. Для того чтобы проверить надежность нашего метода, мы выбрали несколько групп с различным числом информантов разной лингвистической подготовки, чтобы путем сравнения

[5] Заметим, что последовательность предложений составлена с помощью таблицы случайных чисел так, чтобы порядок предложений не оказывал заметного влияния на ответы информантов. Для удобства каждое предложение обозначено буквой латинского алфавита. Буквы *i* и *j* пропущены, так как в дальнейшем они использованы в качестве индексов в формулах. Буквой *S* обозначен стандарт.

[6] Известно, что числа интервальной шкалы инвариантны относительно линейного преобразования. См.: S. S. S t e v e n s, Mathematics, measurement and psychophysics, «Handbook of experimental psychology», New York — London, 1951, стр. 25.

выбрать тот вариант, который дает максимальную надежность с минимальными затратами времени и сил со стороны экспериментатора. Мы установили, что группа в 10—15 информантов с хорошей языковой интуицией и лингвистической подготовкой может считаться достаточной для получения достоверных выводов.

Каждый участок эксперимента получил листок с приведенным выше списком предложения. Информантам было предложено ранжировать эти предложения по следующей инструкции: «Прочитайте внимательно предложение, подчеркнутое и обозначенное буквой *S*. Это стандарт. Из нижеследующего списка предложений выберите то, которое ближе всего по смыслу к стандарту, занумеруйте его цифрой 1 и вычеркните. Из оставшихся предложений снова выберите наиболее близкое по смыслу к стандарту, обозначьте его цифрой 2 и вычеркните. Повторяйте выбор и вычеркивание до тех пор, пока все предложения, кроме стандарта, не получат свой порядковый номер и не будут вычеркнуты».

Третий шаг. Статистическая обработка. Статистическая обработка результатов опроса сводится к построению шкалы расстояний между предложениями и оценке этих расстояний с помощью статистических критериев. Опишем подробно последовательность такой обработки.

а) Построение матрицы рангов $\{r_{ij}\}$. Собрав ответы информантов, составим матрицу рангов, общий элемент которой обозначим символом r_{ij}, где первый индекс i означает строку в таблице (порядковый номер информанта) и приобретает значения $1, 2, 3 \ldots N$, а индекс j приобретает значения $a, b, c \ldots$, т. е. означает определенное предложение из списка.

б) Выбор шкалы для измерения. Имея таблицу рангов, можно было бы просто вычислить средний ранг каждого предложения и разность этих значений принять за смысловые расстояния между ними. Однако в этом случае возникает значительная погрешность, вызванная тем, что шкала рангов равномерная, т. е. расстояние между ее делениями пропорционально частоте ответов, а действительное распределение ответов информантов, как это доказано [7], подчиняется нормальному закону. Чтобы избежать этих ошибок, вызванных несовершенством шкалы рангов, мы преобразовали ее в десятибалльную нормальную шкалу рангов C_i (μ, σ) со средней 5 и стандартом 2. Преобразование осуществлялось при помощи так называемой психометрической [8] функции, известной в статистике как интегральный закон нормального распределения:

$$P_i = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \int_{-\infty}^{x} e^{-\frac{1}{2}t^2} dt, \qquad (1)$$

где $x = \frac{C_i - 5{,}0}{2}$, $p_i = \frac{n + 0{,}5 - r_i}{n}$, r_i — ранг по убыванию, n — число оцениваемых предложений.

Таблицы значений функций (1) можно найти в любом учебнике математической статистики или теории вероятностей [9].

в) Построение матрицы частот и вычисление смысловых расстояний между предложениями в единицах шкалы C_i (5; 2). Матрица частоты $\{f_{ij}\}$ для I серии эксперимента представлена в табл. 1.

---

[7] J. P. Guilford, Psychometric methods, New York — Toronto — London, 1954, стр. 182.

[8] L. L. Stevens, указ. соч., § Psychophysics.

[9] См., например: Е. С. Вентцель, Теория вероятностей, 3-е изд., М., 1964, табл. 1 приложения. Нормальные значения рангов для n от 10 до 50 читатель может найти в книге: S. L. Hull, Aptitude testing, New York, 1928.

Общий элемент матрицы $\{f_{ij}\}$ означает частоту, число случаев, когда предложению j присвоен ранг i. Например, $f_{4a} = 2$, т. е. предложению a ранг 4 присваивается два раза. Частоты подсчитываются в соответствующих столбцах матриц рангов. Первый столбец табл. 1 содержит значения

Таблица 1

C_i	r_i	a	b	c	d	e	f	g	h	k	l	m
8	1	0	2	6	6	0	0	0	0	0	0	0
7	2	0	5	3	5	0	0	1	0	0	0	0
6	3	0	5	4	2	1	2	0	0	0	0	0
6	4	2	2	0	0	4	1	3	0	0	0	2
6	5	3	0	0	1	0	2	3	0	4	1	0
5	6	3	0	0	0	3	2	1	0	1	3	1
4	7	3	0	1	0	0	1	2	2	2	2	1
4	8	0	0	0	0	1	2	1	4	3	1	2
4	9	2	0	0	0	0	2	2	0	3	2	3
3	10	1	0	0	0	3	2	0	0	0	4	4
2	11	0	0	0	0	2	0	1	8	1	1	1
$\sum_i f_{ij}$		14	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14
M_j		4,8	6,6	6,9	7,2	4,4	4,7	5,0	2,8	4,4	3,9	3,9
R_j		2,4	0,6	0,3	0,0	2,8	2,5	2,2	4,4	2,8	3,3	3,3
D_j		1,6	1,1	1,9	1,8	2,4	1,4	1,8	1,4	2,2	1,3	1,6

рангов в нормальной шкале. Четвертая строка снизу ($\sum_i f_{ij}$) содержит суммы частот; они должны быть равны в каждом столбце числу информантов:

$$\sum_i^n f_{ij} = N. \tag{2}$$

Эта формула служит для проверки правильности составления матрицы. Третья строка снизу (M_j) содержит значение расстояний каждого предложения от стандарта. Она вычислена по формуле

$$M_j = \frac{\sum_i f_{ij} C_i}{N}, \tag{3}$$

где M_j — расстояние j-го предложения от стандарта, остальные символы те же, что и в предшествующих формулах. Так как нас интересует не расстояние предложений от стандарта, а их расстояние от исходного предложения (d), то ряд M_j мы преобразуем так, чтобы в нулевую точку шкалы поместить предложение d. Для этого к каждому элементу строки M_j применяем преобразование

$$R_j = (M_j - M_d)\overline{1}, \tag{4}$$

и получаем строку R_j, вторую снизу.

Строка таблицы D_j означает дисперсию, измеряющую рассеяние оценок около значения M_j:

$$D_j = \frac{\sum_i f_{ij} C_i^2}{N} - (M_j)^2 \tag{5}$$

Дисперсия имеет тенденцию увеличиваться вместе с увеличением значения R_j. Это свидетельствует о том, что точность суждений информантов

снижается с увеличением числа ранжируемых предложений. Поэтому не следует предлагать информантам оценивать большое число предложений (свыше 15—20). Полученные в строке R_j величины для наглядности располагаем в порядке возрастания слева направо.

Таблица 2

Предложения	*d*	*c*	*b*	*g*	*a*	*f*	*e*	*k*	*l*	*m*	*h*
I серия R_j	0,0	0,3	0,6	2,2	2,4	2,5	2,8	2,8	3,3	3,3	4,4

При рассмотрении табл. 2 обнаруживается, что все предложения группируются определенным образом. В начале строки стоит группа *a*, *c*, *b*. Расстояния между предложениями внутри этой группы незначительны. Затем происходит скачок — расстояние между этой группой и всеми другими предложениями резко увеличивается. Еще одна четкая граница отделяет предложение *h* от всех других. Здесь снова происходит резкое увеличение расстояния.

г) Оценка интервалов. Эти замечания носят самый общий и предварительный характер. То обстоятельство, что мы имеем дело со случайными величинами, заставляет нас искать способ более надежного сравнения этих величин, с тем, чтобы установить, где расстояния между величинами существенны, а где случайны. Для статистической оценки материалов мы применили *t*-критерий Стьюдента, так как он устанавливает значимость расхождений средних величин с учетом не только их дисперсий, но и объема выборки в случае малых выборок. Данный критерий мы применили с двухпроцентным уровнем значимости, что является достаточно надежным в такого рода исследованиях. Величина *t* вычислена по формуле (6) с $N - 1$ степенями свободы[10]

$$t_{jk} = \frac{|R_j - R_k|}{\sqrt{\frac{D_j + D_k}{N-1}}}, \qquad (6)$$

где индексы *j* и *k* обозначают предложения, интервал между которыми оценивается, а *R* и *D* соответственно — расстояния между этими предложениями и дисперсию этих предложений.

Значения *t*, вычисленные для всевозможных пар из одиннадцати предложений, сведены в *t*-матрицу, которая приводится ниже (см. табл. 3).

В таблице полужирным шрифтом выделены несущественные расхождения величин. Незначимым, несущественным мы будем считать, согласно принятому уровню значимости при 13 степенях свободы, значение[11] $t \leqslant 2{,}65_{0{,}02}$, а существенным — значение $t > 2{,}65_{0{,}02}$.

*

Общая структура эксперимента и характер первичных операций, выполненных информантами над предложениями, позволяют нам в статистическое понятие значимости расхождений вложить определенный лингвистический смысл, а именно — существенность смыслового расстояния между предложениями. Поэтому в случае несущественного

[10] О применении критерия *t* см.: В. Романовский, Математическая статистика, М.—Л., 1938, стр. 261—263.

[11] Н. В. Смирнов, И. В. Дунин-Барковский, Краткий курс математической статистики для технических приложений, М., 1959, стр. 405.

Таблица 3

	d	*c*	*b*	*g*	*a*	*f*	*e*	*k*	*l*	*m*	*h*
d		0,6	1,6	4,2	4,7	5,2	7,4	8,7	6,7	6,5	8,8
c			0,6	3,6	4,0	4,4	4,3	4,0	6,0	5,8	8,2
b				4,3	3,9	4,3	4,2	4,4	6,3	5,9	8,7
g					0,4	0,6	1,0	1,1	2,2	2,2	4,4
a						0,2	0,7	0,7	2,4	1,8	4,2
f							0,6	0,6	1,7	1,7	4,1
e								0,0	0,9	0,9	2,8
k									1,0	0,9	3,0
l										0,0	2,4
m											2,3
h											

(незначимого) расхождения величин мы будем говорить о несущественном изменении смысла, о сохранении основного смысла (значения) при преобразовании одного предложения в другое, несмотря на наличие определенного смыслового расстояния между этими предложениями. В случае существенного (значимого) расхождения величин мы будем говорить о существенном различии смысла сравниваемых предложений.

Приведенная *t*-матрица показывает, что группы предложений, отмеченные нами еще при рассмотрении строки R_j, действительно разграничены очень четко.

В группе *d*, *c*, *b* расхождения в значении предложений являются несущественными. А так как предложение *d* максимально приближается по смыслу к стандарту, то можно заключить, что во всех четырех предложениях (*S*, *d*, *c*, *b*) при наличии определенных смысловых расстояний между ними все же сохраняется какое-то общее основное значение. Эта группа предложений четко отделена от всех других границей существенных расхождений (граница проходит между *b* и *g*). За этой границей образуется вторая группа, куда входят все остальные предложения, кроме *h*.

Однако здесь несущественность расхождения величин должна быть интерпретирована иначе. Эта группа не имеет связи со стандартом, наоборот, она от него резко отграничена. Следовательно, в том случае, когда предложения внутри этой группы расходятся несущественно, следует говорить не о тождестве смысла этих предложений, а об одинаковом несохранении смысла стандарта в этих предложениях, т.е. они могут отстоять от стандарта на одинаковые расстояния, но «в разные стороны». Поэтому о смысловых отношениях между предложениями мы в этом случае ничего не можем сказать. Да это нас и не интересует. Важно только, что смысл стандарта и смысл предложений *d*, *c*, *b* здесь не сохранен.

Предложение *h* тоже отделено четкой границей существенного расхождения от всех предложений списка. Если принять во внимание грамматическую неправильность («неотмеченность») этого предложения, то можно высказать предположение, что описываемый нами метод оценки значения может быть применен и для определения степени грамматической правильности предложений. Однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

Данные, полученные в описанной нами серии опросов, подтверждаются данными II серии, проведенной по другому тесту с теми же участниками. В этой серии был предложен следующий тест:

(II) *S Счастлив тот, кто строит новую жизнь.*
a Кто счастлив, тот строит новую жизнь.
b Счастлив строящий новую жизнь.
c Счастлив строитель новой жизни.
d Счастлив, кто строит новую жизнь.
e Счастье в том, чтобы строить новую жизнь.
f Счастливый строит новую жизнь.
g Счастлив строящийся в новой жизни.
h Счастье строящему новую жизнь.

Здесь исходным предложением является *d*. Стандарт построен путем добавления факультативного служебного элемента *тот* к исходному предложению.

Строка II R_j в этом эксперименте может быть представлена в виде табл. 4.

Таблица 4

Предложения	*d*	*b*	*c*	*e*	*f*	*h*	*a*	*g*
II серия R_j	0	0,5	1,5	3,5	3,5	3,6	3,8	4,5

Приводим *t*-матрицу для этой серии (см. табл. 5).

Таблица 5

	d	*b*	*c*	*e*	*f*	*h*	*a*	*g*
d		**1,4**	3,9	10,0	11,6	12,0	8,4	10,9
b			**2,5**	6,6	7,3	9,2	6,5	8,3
c				5,0	5,4	6,6	5,0	6,6
e					**0,0**	**0,2**	**0,6**	**2,0**
f						**0,28**	**0,6**	**2,2**
h							**0,4**	**2,3**
a								**1,3**
g								

Здесь, так же как и в I серии, образовалась группа предложений (*S*, *d*, *b*, *c*), связанных несущественным расхождением смысла и четко отграниченных от других предложений списка. Однако связь предложений внутри этой группы несколько иного вида. Здесь эта связь носит последовательный характер: каждое последующее предложение несущественно отличается в значении от предыдущего. Создается цепочка предложений, звенья которой связаны несущественными расхождениями. Крайние же звенья (в нашем случае *d* и *c*) могут расходиться существенно. Но это не меняет существа сделанных нами ранее выводов, так как и в этом случае общее значение *d* сохраняется во всех предложениях этой группы.

Однако смысл предложений при перестройке не остается абсолютно неизменным, между предложениями возникает какое-то смысловое расстояние. Поэтому логично заключить, что при нескольких последовательных преобразованиях каждое последующее предложение все дальше и дальше отходит от начального. Этот вывод подтверждается II серией эксперимента.

Тот факт, что в рассматриваемой (начальной) цепочке каждое последующее предложение несущественно расходится в значении с предыдущим, позволяет считать, что все предложения цепочки сохраняют основной общий

смысл исходного предложения. Причем чем ближе предложение к началу цепочки, тем полнее сохранен в нем смысл исходного предложения. Сказанное дает право рассматривать все предложения цепочки как трансформы исходного. По степени сохранности смысла при трансформации целесообразно различать трансформации 1, 2, 3-й и т. д. ступеней. Каждая ступень определяется тем, что между исходным предложением и его трансформом в строке R_j помещается число предложений на единицу меньшее, чем номер ступени. В I серии трансформациями первой ступени будут преобразования [12] $d \rightarrow c$ и $c \rightarrow b$, трансформацией второй ступени — $d \rightarrow b$.

Такое определение трансформов правомерно только по отношению к начальной цепочке. Начальная цепочка характеризуется тем, что, во-первых, в нее входит исходное предложение, во-вторых, невозможно построить предложение, которое получило бы в строке M_j большее числовое значение, чем исходное предложение d и существенно расходилось бы в значении с d. В самом деле, если такое предложение окажется, значит, смысл исходного предложения при построении стандарта изменен радикально, а следовательно, стандарт не может служить эталоном для сравнения и должен быть заменен другим предложением, которое удовлетворяло бы изложенному условию и правилам эксперимента.

Исходя из всего сказанного, можно изобразить отношения между предложениями первого теста следующим образом [13]:

$$d \rightarrow c \rightarrow b \;\; //gafeklm//h.$$

Рассмотрим предложения I d, c, b, между которыми установлено отношение трансформируемости. Прежде всего отметим, что лексическое наполнение сложноподчиненного (I d) и простых (I c, I b) предложений тождественно. Все преобразования при трансформациях имеют грамматическую, а не лексическую природу. Это обстоятельство является характерным, по-видимому, для любого типа трансформаций. Ясно, что из двух преобразований смысл полнее сохраняется в том случае, когда лексическое наполнение остается неизменным.

Можно утверждать, что по крайней мере для изучаемой нами трансформации синтаксического упрощения тождественность лексического наполнения трансформов является необходимым требованием. Нарушение этого условия ведет к тому, что предложение исключается из цепочки трансформов. Так, сравнение предложений I b и I k показывает, что даже весьма незначительное различие в их лексическом наполнении (*слышалось — послышалось*) приводит к резко существенному расхождению смысла этих двух предложений ($t_{Ib-k} = 4{,}4$).

Продолжая рассмотрение цепочки трансформов, обратим внимание на то, что сказуемое придаточной части сложноподчиненного предложения (*дышат*) становится дополнением в простом предложении (*слышно дыхание*). Если учесть, что придаточная часть в предложении I d выполняет по отношению к главной функции дополнения (замещает собою дополнение), то можно сказать, что в данном случае сказуемое придаточной части переходит в тот член простого предложения, который замещается придаточной частью в исходном предложении. Это условие тоже является необходимым при трансформации синтаксического упрощения. В том случае, когда членом простого предложения, который замещался придаточной частью в сложноподчиненном предложении, становится не сказуемое при-

[12] Знак → обозначает отношение трансформируемости.
[13] Знаком // обозначены существенные расхождения.

даточной части, а какой-либо другой член ее, расхождение в значении предложений становится существенным. Например, предложения I *f* и I *d* существенно расходятся по смыслу. Это происходит оттого, что дополнением в простом предложении (*слышно бойцов*) стало не сказуемое придаточной части исходного предложения, а подлежащее ее. Указанные два правила являются основными для изучаемого нами типа трансформации.

Таким образом, преобразование сложноподчиненного предложения в простое можно считать трансформацией только в том случае, если 1) лексическое наполнение исходного и полученного трансформов тождественно; 2) сказуемое придаточной части исходного трансформа становится в полученном трансформе тем членом предложения, который замещается в исходном трансформе придаточной частью.

Соблюдение этих правил обязательно на любой ступени трансформации синтаксического упрощения. Чтобы определить каждую отдельную ступень, необходимо ввести дополнительные правила. Например, для первой ступени следует ввести требование неизменности главной части исходного трансформа (ср. трансформацию I $d \rightarrow c$). На второй ступени преобразованию подлежит главная часть (трансформации I $d \rightarrow b$). В тех случаях, когда глагол-сказуемое придаточной части может быть преобразован двояким способом — в существительное и причастие,— ступени трансформации образуются не за счет изменения главной части, а за счет различных изменений этого глагола. Тогда для первой ступени необходимо поставить дополнительное требование преобразования глагола в причастие (трансформация II $d \rightarrow b$). На второй ступени глагол-сказуемое переходит в существительное (II $d \rightarrow c$). Наименьшее смысловое расстояние между трансформами при переходе глагола-сказуемого в причастие объясняется, по-видимому, тем, что в этом случае сохраняется глагольный признак (*строит* → *строящий*), который совершенно утрачивается при переходе глагола в существительное (*строит* → *строитель*).

Сформулированные правила трансформации синтаксического упрощения (1 и 2) были проверены нами на материале в 1500 одночленных сложноподчиненных предложений, взятых из произведений разных авторов и разных стилей современного русского языка. Обычно без специальных проверок можно видеть, что нарушение первого условия ведет к существенному изменению смысла при трансформации. Что касается второго правила, то в значительном количестве случаев оно соблюдается «автоматически», так как иных преобразований предложение не допускает. Например: *Только тот победит, кто верит в народ* → *Победит только верящий в народ.*

Если возможны еще и другие преобразования, то, как правило, интуитивно ясно, что соблюдение второго условия ведет к наименьшему изменению смысла исходного предложения. Например: *Нравилось, что волнуется Катя.* Возможны преобразования: 1) *Нравилось волнение Кати*; 2) *Нравилась волнующаяся Катя.*

Ясно, что при первом преобразовании (где соблюдено второе правило) смысл исходного предложения изменился в гораздо меньшей мере, чем при втором.

В более сложных случаях (таких немного) преобразования проверялись с помощью уже описанной нами методики. Во всех случаях второе правило было подтверждено. Так, предложение *Со времени Барани известно, что при раздражении лабиринта возникает отклонение и промахивание в конечностях* может быть преобразовано двумя путями: 1) *Со времени Барани известно возникновение отклонения и промахивания в конечностях при раздражении лабиринта*; 2) *Со времени Барани известно отклонение и промахивание в конечностях, возникающее при раздражении лабиринта.*

Но по результатам эксперимента только первое из предложений несущественно расходится в значении с исходным.

По сути дела, второе правило отражает тот факт, что именно в сказуемом придаточной части заключено основное лексическое и структурное значение этой части по отношению к главной.

Учет того, каким членом простого предложения становится сказуемое придаточной части сложноподчиненного предложения при трансформации синтаксического упрощения может служить достаточно точным критерием для более четкого деления сложноподчиненных предложений на «традиционные» типы (подлежащие, сказуемые, дополнительные и определительные).

Таким образом, предлагаемый нами метод анализа изменений смысла при трансформации позволил не только определить соотносительные смысловые расстояния между трансформами, но и найти общее правило для определенного типа трансформации — синтаксического упрощения одночленных сложноподчиненных предложений. Для других типов трансформаций нужно, разумеется, искать иные правила.

Для проверки данных, полученных в I и II сериях, эксперимент был повторен с теми же тестами (серия III по первому тесту, серия IV по второму) в группе студентов-филологов, состоящей из 47 человек. Приведем строки R_j, полученные в результате III и IV серий опросов (см. табл. 6).

Таблица 6

Предложения	*d*	*c*	*b*	*a*	*m*	*e*	*f*	*k*	*g*	*l*	*h*
III серия R_j	0,0	0,1	0,4	1,4	1,5	1,6	1,6	1,9	2,1	2,2	3,8
Предложения	*d*	*b*	*c*	*e*	*f*	*a*	*h*	*g*			
IV серия R_j	0,0	0,5	1,1	2,5	2,9	3,0	3,4	4,2			

Как видно из приведенных данных, общая картина отношений предложений, как в первом, так и во втором текстах, осталась почти без изменений. Об этом свидетельствует также и тесная корреляция между этими сериями экспериментов. Цепочки трансформов в I—III и II—IV сериях коррелируются полностью: $\rho_{I-III} \approx 1{,}00$; $\rho_{II-IV} \approx 1{,}00$, а величины, характеризующие все предложения, коррелируются со следующими коэффициентами по Спирмену: $\rho_{I-III} = 0{,}78$; $\rho_{II-IV} = 0{,}95$.

I и III серии коррелируются менее тесно, так как число ранжируемых предложений здесь больше. Это подтверждает сделанное нами выше утверждение о том, что при увеличении числа предложений надежность снижается. Коэффициенты надежности, вычисленные по формуле Спирмена и Брауна, равны для I и III серий 0,88, для II и IV серий 0,97.

III и IV серии эксперимента показывают, что увеличение числа информантов не ведет к существенному изменению результатов, полученных в сериях I и II. Тот факт, что наш способ анализа значений опирается на и н т у и ц и ю конкретных носителей языка, заставляет думать, что для успешного проведения эксперимента необходимо пользоваться ответами людей с хорошей лингвистической подготовкой и развитым языковым чутьем. Если информанты обладают недостаточной подготовкой, то количество их должно быть увеличено до 45—50 человек. В противном случае результаты эксперимента могут оказаться недостаточными.

Изложенную в настоящей статье методику определения смысловых расстояний при преобразованиях целесообразно применять для определения дистрибутивных критериев сохранения основного смысла при трансформациях различных типов. Однако с ее помощью можно решать и более

частные задачи — выявление отношения трансформируемости между двумя или несколькими предложениями, определение ступеней трансформации и т. д.

Есть основания полагать, что описанный метод является довольно чувствительным. Так, достаточно было изменить ударение (введя грамматически неправильное в I *е*), как расхождение между морфологически и синтаксически тождественными предложениями стало резко существенным ($t_{Ic-e} = 7{,}4$). Особенно показательно то, что и в серии III (с участием студентов) расхождение между *с* и *е* существенно ($t_{IIIc-e} = 4{,}7$), хотя при опросе оказалось, что в подавляющем большинстве студенты не подозревали здесь грамматической ошибки.

Метод, опирающийся на «коллективную» интуицию, позволяет иногда обнаружить такие моменты, которые ускользают от внимания отдельного исследователя. Так, в одной из серий с участием 39 информантов столбец матрицы частот имел такой вид (столбец записан в строку):

$$m\ 2\ 6\ 4\ 2\ 0\ 5\ 3\ 4\ 4\ 6\ 3\ .$$

Известно, что величины, имеющие двойственную природу (например, признаки гибридов в биологии), распределяются бимодально. Видимо и здесь перед нами предложение, имеющее двойственную лингвистическую природу. И действительно, в одном случае такая структурная конструкция должна считаться трансформом исходной по аналогии с предложениями типа: *Было видно, как тяжело бегут бойцы* → *Было видно, как тяжело бежать бойцам.*

Но в других случаях исходная конструкция не допускает такой трансформации: *Было видно, как быстро бегут бойцы* → ? Следовательно, структурная возможность трансформации зависит здесь от лексического наполнения наречия, определяющего сказуемое. Другими словами, в данном случае нельзя утверждать, как это обычно делается, что такой конструкции присуща определенная трансформация вне зависимости от лексического наполнения этой конструкции. Вопрос о структуре подобного рода требует особого рассмотрения. Для нас важно здесь то, что с помощью изложенного метода можно обнаружить такие «глубинные» свойства предложений.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Интерес к фразеологии как особой отрасли языкознания с каждым годом растет. В «Библиографическом указателе литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г.»[1] В. Н. Сергеев приводит 465 названий (из 900), относящихся к русской фразеологии. Еще более полный перечень работ по фразеологии содержится в библиографическом указателе Л. И. Ройзензона и М. А. Пеклера[2].

Начало научной разработки русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины было положено известными трудами акад. В. В. Виноградова. После этих работ в Советском Союзе было написано поистине огромное количество кандидатских диссертаций, подавляющее большинство из которых посвящено анализу фразеологического состава произведений художественной, общественно-политической, научно-популярной, мемуарной и другой литературы. Сюда же примыкают и многочисленные работы, относящиеся к изучению стилистических функций фразеологизмов[3].

В целом ряде диссертационных работ фразеологизмы анализируются в семантическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом плане. Менее всего охарактеризованы фразеологизмы в семантическом отношении[4]. Остается, например, невыяс-

---

[1] См.: В. Н. Сергеев, Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г., сб. «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964.

[2] См.: Л. И. Ройзензон, М. А. Пеклер, Материалы к общей библиографии по фразеологии, сб. «Вопросы фразеологии», Ташкент, 1965.

[3] См., например: А. И. Горшкова, Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах Н. И. Новикова 1769—1774 гг. Автореф. канд. диссерт., М., 1949; А. В. Яковлевская, Фразеология стихотворного языка В. В. Маяковского. Автореф. канд. диссерт., М., 1950; И. Н. Шахов, Лексика и фразеология басен И. А. Крылова. Автореф. канд. диссерт., М., 1952; В. Н. Айдарова, Лексико-фразеологический состав одического слога Г. Р. Державина. Автореф. канд. диссерт., Тбилиси, 1953; Е. В. Муза, Лексика и фразеология ирои-комической поэмы 60—70 гг. XVIII века. Автореф. канд. диссерт., М., 1953; В. П. Вомперский, Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 80-х годов. Автореф. канд. диссерт. М., 1954; Н. Ф. Шумилов, Лексика и фразеология комедии В. В. Маяковского «Баня». Автореф. канд. диссерт., М., 1955; Л. С. Вирясова, Субстантивная фразеология в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Автореф. канд. диссерт., М., 1956; Н. А. Семенов, Наблюдения над лексикой и фразеологией художественной прозы Н. А. Некрасова. Автореф. канд. диссерт., Киев, 1956; А. В. Касьянов, Лексика и фразеология комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Автореф. канд. диссерт., М., 1958; В. Т. Шкляров, Фразеологический состав трилогии Ф. В. Гладкова. Автореф. канд. диссерт., Иркутск, 1958; Ф. А. Краснов, Стилистические функции фразеологии в художественных произведениях Н. С. Лескова (на материале повестей, очерков и рассказов). Автореф. канд. диссерт., Фрунзе, 1959; Н. А. Кирсанова, Фразеология трилогии Ф. В. Гладкова (семантико-стилистический и грамматический анализ). Автореф. канд. диссерт., Саратов, 1961; В. К. Олешкевич, Лексика и фразеология романов К. А. Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето». Автореф. канд. диссерт., Львов, 1962; А. О. Маркосян, Фразеологический состав социально-политической прозы декабристов. Автореф. канд. диссерт., Ереван, 1963, и мн. др.

[4] См., например: Г. Я. Дементьева, Семантико-стилистические особенности фразеологических выражений в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Алма-Ата, 1955; С. Г. Гаврин,

ненным соотношение лексического значения с фразеологическим, не установлена типология значений фразеологизма, не полностью выявлены лексико-семантические свойства компонентов и т. д. Значительно больше диссертационных работ посвящено морфологической и синтаксической характеристике фразеологизмов русского языка [5]. Довольно подробно и обстоятельно описаны фразеологизмы, стержневыми компонентами которых является глагол, имя существительное или местоимение [6].

Важно исследование фразеологизмов и с точки зрения их исторического развития. Эта область славянского языкознания, пожалуй, является наименее изученной [7]. Особое место в кругу исследований по исторической фразеологии занимает докторская диссертация М. М. Копыленко [8]. В этом исследовании разрабатываются точные приемы анализа фразеологического материала, выявляются сочетательные способности лексем.

В последние годы появилось немало книг[9], брошюр [10], тематических сборни-

Вопросы лексико-семантического и грамматического анализа фразеологических единиц современного русского языка (на материалах устойчивых метафорических сочетаний). Автореф. канд. диссерт., М., 1962; М. И. Сидоренко, Принципы составления словаря фразеологических синонимов современного русского литературного языка. Автореф. канд. диссерт., Л., 1964, и немногие другие.

[5] См., например: Л. В. Орлова, Неразложимые словосочетания, употребляющиеся в современном русском языке в роли обстоятельства. Автореф. канд. диссерт., М., 1951; В. П. Жуков, Сказуемое, выраженное устойчивыми словосочетаниями в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953; П. М. Кульчицкая, Устойчивые словосочетания в функции сказуемого в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Киев, 1954; З. В. Донскова, Фразеологические единицы, выполняющие роль главных членов двусоставного предложения в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Ростов-на-Дону, 1954; Н. П. Пильченко, Морфологическая характеристика глагола в составе предикативных фразеологических единиц. Автореф. канд. диссерт., М., 1964; О. В. Шавкунова, Особенности структуры и функционирования незамкнутых предикативных фразеологических единиц. Автореф. канд. диссерт., М., 1964.

[6] Например: И. С. Козырев, Устойчивые словосочетания с местоименными словами в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953; Г. А. Золотова, Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке (На материале соч. А. М. Горького). Автореф. канд. диссерт., М., 1954; А. К. Кочетков, Устойчивые словосочетания с глаголом в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Куйбышев, 1954; В. А. Козьменко, Глагольно-именные фразеологические обороты в современном русском литературном языке (Обороты с глаголом «делать»). Автореф. канд. диссерт., Харьков, 1955; А. П. Мордвилко, Глагольно-именные описательные выражения в современном русском литературном языке. Автореф. канд. диссерт., М., 1956; Г. Ф. Булгакова, Именные устойчивые сочетания в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Алма-Ата, 1966, и др.

[7] Проблемам исторической фразеологии посвящены следующие диссертационные работы: В. Л. Архангельский, Фразеология «Поучения» Владимира Мономаха в связи с общими вопросами фразеологии русского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1950; О. В. Горшкова, Язык московских грамот XIV—XV веков (Лексика и фразеология). Автореф. канд. диссерт., М., 1951; Г. А. Селиванов, Фразеология новгородских договорных грамот XIII—XIV вв. Автореф. канд. диссерт., Саратов, 1953; Р. Н. Попов, Грамматические архаизмы в устойчивых фразеологических единицах русского языка (На материале именного склонения). Автореф. канд. диссерт., М., 1956; Т. Ф. Алексеева, Лексика и фразеология южнорусских грамот XIV—XV вв. Автореф. канд. диссерт., М., 1956; Дж. А. Гарибян, Лексика и фразеология Азовских повестей. Автореф. канд. диссерт., М., 1958; О. А. Лаптева, Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI—XVII вв. Автореф. канд. диссерт., М., 1963; Л. Я. Костючук, Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке (по грамотам XI—XIV вв.). Автореф. канд. диссерт., Л., 1964.

[8] М. М. Копыленко, Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры. Автореф. докт. диссерт., Л., 1967.

[9] См., например: О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; Н. М. Шанский, Фразеология современного русского языка, М., 1963; В. Л. Архангельский, Устойчивые фразы в современном русском языке, Ростов-на-Дону, 1964; М. Т. Тагиев, Глагольная фразеология современного русского языка, Баку, 1966, и др.

[10] См., например: В. Ф. Рудов, Фразеология произведений А. П. Чехова, «Труды Пржевальск. пед. ин-та», 6, 1958; А. Г. Руднев, Проблема фразеологии, Л., 1960; Т. П. Тараненко, Фразеологизмы и их стилистическое назначение в романе А. И. Гончарова «Обломов», Харьков, 1961; А. П. Мордвилко,

ков [11], сотни статей, в которых так или иначе освещается фразеологическая проблематика.

Интенсивная разработка фразеологического материала дала свои ощутимые результаты. Если на первых порах исследователи нередко ограничивались чисто интуитивными критериями, то в последних работах по фразеологии усилилось стремление придать этим критериям по возможности четкий и более объективный характер. Оценивая наиболее значительные работы, можно выделить те принципиальные линии, по которым у нас ведется исследование проблем фразеологии.

В первую очередь выделяются проблемные вопросы, связанные с уточнением понятия «фразеологизм» как категориальной единицы языка, его свойств и признаков, его соотношения с другими единицами языковой системы (словом, словосочетанием). Важный круг проблем возникает в связи с раскрытием таких понятий, как устойчивость и идиоматичность, форма и содержание, тождество и различие фразеологизмов. Совершенно самостоятельное место занимает проблема методики исследования фразеологизмов.

По всем этим проблемным вопросам нет единого мнения. Существуют разные взгляды на предмет фразеологии. В науке укрепилось узкое и широкое понимание объема этой отрасли языкознания. Узкое понимание утвердилось в связи с лексикографической разработкой фразеологизмов, которые включались и включаются в толковые словари наряду с лексическими единицами [12]. Разумеется, в словари попадали прежде всего фразеологизмы, эквивалентные слову, и почти не попадали устойчивые обороты, образованные по модели предложения. Широкому пониманию объема фразеологии в определенной мере содействовала разработка устойчивых сочетаний в историческом плане. Дело в том, что в письменных памятниках древнерусского языка сравнительно редко встречаются метафорические устойчивые словосочетания, охваченные сквозной десемантизацией компонентов. Поэтому объектом исследования становились все воспроизводимые словосочетания (или предложения) независимо от характера и степени семантической спаянности непосредственно составляющих.

Двоякое понимание объекта фразеологии укреплялось и в связи с выявлением основных, категориальных признаков фразеологизма. В зависимости от того, какой признак считался решающим, — а на этот счет имеются весьма различные точки зрения [13] — границы фразеологии то расширялись, то сужались. В качестве главного, дифференциального признака выдвигаются: непереводимость на другие языки (Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский), образность (А. И. Ефимов, В. Ф. Рудов), воспроизводимость (Н. М. Шанский, С. Г. Гаврин), сочетаемость лексем (М. М. Копыленко), внутрикомпонентные связи (В. Л. Архангельский), идиоматичность (А. И. Смирницкий), целостность номинации (О. С. Ахманова), характер отношения к действительности (Е. Н. Толикина), семантическая целостность (И. С. Торопцев), лексическая неделимость (Е. А. Иванникова) и т. д.

Многие исследователи не без основания считают, что фразеологизм наделен целым комплексом признаков. Так, по мнению М. И. Сидоренко, определяющими признаками фразеологизма являются: раздельнооформленность, устойчивость (в смысле воспроизводимости), семантическая целостность, обобщенно-метафорический характер значения [14]. А. М. Бабкин считает, что для фразеологизма характерны, например, такие признаки, как смысловая целостность, устойчивость сочетания слов, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность [15]. А. И. Молотков в качестве главных, категориальных признаков фразеологизма выдвигает лексическое значение, элементный (или компонентный) состав и грамматические категории [16].

Очерки по русской фразеологии, М., 1964; А. М. Бабкин, Лексикографическая разработка русской фразеологии, М.—Л., 1964; В. Н. Телия, Что такое фразеология, М., 1966, и др.

[11] См., например: «Вопросы фразеологии (Материалы I Межреспубликанской конференции республик Средней Азии и Казахстана)», Самарканд, 1961; «Проблемы фразеологии и задачи составления фразеологического словаря русского языка (Тезисы)», Л., 1961; «Проблемы фразеологии. Исследования и материалы», М.—Л., 1964; «IX координационное совещание по вопросам фразеологии (Тезисы)», Баку, 1964; «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (Тезисы)», Череповец, 1965; «Вопросы фразеологии» («Уч. зап. [МОПИ им. Н. К. Крупской]», 160, 11), М., 1966, и др.

[12] О месте фразеологизмов в словаре см., например: «Инструкция для составления „Словаря современного русского литературного языка“ (в трех томах)», М.—Л., 1953, гл. V; «Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах)», М.,—Л., 1958, гл. V.

[13] См. подробнее об этом: Е. А. Иванникова, Об основном признаке фразеологических единиц, сб. «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964.

[14] М. И. Сидоренко, указ. соч., стр. 4.

[15] А. М. Бабкин, указ. соч., стр. 8.

[16] А. И. Молотков, Понятие формы фразеологизма, «Проблемы фразео-

Довольно резкое расхождение во взглядах исследователей можно объяснить исключительной сложностью фразеологизма как категориальной языковой единицы.

Действительно, фразеологизм представляет собой сложное и противоречивое единство. Во фразеологизме вступают в противоречие актуальное (вещественное) значение со значением этимологическим (внутренней формой). В акте коммуникации на первый план выступает актуальное значение. Это обстоятельство усиливает десемантизацию компонентов и постепенно приводит к забвению внутренней формы. Вместе с тем у многих фразеологизмов легко осознается внутренняя форма, которая базируется на соотношении с переменным словосочетанием такого же лексического состава. Осознание внутренней формы, образного стержня обусловливает понимание значения фразеологизма. Живое ощущение внутренней формы в некоторой степени повышает лексико-семантическую самостоятельность компонентов. Это противоречие усиливается несоответствием между расчлененной формой и семантически целостным содержанием фразеологизма.

Представляется, что о фразеологизме как о категориальной единице языка можно говорить лишь в том случае, когда утрачиваются или по крайней мере ослабляются категориальные свойства слов, входящих в состав такого фразеологизма. Если же в структуре того или иного устойчивого словосочетания слова не утратили своих основных признаков (свое лексическое значение, формы изменения и словообразования, грамматические категории и т. п.), то такое образование по существу смыкается с обычным переменным словосочетанием и, следовательно, не является собственно фразеологизмом.

Поэтому границей собственно фразеологизма на уровне словосочетания, с нашей точки зрения, служит фразеологическое сочетание, а на уровне предложения — те пословицы, поговорки и крылатые изречения, в составе которых слова не утратили своих словесных свойств.

Слово с фразеологически связанным значением обладает определенной долей смысловой самостоятельности, т. е. не теряет своего словесного качества. Важно при этом подчеркнуть, что в составе фразеологического сочетания одно слово-компонент имеет фразеологически связанное значение, а другое выступает в качестве конкретизирующего слова, которое обладает полной лексико-семантической и грамматической самостоятельностью. Другими словами, в составе фразеологического сочетания наблюдается односторонняя смысловая зависимость одного слова-компонента от другого, тогда как в составе собственно фразеологизма всегда отмечается о б о ю д н а я, сквозная семантическая взаимосвязанность компонентов.

Подтверждением того, что слово с фразеологически связанным значением не теряет своего словесного качества, могут служить следующие показатели:

1. Фразеологические сочетания допускают относительно свободное переоформление своей структуры. Такое переоформление носит не индивидуальный, а общественно осознанный (узуальный) характер. Ср., например: *Он произвел хорошее впечатление* и *Впечатление, которое он произвел на присутствующих, было хорошим.*

2. Словесные связи слов с фразеологически связанным значением все более расширяются (*кромешный ад, тьма, мрак, ночь* и т. д.). С расширением сочетаемости расшатывается стабильность контекста, а фразеологические сочетания переходят в разряд переменных словосочетаний. Переход фразеологических сочетаний в собственно фразеологизмы почти не наблюдается. Дело в том, что фразеологизмы преимущественно образуются в результате метафорического переосмысления такого переменного словосочетания, которое состоит из слов первичного, самостоятельного значения. Такого рода слова характеризуются отчетливо выраженной предметно-логической соотносительностью. Фразеологические сочетания не отвечают такому требованию и потому не могут подвергаться метафоризации.

Узкой сочетаемостью обладают и многие слова с отчетливо выраженными предметно-логическими связями, что в сущности стирает грань между фразеологически связанным и «свободным» значением (ср. *прищуривать глаза*; *окладистая борода*; *вороной, гнедой, буланый, игреневый конь, жеребец* и т. п.).

3. Слова с фразеологически связанным значением иногда могут вступать в синонимические или антонимические отношения с другими лексическими единицами (сначала на уровне индивидуальной речи, а затем и на уровне языка): *расквасить нос — разбить нос*, где слова *расквасить* и *разбить* являются скорее лексическими, чем контекстуальными синонимами. Фразеологическое сочетание *закадычный друг* может быть противопоставлено словосочетанию *заклятый враг*, где слова *закадычный* и *заклятый* вступают в антонимические отношения.

4. Фразеологические сочетания нередко подвергаются семантическому стяжению [17], при котором слово, ранее имеющее фразеологически связанное значение, приобретает полную семантическую и грамматическую самостоятельность. Например, глагол *выйти* в составе фразеологического сочетания *выйти замуж за кого-либо* стал употребляться в том же значе-

логии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (Тезисы)», стр. 78.

[17] Об этом явлении см.: Д. Н. Ш м е л е в, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964, стр. 203 и сл.

нии вне сочетания с конкретизирующим его словом *замуж*. Компоненты же фразеологизма сами по себе не способны актуализироваться, отдельно воспроизводиться в языке, так как лишены лексико-семантической самостоятельности. Случаи употребления компонентов в качестве «потенциальных слов» относятся к сфере речи и прямо не связаны с явлением семантического стяжения слов-компонентов.

5. Фразеологическое сочетание по существу не имеет внутренней формы; носителем ее является каждое слово в отдельности, из которого состоит такое сочетание. В противоположность этому собственно фразеологизм обладает внутренней формой, благодаря которой компоненты фразеологизма объединяются в одно целое.

Близко примыкают к фразеологическим сочетаниям различные составные термины и наименования: *белый медведь*, *грудная клетка*, *прогрессивный паралич*, *серная кислота*, *ядерный реактор* и т. д. В составе таких словосочетаний слова не утрачивают своей лексико-семантической самостоятельности. Поэтому соответствующие термины и составные названия не относятся к фразеологизмам.

Но среди составных терминов и названий выделяется незначительная группа образований фразеологического характера: *анютины глазки*, *божья коровка*, *заячья лапка*, *пастушья сумка* и немногие другие. Составные термины и наименования этого типа возникли вследствие метафорического переосмысления переменного словосочетания и потому должны относиться к разряду фразеологизмов.

Таким образом, включение терминологических сочетаний в разряд фразеологизмов должно основываться не на специфике их значения, «не на отсутствии в них эмоционально-экспрессивного начала» (Н. Н. Амосова), а на семантических свойствах компонентов, входящих в терминологическое сочетание [18].

Что касается пословиц, поговорок и крылатых выражений, то они, как правило, состоят из слов с вполне определенным лексическим значением. Слова, входящие в состав пословиц и поговорок, нередко выделяются или могут быть выделены логическим ударением. Не случайно многие пословицы и поговорки допускают изменение порядка слов. Например: *Будет и на нашей улице праздник* и *И на нашей улице будет праздник*. Почти ни на одном из компонентов фразеологизма нельзя сделать логического ударения. Компоненты фразеологизмов, таким образом, лишены актуального членения.

Кроме того, особенность многих пословиц состоит в том, что они сохраняют два плана — буквальный и переносно-образный. И в буквальном, и в переносном употреблении пословица остается сама собой, не теряя своего категориального качества. Фразеологизмы лишены такой особенности: они не могут одновременно употребляться в буквальном и в переносном значении. На фоне переменных словосочетаний такого же лексического состава они воспринимаются как качественно новая единица языка.

Лишь немногие пословицы, по нашему мнению, могут быть отнесены к разряду фразеологизмов. Соответствующие пословицы имеют только переносный план и подобно фразеологизмам, образованным по модели непредикативных и предикативных словосочетаний, синтаксически не членимы. Попытка синтаксического членения превращает пословицу, если она не имеет буквального плана, в свободное предложение того же лексического наполнения. Сюда могут быть отнесены пословичные фразеологизмы типа *Бабушка надвое сказала*; *Быть бычку на веревочке*; *Все перемелется, мука будет*; *Завьем горе веревочкой*; *Игра не стоит свеч*; *Нашла коса на камень* и некот. др. В составе этих пословичных фразеологизмов слова теряют присущее им лексическое значение и грамматическую самостоятельность, ибо поглощаются общим смыслом выражения.

По вопросу об отношении пословиц к фразеологии ведутся нескончаемые споры. Одни исследователи включают их в состав фразеологии [19]. Другие, напротив, отграничивают пословичные выражения от фра-

[18] О месте терминологических сочетаний в системе языка см., например: В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, сб. «А. А. Шахматов», М.— Л., 1947, стр. 358—359; В. Л. Архангельский, Некоторые вопросы русской фразеологии в связи с историей ее изучения, «Уч. зап. Ростовск. гос. пед. ин-та», 4 (14), Ростов-на-Дону, 1955, стр. 71 и сл.; А. М. Бабкин, Лексикографическая разработка русской фразеологии, М.— Л., 1964, стр. 13—29; Е. Н. Толикина. О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы, сб. «Проблемы фразеологии», М.— Л., 1964; А. Н. Кожин, Лексико-семантические средства составных наименований (На материале военной лексики русского языка). Автореф. докт. диссерт., М., 1967, стр. 7—9 и др.

[19] См., например: С. Г. Гаврин, К. вопросу об отличии пословицы от поговорки в современном русском литературном языке, «Уч. зап. [Пермск. гос. пед. ин-та]», XVII, 1958; П. В. Ткаченко, Вопрос о пословицах как материале фразеологии. «Уч. зап. [Саратовск. гос. пед. ин-та]», XXX, 1958; Н. М. Шанский, Фразеология современного языка, М., 1963; В. Л. Архангельский, Устойчивые фразы в современном русском языке, и мн. др.

зеологизмов [20]. Думается, что истина лежит где-то посредине.

Итак, вопрос об объеме фразеологии не получил до сих пор однозначного решения. Несмотря на существенные расхождения во взглядах, у исследователей фразеологии наметились и точки соприкосновения: «они занимаются неоднословными образованиями, „привычными" сцеплениями слов, имеющими семантическое, структурное и функциональное своеобразие, отличающее их от лексем и от абстрактно-моделированных синтаксических конструкций» [21].

Серьезное внимание исследователи фразеологии уделяют вопросу об уточнении понятий «устойчивость» и «идиоматичность». Термин «устойчивость» пока не получил однозначного определения. Большинство ученых склонно сводить устойчивость к воспроизводимости или простой повторяемости [22]. Часть языковедов связывает понятие устойчивости с предсказуемостью компонентов на лексическом уровне [23]. Некоторые фразеологи понимают устойчивость как явление комплексного порядка, как «ограничения в выборе переменных» (В. Л. Архангельский) на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [24]. Такая точка зрения представляется наиболее интересной.

Под идиоматичностью обычно понимается смысловая неразложимость [25]. Часто идиоматичность определяют через невыводимость целого из значения частей или через «единичный перевод». Иногда идиоматичность квалифицируется «как мера ограничения семемной сочетаемости» (М. М. Копыленко). Все эти точки зрения так или иначе связаны между собой.

Думается, что устойчивость органически связана с идиоматичностью. Идиоматичность — это смысловая неразложимость фразеологизма вообще. Устойчивость — это степень, мера семантической сплоченности, неразложимости компонентов. Устойчивость является формой проявления идиоматичности применительно к данному фразеологизму. Иными словами, устойчивость — это мера идиоматичности.

Исходя из этого, следует признать, что фразеологизмы с целостным немотивированным значением типа *бить баклуши, съесть собаку* обладают большей устойчивостью, чем фразеологизмы с целостным мотивированным типа *гнуть спину, сматывать удочки*, а эти последние отличаются бóльшим «коэффициентом устойчивости», чем фразеологизмы с общим аналитическим значением типа *находить общий язык*. Чем устойчивее в этом смысле фразеологизм, тем в большей мере его компоненты теряют словесные свойства, и наоборот.

Устойчивость может быть исследована в каждом конкретном случае методом соотношения общего (целостного) значения фразеологизма со значением слов, входящих в одноименное переменное словосочетание, если оно (словосочетание) теоретически возможно, или путем соотношения общего (аналитического) значения фразеологизма с системой значений соответствующих слов в их свободном употреблении, если переменное словосочетание одноименного состава нельзя образовать.

Поскольку мерилом устойчивости служит, с нашей точки зрения, степень семантической сплоченности компонентов, она (устойчивость) не зависит от предсказуемости компонентов на лексическом уровне. Изучение такой предсказуемости представляет узкоспециальный интерес в

---

[20] См., например: И. С. Торопцев, Несколько дискуссионных положений по фразеологии, «Изв. [Воронежск. гос. пед. ин-та]», 42, 1962; А. И. Федоров, Стилистические функции фразеологических оборотов в языке художественных произведений Л. Н. Толстого 50—60-х годов, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 242, Л., 1963; А. М. Бабкин, указ. соч.; В. П. Фелицына, О пословицах и поговорках как материале для фразеологического словаря, сб. «Проблемы фразеологии»; М. Т. Тагиев, указ. соч., и мн. др.

[21] Н. Н. Амосова, Современное состояние и перспективы фразеологии, ВЯ, 1966, 3, стр. 68.

[22] Более подробно см.: Н. М. Шанский, указ. соч., стр. 3 и сл.; С. Г. Гаврин, Изучение фразеологии русского языка в школе, М., 1963, стр. 9 и сл.; А. М. Бабкин, указ. соч., стр. 8; М. И. Сидоренко, Принципы составления словаря фразеологических синонимов современного русского литературного языка. Автореф. канд. диссерт., Л., 1964, стр. 4 и др.; Е. А. Иванникова, указ. соч., стр. 71 и сл.; М. Т. Тагиев, указ. соч., стр. 14, и мн. др. См. так же некоторые критические замечания по этому вопросу: М. М. Копыленко, О двух различных взглядах на предмет фразеологии, сб. «Вопросы фразеологии», Ташкент, 1965, стр. 111; В. Н. Телия, Что такое фразеология, М., 1966, стр. 59—70 и др.

[23] И. А. Мельчук, О терминах «устойчивость» и «идиоматичность», ВЯ, 1960, 4; М. М. Копыленко, Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры, стр. 6—8.

[24] В. Л. Архангельский, указ. соч., стр. 119—123; А. В. Кунин, Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Автореф. докт. диссерт., М., 1964, стр. 16 и сл.

[25] См. об этом: И. А. Мельчук, указ. соч., стр. 75.

области конструирования информационных машин. Поэтому трудно согласиться с мнением И. А. Мельчука, будто в языке возможны «неустойчивые идиоматические сочетания» [26] типа *под мухой*, *намылить голову*, *втирать очки*, *подложить свинью*, *чесать язык* и др. В составе подобных фразеологизмов обнаруживается устойчивость на семантическом уровне, на уровне сочетания семем (если этот термин можно распространять на компоненты). Этот уровень обусловливает ограничения в выборе форм и на всех остальных уровнях.

Устойчивость фразеологизмов связана с их вариантностью. По нашим наблюдениям, чем устойчивее фразеологизм, тем меньшей вариантностью он обладает, и обратно [27].

В самые последние годы исследователи стали заниматься разработкой таких важных проблем, как форма и содержание, тождество и различие фразеологизмов. В этой области пока сделаны лишь первые шаги. При решении соответствующих вопросов приходится использовать неуточненную терминологию, что усугубляет сложность проблематики. Специфика формы, внешнего выражения фразеологизма обнаруживается прежде всего в раздельнооформленности его строения [28], в характере границ, в явлениях вариантности и факультативности [29] и т. д.

Так, многие фразеологизмы русского языка реализуют свое значение при строго определенных словах-сопроводителях (ср. *кричать*, *орать благим матом*, *распрáвляться как бог с черепахой*, *надоедать хуже горькой редьки* и т. п.). Создается впечатление, что указанные фразеологизмы вместе со своими сопроводителями составляют одну «словарную» единицу. В действительности же слова-сопроводители сохраняют свою лексическую и грамматическую самостоятельность и потому не входят в формулу фразеологизма.

Под вариантностью понимается заменяемость компонентов фразеологизма. Вариантность фразеологизмов — результат разных процессов. В одних случаях новые варианты фразеологизма возникают вследствие замены одного какого-либо компонента другим, чаще сходным или совпадающим по смыслу. В других случах тот или иной вариант появляется за счет формального или словообразовательного видоизменения одного из компонентов. Наконец, новый вариант может образовываться в результате лексико-грамматической перестройки фразеологизма. В связи со сказанным целесообразно различать лексические, формально-словообразовательные, лексико-грамматические и структурные варианты фразеологизмов.

Явление вариантности не приводит к нарушению тождества фразеологизма. Этим вариантность отличается от синонимии [30].

Кстати сказать, вариантность свойственна и пословично-поговорочным выражениям. В пословицах и поговорках, в отличие от фразеологизмов, явление вариантности захватывает, как правило, только отдельные слова и никогда не распространяется на весь лексический состав, ввиду чего образуется сравнительно небольшое количество разновидностей одной и той же пословицы.

С точки зрения своего внешнего выражения формы фразеологизмов характеризуются: а) наличием компонентного состава, причем компоненты на уровне языковой нормы могут иметь контактное и дистантное расположение; б) особой структурной организацией (фразеологизмы строятся по модели словосочетаний и предложений); в) вариантностью компонентов (возможны лексические, морфологические, акцен-

[26] См. критические высказывания по этому вопросу: В. Л. Архангельский, указ. соч., стр. 38—41; Н. З. Котелова, О применении объективных и точных критериев описания сочетаемости слов, ВЯ, 1965, 4; И. С. Торопцев, К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц, «Уч. зап. [МОПИ им. Н. К. Крупской]», 160, 11, 1966; Н. Н. Амосова, указ. соч.

[27] См.: В. П. Жуков, Фразеологизмы с переменным составом компонентов, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 257, 1965.

[28] См.: А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 206 и сл.

[29] См., например: Н. М. Шанский, указ. соч., стр. 33—35, 58—74; М. И. Сидоренко, К вопросу о границах лексического состава фразеологических единиц, сб. «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964; А. И. Молотков, указ. соч.; В. П. Жуков, О словаре пословиц и поговорок, в кн. «Словарь русских пословиц и поговорок», М., 1966; его же, Фразеологизм и фразеологическое окружение, «Уч. зап. [МОПИ им. Н. К. Крупской]», 160, 11, 1966, и др.

[30] О фразеологических синонимах и явлении вариантности см., например: Т. А. Бертагаев, В. И. Зимин, О синонимии фразеологических словосочетаний в современном русском языке, «Р. яз. в шк.», 1960, 3; Г. И. Краморенко, Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка, Смоленск, 1961; Н. А. Кирсанова, О некоторых семантических признаках фразеологических единиц, сб. «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964 и др. А. В. Кунин и И. И. Чернышева фразеологизмы с вариантным составом компонентов квалифицируют как структурные синонимы.

тологические варианты); г) факультативностью компонентов; д) наличием внешней (выводной) и внутренней грамматической формы (посредством внешней формы осуществляется связь фразеологизма с другими словами).

Значительно сложнее вопрос о содержании фразеологизма. «Понятие содержания фразеологизма,— отмечает А. И. Молотков,— охватывает: его лексическое значение и его грамматические категории» [31].

Значение фразеологизма не тождественно лексическому значению. Различие между лексическим и фразеологическим значением надо искать в характере отражения предметов, явлений, свойств окружающей действительности. Подавляющая часть фразеологизмов актом своего возникновения связана с выражением всякого рода модальных оценок и отношений говорящего к высказываемому. Соответствующие отношения являются одним из существенных элементов значения фразеологизма.

Между значением фразеологизма и лексическим значением, думается, можно установить и собственно языковые отличия. Во-первых, значение фразеологизма имеет компонентную основу, в то время как носителем лексического значения слова служат морфемы. В большинстве случаев доля участия компонентов в образовании целостного значения приблизительно одинаковая, тогда как доля участия морфем в становлении лексического значения далеко не одна и та же. Основную семантическую нагрузку в слове выполняет корень, значительно меньшую роль в этом отношении играют словообразовательные аффиксы, а формообразующие аффиксы и окончание являются носителями грамматического и лексико-грамматического значения.

Во-вторых, характер мотивированности, фразеологизма отличается от мотивированности слова. Значение большинства фразеологизмов не обусловлено ни значением его отдельных компонентов (так как они лишены какой-либо семантической определенности), ни тем более значением тех слов свободного употребления, которые входят в переменное словосочетание такого же лексического состава. При этом семантическая «переориентировка» компонентов происходит тогда, когда метафоризации подвергается не какое-то отдельное слово, а все переменное словосочетание в целом. Значение же слова (производного или сложного) мотивировано значением другого слова (слов), от которого оно произведено.

В-третьих, смысловая структура многозначного фразеологизма характеризуется известной однородностью, равноценностью отдельных своих значений. Иначе воспринимается смысловая структура многозначного слова, где четко противопоставлены прямые и переносные значения и т. д.

Тем самым фразеологическое значение как важнейший элемент содержания фразеологизма требует дальнейшего уточнения.

Понятие содержания фразеологизма включает и его лексико-грамматическую характеристику. В этом отношении фразеологизмы также существенно отличаются от лексических единиц. То обстоятельство, что в большинстве случаев фразеологизмы строятся по модели переменных словосочетаний, непосредственно сказывается на лексико-грамматических особенностях фразеологизмов, на их соотнесенности с той или иной частью речи. Вот почему фразеологизмы, лексико-грамматическое значение которых определяется по опорному компоненту, соотносительны лишь с четырьмя частями речи — глаголом, именем существительным, прилагательным и наречием, т. е. с теми частями речи, которые в составе переменного словосочетания выступают в качестве стержневых слов. Глагольные, субстантивные, наречные и адъективные фразеологизмы составляют наиболее продуктивный и структурно однотипный класс фразеологических единиц русского языка. Многие фразеологизмы русского языка, обладающие оценочным значением, синкретически соединяют в себе лексико-грамматическое значение нескольких частей речи: глагольные фразеологизмы могут иметь лексико-грамматическое значение прилагательного и существительного, субстантивные фразеологизмы — лексико-грамматическое значение прилагательного и т. д. Такого рода слитность, нерасчлененность лексико-грамматического значения в значительно меньшей степени свойственна словам свободного употребления.

Успешное решение той или иной проблемы зависит от надежности и объективности м е т о д о в исследования. Фразеологический материал в настоящее время исследуется различными методами: контекстологическим, трансформационным, дистрибутивным и связанным с ним приемом анализа по окружению, вариационным, приемом идентификации и связанным с ним приемом внутриязыкового и межъязыкового перевода, приемом моделирования и т. д. Каждый из них имеет сравнительно ограниченную сферу применения.

Посредством контекстологического приема изучаются контекстологические отношения, под которыми понимается сочетание семантически реализуемого слова с указательным минимумом, т. е. словом или группой слов, которые несут необходимую семантическую информацию [32]. Используя контекстологический прием,

[31] А. И. М о л о т к о в, указ. соч., стр. 79.

[32] О контекстологическом методе анализа фразеологизмов см.: Н. Н. А м о с о в а, Основы английской фразеологии, Л., 1963.

можно исследовать отношения между словами с самостоятельным значением в пределах переменного словосочетания, а также между словами с самостоятельным и связанным значением в рамках фразеологического сочетания, но невозможно изучить внутрикомпонентные отношения в структуре фразеологизмов, иначе придется отождествить внутрикомпонентные связи с контекстуальными отношениями слов в составе одноименного словосочетания переменного типа. Поэтому целесообразнее изучать контекстуальные связи фразеологизма как целостной языковой единицы со словами свободного употребления.

Близко примыкает к контекстологическому приему анализ по окружению, т. е. анализ конструктивных языковых связей фразеологизма со словами свободного употребления. Конструкция, образованная на основе таких связей, составляет конфигурацию [33]. Такой прием имеет неоспоримые достоинства, хотя и посредством этого приема не всегда удается установить границы фразеологизма. Так, в русском языке существуют фразеологизмы, образованные по модели предикативных словосочетаний типа *гора с плеч свалилась*, *небо с овчинку показалось* и др. Соответствующие выражения могут употребляться самостоятельно, вне окружения, и тем не менее они являются истинными фразеологизмами. То же можно сказать и в отношении глаголов-сопроводителей при наречных фразеологизмах (ср. *беречь, хранить как зеницу ока*, *не видать как своих ушей*, *надеяться как на каменную гору* и мн. др.). Одни глаголы-сопроводители обладают специфическим субъектным или объектным окружением, а другие нет, но несмотря на это они не входят в формулу фразеологизма.

Посредством вариационного приема [34] исследуются внутрикомпонентные связи на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. В. Л. Архангельский устанавливает три вида зависимости между частями фразеологических единиц: взаимозависимость (взаимная детерминация), односторонняя зависимость (детерминация) и совмещение (индетерминация). Опираясь на внутрикомпонентные отношения, В. Л. Архангельский выдвигает оригинальное положение об устойчивости, существенных и дифференциальных признаках фразеологической единицы, о знаковой ее сущности и мн. др.

Но и метод внутрикомпонентных отношений нельзя признать универсальным и основным. Так, с его помощью не всегда удается установить «точку отсчета» фразеологизмов, т. е. определить, где кончаются переменные словосочетания и начинаются собственно фразеологизмы. Например, словосочетания типа *понурить голову*, *прищурить глаза* и под., относимые В. Л. Архангельским к фразеологическим единицам, по существу сливаются с обычными словосочетаниями переменного типа и не могут быть сопоставлены «с теоретически возможным эквивалентом фразеологической единицы».

Вариационный прием, как нам представляется, наиболее продуктивно может быть использован среди двучленных (бинарных) фразеологизмов и ограниченное применение находит в рамках трехчленных и многочленных фразеологизмов, которые не всегда удается расчленить на бинарные «противочлены». С помощью этого приема трудно отграничить слова-сопроводители от собственно фразеологизмов. Пользуясь приемом предсказуемости, иногда приходится объединять явно неоднородные языковые единицы.

Прием идентификации и связанный с ним прием внутриязыкового и межъязыкового переводов рассчитаны главным образом на лексико-семантический уровень [35]. Сущность приемов идентификации и «внутриязыкового перевода» при всем их различии сводится к нахождению такого слова, фразеологизма или словосочетания, которые передали бы смысловое содержание исследуемого фразеологизма. Вся задача смыслового сопоставления исследуемой единицы со словом-идентификатором или свободным словосочетанием сводится к тому, чтобы установить, не употребляется ли тот или иной компонент в своих обычных значениях и нельзя ли приравнять по смыслу слова переменного словосочетания к тем или иным компонентам анализируемого фразеологизма. При «внутриязыковом переводе» каждый компонент толкуемого фразеологизма нередко получает свой единичный перевод, свою специфическую синонимику. Например: *не делать погоды = не иметь значения*.

Оправданным, с нашей точки зрения, является прием «наложения» фразеологизма на переменное словосочетание такого же состава, если оно налицо, а также соотнесения общего значения фразеологизма с системой значений слов свободного употребления, если нельзя образовать соответствующее переменное словосочетание. Основанием для подобного «наложения» фразеологизма на переменное словосочетание служит то, что фразеологизм, как

[33] Подробнее см. об. этом: М. Т. Тагиев, указ. соч., стр. 19—59.

[34] О вариационном методе анализа фразеологизмов см.: В. Л. Архангельский, указ. соч.

[35] См. об. этом: И. А. Мельчук, указ. соч.; А. В. Кунин, Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Докт. диссерт., М., 1964; И. С. Торопцев, указ. соч.

правило, возникает из словосочетания [36]. Так определяется степень семантической слитности компонентов и природа целостного значения исследуемой единицы. При «наложении» фразеологизма на переменное словосочетание возможен положительный и отрицательный эффект: положительный — в случае наличия переменного словосочетания, отрицательный — в случае отсутствия такого словосочетания. Прием «наложения» используется и при этимологизировании слова, а также при установлении его значащих частей [37].

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные здесь вопросы далеко не исчерпывают фразеологической проблематики. Предметом исследования многих языковедов являются такие важные проблемы, как: уточнение классификации фразеологизмов; определение места фразеологии в языковой системе; соотношение фразеологизма и его компонентов со словом и словосочетанием; выяснение отношений фразеологизма к языку и речи и др.

В. П. Жуков

[36] См., например, об этом: Л. И. Р о й з е н з о н, Синтаксис и фразеология (Некоторые вопросы их взаимоотношения и взаимосвязи), сб. «Праці Міжвузівської наукової конференції з питань синтаксису», Львів, 1963, стр. 49—50.

[37] См., например: Н. М. Ш а н с к и й, О диффузии и замещении морфем, сб. «Этимологические исследования по русскому языку», 5, 1966, стр. 176 и сл.; Е. А. З е м с к а я, Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке, ВЯ, 1964, 2, стр. 84; А. И. М о и с е е в, Мотивированность слов, «Уч. зап. ЛГУ», 322, 68, 1963, стр. 121, 130 и сл.

РЕЦЕНЗИИ

С. П. Бевзенко. **Історична морфологія української мови** (Нариси із словозміни та словотвору). — Ужгород, Закарпатське обласне видавництво, 1960. 416 стр. *

Предисловие («От автора») в общем ясно ориентирует в целях, которые ставил перед собою автор книги, и как он смотрел на место, которое она может занять среди уже существующей украинской литературы на привлекшую его внимание тему. Автор указывает, что сравнительно с вопросами словоизменения вопросам словообразования он придает в книге только второстепенное значение и мотивирует это тем, что «не целесообразно с методической стороны выделять словообразование в особый отдел, рассматривая его перед изучением истории форм (sic!), как это казалось бы закономерным при чисто научном подходе к этому делу» и не считает возможным дать цельную историю украинского словообразования ввиду еще недостаточной изученности соответствующих разделов в науке. Оба эти аргумента, конечно, убеждают мало, но автор ими действительно руководился, и это определило характер его книги. «Формы» для автора — это в основном особенности словоизменения.

Автор отчетливо представляет себе трудности выделения из старовосточнославянского материала того, который с большим или меньшим правом можно считать уже собственно-украинским, но от решения этой задачи не отказывается и уделяет ей свое посильное внимание. Его внимание, как отмечает он, привлекло то, что он нашел в соответствующей научной литературе, и он оказался, замечу от себя, внимателен не только к устоявшимся ее положениям, но и к многочисленным ее контроверзам; использован им материал памятников, по преимуществу опубликованных, и, что́, несомненно, представляет положительную особенность книги, в книгу введен богатый свежий диалектный материал, частично добытый автором путем личных наблюдений.

В работе, основной предмет которой составляет историческая морфология, естественно, ведущая роль должна принадлежать вопросам грамматической индукции (аналогии). Автор к делу подходит иначе: в духе традиционных приемов обработки фактов он все свое внимание отдает фонетическим особенностям морфем и, описывая их, в общем этим и удовлетворяется. В основном он поэтому только констатирует факты и мало стремится объяснить их. Больше того, что можно извлечь из простого толкования фонети-

* Вскоре после выхода книги С. П. Бевзенко «Историческая морфология украинского языка» редколлегия журнала «Вопросы языкознания» обратилась к Л. А. Булаховскому с просьбой написать рецензию на этот труд. Л. А. Булаховский ответил редколлегии согласием и начал, по своему обыкновению, постепенно и систематически готовить материал. Внезапная смерть Л. А. Булаховского прервала его работу над рецензией. Неоконченная рукопись хранилась в бумагах покойного. При всей ее фрагментарности она представляет несомненный интерес для науки и дает достаточно полное представление об отношении крупнейшего советского слависта к труду С. П. Бевзенко. Рецензия печатается без каких-либо изменений. (*Ред.*).

ческих закономерностей или останавливающих на себе внимание отклонений от них, в общем его не занимает. Других вопросов, которые могли бы стимулировать его исследование, он в большинстве случаев не видит и, естественно, и не предлагает каких-либо в том или другом отношении интересных соображений. В результате этого проблематика исследований в ряде случаев производит впечатление бедной, а нередко, там, где сами факты властно требуют внимания к себе, даже нарочито обедненной. Возьмем, например, наличие в украинском языке, как, впрочем, и в других славянских языках, двух типов суффиксации, resp. флексии имен прилагательных на *-ний, -на, -не*: *-ній, -ня, -не*. Для различения этих типов, как известно, есть свои довольно определенные семантические основания (ср. хотя бы замечания об этом в «Укр. правописі»).

Автор вовсе не касается их, и этого его невнимания к такому серьезному моменту, думаю, никак нельзя одобрить. Странным кажется поэтому выбор в книге для парадигмы слова *синій*, явного исключения, нуждающегося в особом истолковании.

В параграфе, трактующем окончание 1-го лица множественного числа настоящего-будущего времени изъявительного наклонения (*-мо* и др.), удивляет отсутствие замечаний по вопросу о распределении вариантов в отдельных славянских языках и о связанном с этим круге хронологических вопросов (§ 294, стр. 285—288).

Не всегда автор видит и собственно-фонетические трудности, которые заявляют о себе в тех или других морфологических образованиях. Например, его внимание не останавливают на себе в параграфе 245 («Порядковые числительные») такие, как отсутствие удвоения согласного перед былым * *й* в формах женского и среднего рода единственного числа — *третя, третє* вместо ожидаемых «треття», «третте» (ср. русск. *третья, третье*). Легко представить себе, что у него не было удовлетворительного объяснения этого отклонения; но не отметить последнего, слишком выразительно заявляющего о себе, все-таки, не следовало.

Из того, внимания к чему естественно было бы ожидать в книге такого большого объема, но чего в ней нет, следует прежде всего отметить почти полное отсутствие у автора интереса к вопросам у д а р е н и я форм. Между тем игнорирование этой проблематики явно идет в ущерб интересам дела, и не только в том, что касается важной проблематики довосточнославянской древности, но и фактов восточнославянской истории форм. Так, в области имен существительных настоятельно требовали своего освещения выразительные явления, связанные с разложением и заменами двойственного числа; нуждались в освещении изменения, происшедшие в отношениях между формами родительного падежа единственного числа и именительным-винительным множественного (*дві кни́жки*: *книжки́*); появление в говорах некоторых исторически не оправданных форм множественного числа на *-а* у слов мужского рода былых *о*-основ: *грунта́, хліба́, ві́сва* «овсы»; ср. и *рука́ва*; случаи рецессии ударения на предлоги при некоторых падежах местоимений, главным образом — личных; явления рецессии ударения с имен существительных на предлоги, подготовившие условия для адвербиализации некоторых речений, и под.

Акцентологические явления в общем мало дали знать о себе в морфологической системе украинского глагола, но и здесь приходится считаться с ними в отношении ряда явлений, главным образом частного порядка. Автор нигде не показал важных именно на восточнославянской почве отражений древнейшей славянской новоакутовой интонации, определивших облик формы мужского рода единственного числа прошедшего времени. Так как объект освещения книги составляет не только флексия, некоторые вопросы которой в общем совпадают с аналогичными и для других славянских языков, но и словообразование с характерными для него отношениями форм, зачастую находящими свое выражение в фактах ударения (былых интонаций), часто сложных и пестрых,— то это сужение тематики, по моему мнению, не могло не снизить общей полезности книги: ассоциативные отношения форм оказались во многом не выясненными и вопросы о них даже не затронутыми. Укажу хотя бы на то, что могло бы быть выяснено по отношению к типам имен прилагательных на *-ний* и родственные суффиксы. Могла бы быть объяснена и внешняя связь звучаний украинских форм родительного падежа множественного числа имен существительных с суффиксами *-ъка, -ька*, и форм родительного падежа множественного числа простых основ на *-а*. К серьезным упущениям надо отнести и то, что почти не затронуты в книге вопросы в н у т р е н н е й ф л е к с и и (ч е р е д о в а н и й), особенно важные для словообразования. С л о в о с л о ж е н и ю (по-украински — «словоскладання») посвящена только одна страница и несколько строк (стр. 137—138). Мало удовлетворяют строки, посвященные в 121-м параграфе (стр. 136—137) п р е ф и к с а м. Характерное явление украинской фонетики — колебание в условиях sandhi начальных *у*: *в* вызвало у глаголов значительные изменения их внешнего облика, а также семантики слов, которых коснулось это явление, вплоть до прямой энантиосемии (*в'їхати* «въехать» и «уехать»). Mutatis mutandis подобное дало себя знать при префиксах *с* — *з* (*із-*). Читателю естественно было бы ожидать какого-либо освещения этих групп фактов и не оставаться в этом отношении разочарованным.

Мимо автора проходят, не останавливая

на себе его внимания, и другие явления словообразования, в отношении которых необходимо большее углубление в объяснении фактов. Возьмем хотя бы такой пример. Как возникли на украинской почве глагольные формы на *-увати* вместо старых на *-ovati*? Вопрос естественный и давно ставившийся в научной литературе. Большинство историков украинского языка в формах на *-увати* и производных от них видят результат влияния форм настоящего времени изъявительного наклонения, и такое объяснение, вероятно, верно. Но вместе с тем возникает сомнение: не действовал ли здесь и какой-либо фонетический момент, аналогичный проявленному в суффиксе имен прилагательных на *-уватий* (из *-оватий*)? О последнем автор не говорит ничего. Вопрос, действительно, трудный, но внимания к себе требует. Пробую ответить на него догадкой, что здесь имел место переход безударного *о* в *у* первоначально не просто перед *в*, а только в положении за *у* корневого слога: *дубуватий*, *глухуватий*, *грубуватий*, *глупуватий* и под. Под влиянием укающих говоров это *-уватий* распространилось и в тех, где упомянутого ограничительного условия (*у* в корневом слоге) первоначально не было. В некоторых случаях хотелось бы видеть в книге более точные характеристики описываемых фактов. Так, в § 51 на стр. 28 Бевзенко ошибочно, вместо *-ęt-*, *-ят-*основ, говорит об основах на *-t*. В замечаниях о супинах автор в § 344 не указывает,— хотя, кажется, и знает об этом,— что со стороны грамматической у последних были важные отличия от инфинитивов — образование их в основном от глаголов несовершенного вида и управление не винительным, а родительным падежом.

В § 329 сбивчиво описаны формы аналитического будущего времени: на стр. 323 говорится о наиболее частых при них вспомогательных глаголах *начьну*, *почьну*, *хочу*, *стану*, *иму*, а на стр. 324 — о преимущественном употреблении с XIV—XV вв. *буду*. Эти указания остаются не согласованными между собою.

В характеристике имперфекта (§ 312) не получили точного освещения факты, относящиеся как раз к южновосточнославянской примете *-ть* (*-шеть*, *-хуть*).

Не внимателен автор почти во всей книге к такому исключительно важному для истории украинского языка фонетическому явлению, как рефлексация *о*, *е* в былых закрытых слогах, даже в тех скромных пределах, в каких это явление затронуто и получило объяснение в существующем кодексе «украинского правописания». Его внимание в соответствии с темой книги должны были бы на себе остановить и получить объяснение себе многочисленные факты грамматической индукции и общие и частные, прежде всего в склонении имен существительных. Это, однако, в общем прошло мимо него. Свое значение имело бы для некоторых морфологических категорий и подробное истолкование фонетических и индуктивных фактов, относящихся к рефлексации на украинской почве редуцированных гласных (обычных и «напряженных» по терминологии Шахматова) и особенно — к украинской специфике отражения полногласия.

В отдельных случаях вызывает упреки принятая в книге систематика материала. Не все удовлетворяет меня в этом отношении, например, в разделе об имени числительном. Рассмотрение материала с точки зрения в первую очередь числовых значений слов приводит к тому, что формы слова *один* не получают необходимой морфологической выразительности: о них говорится без объяснения отношения формы именительного-винительного падежа единственного числа *один* к остальным формам парадигмы и не дается объяснения гласного корня в широко известном варианте *вден*. Не уделяется внимания суффиксу этого слова *-ен*. В объяснении со стороны морфологической и фонетической, конечно, нуждаются фонетически не оправданные современные украинские формы *двох*, *трьох*, *чотирьох* и далее — с необычным рефлексом былых *о* и *ь* в закрытом слоге. Почему-то не получили четкого объяснения остатки былой формы родительного падежа множественного числа от *десять* — *десят*, хотя их объяснение и не представляет никаких трудностей с точки зрения древнейших отношений.

В § 212, 234 не дано никаких ясных замечаний о проблематике с точки зрения дославянской древности слова *тысяча*. Между тем именно на украинской почве (*-ы* : *и-*) загадочны у этого слова отражения в памятниках первоначального корневого гласного; не затронут вопрос и о гласном второй части слова (*-я-* : *-у-*).

Автор построил свою книгу во всем существенном на учете одних морфологических примет. Поэтому в поле его внимания не попала, например, супплеция, и об этом приходится пожалеть, так как и о ней могли бы быть сообщены не лишенные исторического значения вещи. Как примеры в этом отношении можно назвать хотя бы такие вопросы: как оформилось в украинском языке называние самок домашних животных сравнительно с названиями самцов; чтó в морфологическом отношении характерно для названий диких животных; какова в этой категории предметов роль суффиксоидов (*голубъ*, *ястребъ* — из **ястрябъ*, *гоголь* и под.).

Не могу согласиться с предлагаемым автором объяснением местоименной формы творительного падежа мужского рода *ким*, *кымь*, как будто бы возникшей под влиянием параллельной *чим*. При наличии более близкой — *тим* нет нужды индукцию искать в парадигме с неличным значением и с звучанием согласного другого ряда.

Среди вопросительных местоимений почему-то отсутствуют *чий*, *чия*, *чие*, гласный *и* в которых нуждается в объяснении: почему не «чей»?; почему *чийого*?, почему *чиему*? и под. Мало внимания уделено определительному местоимению *весь* (§ 156).

Несколько замечаний об украинской фонетической проблематике, важной для решения морфологических вопросов истории украинского языка. К таким относится, например, острый вопрос о конечном *в* из *л* в форме единственного числа мужского рода причастия прошедшего времени, вошедшего в состав по происхождению аналитического перфекта. Вопрос автором подробно пересмотрен (§ 320), но без каких-либо убедительных результатов.

В книге с таким большим материалом, конечно, трудно было бы обойтись без ряда частных промахов. Указываю из них некоторые без желания поставить их в серьезные упреки автору, но с надеждою, что в последующих изданиях книги их, может быть, уже не будет.

Затрудняюсь согласиться с неудачным, по моему мнению, употреблением автором терминов «рефлекс» и особенно «рефлексуется» и под. Имеет в виду он часто при этом не отражения звуков, а замены былых морфем новыми, т. е. явления совершенно другого порядка. Для последних с успехом можно было бы пользоваться вполне установившимися в украинской лингвистической литературе терминами (номенклатурными словами) *заступлення*, *заступаеться*, *відбиваеться* и под.

Вопреки сказанному в книге (стр. 121, § 98), старина образований вроде *ткаля*, *праля* безупречно свидетельствуется показаниями сербохорватскими, словенскими и др.

На стр. 237 в параграфе 227, посвященном некоторым количественным именам числительным, читаем: «Современный украинский язык в творительном падеже .. имеет формы *трьома*, *чотирма*, причем в форме *трьома* сохранилась мягкость согласного *р*, а вместо ожидаемого *е* под влиянием *двома* появилось *о*...». Ожидание автором *е* необоснованно, поскольку рефлексом неподударного ь в открытом слоге после *р* в говорах, лежащих в основе украинского литературного языка, по всей вероятности, является не *е*, а *и* (*ы*): *гримiти* (из **grьměti*), *брие* (из **brьje*); ср. русск. *греметь*, *бреет*. Возможно, впрочем, что для форм этого рода автор считался с такими, например, моментами, как обычное произношение безударного *е* как *и* (*ы*), а для *брие* — с возможностью влияния инфинитива *брити*, и под.

К достоинствам книги, увы! не слишком частым в пособиях такого рода, надо отнести ее почти безупречную корректуру. Более или менее серьезных погрешностей буквенного характера в ней можно указать лишь немного.

Одобрительного отзыва заслуживает язык книги — правильный, ясный и в общем живой: книга читается, несмотря на «сухость» предмета, с интересом, доходчиво, и, вероятно, легко будет усваиваться студентами. На фоне подобной литературы, особенно в последние годы страдающей нездоровым пристрастием к вымученным поискам во что бы то ни стало «собственной» терминологии, книга С. Ф. Бевзенко обращает на себя внимание своей относительной простотой и отсутствием в этом отношении каких-либо лишних претензий.

Итог впечатления от книги. Книга — полноценное, полезное, компетентное и добросовестно составленное пособие по исторической морфологии украинского языка и в известной мере вообще восточнославянских. Как учебник для высшей филологической школы труд С. Ф. Бевзенко вполне удовлетворяет своему назначению и может с успехом быть проштудирован и преподавателями соответствующего предмета (предметов), и студентами, и всеми, кто интересуется историей украинского языка в целях самообразования. Книгу было бы несправедливо упрекать в значительных упущениях и требовать сколько-нибудь значительной же ее переработки и доработки. Свою роль она может с успехом исполнять и такою, какой она выпущена в свет. В украинской филологической науке она значительное явление,— удачный итог того, над чем работа велась во второй половине XIX и в течение всего текущего века. В книге нет новых идей, но в общем она содержательна и критична, и эти достоинства ее уже сами по себе достаточны для того, чтобы пожелать ей возможно широкого круга внимательных читателей.

Л. А. Булаховский

НОВЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПОЛНЫЕ ТЮРКСКО-РУССКИЕ СЛОВАРИ

Лексикографическая традиция в тюркологии сложилась давно — еще в средневековье славился обширный глоссарий тюркских языков, созданный Махмудом Кашгарским; из позднейших трудов достаточно назвать словари Ш. Самия, Е. Д. Редгауза, Л. З. Будагова, В. В. Радлова, Э.К. Пекарского и др. Тем не менее регулярная и планомерная работа над созданием двуязычных, толковых, терминологических и других словарей большинства тюркских языков началась лишь в советскую эпоху. Вследствие неизученности лексики и отсутствия квалифицированных специалистов эта работа на первых порах, естественно, не могла быть особенно плодотворной, как об этом можно судить по предельно кратким практическим словарям алтайского, кумыкского, якутского и других языков, вышедшим в 20-е и отчасти в 30-е годы. Первая серия более удовлетворительных словарей узбекского, казахского, чувашского и некоторых других языков появилась только в 30-е годы и позже. В этот период были составлены также сравнительно хорошие словари языков, имеющих продолжительную лексикографическую традицию. Среди них «Турецко-русский словарь» Д. Г. Магазаника (1931). Особого упоминания заслуживает изданный в 17 выпусках необычайно полный «Чувашско-русский словарь» Н. И. Ашмарина, являющийся важной вехой в развитии тюркской лексикографии [1].

В 40-х годах тюркологи добились успеха в создании словарей учебного типа, в особенности терминологических словарей самого различного профиля для всех тех тюркских языков, на которых ведется делопроизводство и обучение.

Начиная с 40-х годов один за другим появились большие русско-тюркские словари, в создании которых самое деятельное участие принимали А. К. Боровков, Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, К. К. Юдахин, С. К. Кенесбаев, В. Г. Егоров, Б. А. Каррыев и опытные лексикографы, которые к этому времени были подготовлены во всех тюркоязычных республиках и областях. Широко развертывается работа над толковыми, диалектологическими, историческими, фразеологическими, синонимическими словарями целого ряда тюркских языков. Начато и этимологическое исследование тюркской лексики. Ныне уже изданы первые относительно полные толковые словари казахского, туркменского и азербайджанского языков [2], первые этимологические словари чувашского и казахского языков [3], а также диалектологические, исторические, фразеологические и синонимические словари ряда тюркских языков [4].

По мере развития тюркской советской лексикографии на местах и в Москве в 40-х годах наметился качественно новый этап в составлении тюркско-русских словарей. Данное направление в эти годы становится средством нормализации лексики, повышения культуры речи и неоценимым источником научного исследования языка. В словарях этого периода практические цели, которым ранее главным образом была подчинена вся лексикографическая деятельность советских тюркологов, сочетаются с научными,— здесь прослеживается стремление к всестороннему и систематическому описанию лексики. В этом отношении особенно выделяется «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина (М., 1940, 25000 слов), оказавший несомненное благотворное влияние на развитие

[1] Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, I — Казань, 1928; II — Казань, 1929; III, IV — Чебоксары, 1929; V — Чебоксары, 1930; VI, VII — Чебоксары, 1934; VIII, IX — Чебоксары, 1935; X, XI — Чебоксары, 1936; XII, XIII, XIV — Чебоксары, 1937; XV, XVI — Чебоксары, 1941; XVII — Чебоксары, 1950.

[2] «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі», жалпы редакциясын басқарған С. К. Кеңесбаев, I — Алматы, 1959, II — Алматы, 1961; «Түркмен дилиниң сөзлүги», М. Я. Хамзаевиң умумы редакциясы билен, Ашгабат, 1962; «Азәрбајҹан дилинин изаһлы лүғәти». I — A — Г, I. чилдин тәртибчиси — Ә. Ә. Оруҹов, Бакы, 1966.

[3] В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964; «Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі», редколлегия: А. Басқақов, Р. Сыздықова, Ш. Сарыбаев, Алматы, 1966.

[4] См., например: Н. Борһанова, Г. Якупова, Диалектологик сүзлек, I — Казан, 1948; II — Казан, 1953; Н. Борһанова, Л. Мәхмүтова, Л. Җәләй, Диалектологик сүзлек, 3, Казан, 1958; «Азәрбајҹан классик әдәбијјатында ишлә дилән әрәб вә фарси сөзлери лүғәти», Бакы, 1966; Г. Хәмзин һәм..., Гарәпча-татарча-русча алынмалар сүзлеге, Казан, 1965; Ш. Раҳматуллаев, Ўзбек тилининг қисқача фразеологик лўғати, Тошкент, 1964; Н. Борһанова, Л. Мәхмутова, Русча-татарча фразеологик сүзлек, Казан, 1965; Ө. Болғанбаев, Қазақ тіліндегі синонимдер сөздігі, Алматы, 1962; Ш. Ханбикова, Синонимнар сүзлек, Казан, 1962; А. Ҳожиев, Ўзбек тили синонимларининг қисқача лўғати, Тошкент, 1963; З. Ураксин, Башкорт теленең синонимдәр һүзлеге, Өфө, 1966; М. Әхтәмов, Башкорт теленең омонимдәр һүзлеге, Өфө, 1966.

данного направления в тюркской лексикографии. Вслед за этим двуязычным словарем появились сходные с ним словари узбекского, азербайджанского, алтайского, хакасского, башкирского, каракалпакского, уйгурского и ногайского языков.

За последнее десятилетие оживилась работа над созданием более полных однотомных академических тюркско-русских словарей (объемом примерно 40 000 слов). В настоящее время уже изданы три словаря: узбекско-русский (1959), киргизско-русский К. К. Юдахина (1965) и татарско-русский (1966).

«Узбекско-русский словарь» [5] составлен Сектором лексикографии Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР на базе существующих словарей узбекского языка [6] и вновь созданной словарной картотеки этого Сектора. Охватывая основную лексику современного литературного узбекского языка, УРС является по существу первым полным сводным справочником по новообразованиям, появившимся в советскую эпоху; он широко отражает заимствования из русского языка, прочно осевшие в стабильном и активном запасе слов. Изрядно представлена здесь также и узкоспециальная терминология, в том числе такие отраслевые слова как *абберация*, *трансценденталиэм*, *трапецеидал*, которые практически в узбекском языке едва ли употребляются. Диалектизмы и просторечные слова приведены в УРС сравнительно мало и снабжены соответствующей ограничительной пометой. Число устаревших слов могло бы быть значительно сокращено, поскольку, во-первых, предполагается в скором времени издание специального словаря архаизмов и историзмов, а во-вторых, этот разряд слов приведен в приложении (стр. 729—839). Словник значительно перегружен производными словами, созданными по высокопродуктивным моделям, например, образованиями типа *папкали* «имеющий панку», *пальтосиз* «не имеющий пальто; без пальто», *тишсизлик* «отсутствие зубов», *кераклилик* «необходимость», *одамсимон* «человекоподобный». Отбор таких слов во многом носит произвольный характер: в словарь попали некоторые редко встречающиеся образования вроде *ноданларча* «невежественно», а регулярно применяемые слова типа *оталарча* «по-отечески», *окаларча* «по-братски» в нем отсутствуют. Из имен действия на *-(и)ш* и *-(у/о)в* и имен действующего лица на *-(у/о)вчи* в словарь справедливо допущены только слова с изолированным значением (типа *кўрсатувчи* «предъявитель»).

Из ласкательных имен с аффиксальной морфемой *-жон* в УРС включены лишь единицы типа *онажон* «мамочка», характеризующиеся высокой употребительностью. Такой принцип их отбора вполне приемлем. Но само отражение этих слов в словаре на общих основаниях спорно, поскольку ласкательные имена с единым типовым значением регулярно образуются от всех личных имен и от имен одушевленных; при этом *-жон*, сохраняющее в языке и самостоятельное употребление, привносит свое значение, совершенно не изменяя значения имени.

В нарушение существующей традиции, в УРС полностью отражены личные имена, внешне совпадающие с именами нарицательными (остальная часть личных имен не приведена ни в словаре, ни в приложении). К тому же личные имена размещены внутри словарных статей, посвященных соответствующим нарицательным именам, и перечислены в одном ряду с лексическими значениями последних (тогда как, например, слова типа *бўша-* «пустеть, становиться пустым» с изолированным производным значением «ослабеть; расслабнуть» выделены как омонимы и даны самостоятельными словарными статьями). Фактически все эти омонимы осознаны как самостоятельные лексемы и ни в одном своем употреблении обычно не ассоциируются друг с другом: ср., например, *йўлдош* «спутник; попутчик» и *Йўлдош* «Юлдаш».

Сложные и составные слова, компоненты которых пишутся раздельно, располагаются при заглавном слове внутри словарной статьи. Это очень затрудняет их отыскание, тем более, что эти слова даны вместе с иллюстративным материалом и фразеологией без шрифтового выделения то по первому своему компоненту, то по второму, то помещаются при обоих компонентах. Целый пласт сложных слов типа *гўнг қарға* «грач» (стр. 115) находится в словарной статье своего первого компонента за знаком ромб на правах фразеологии, хотя, в отличие от последней, эти слова стилистически нейтральны и носят характер термина, не имеющего в узбекском языке стилистического или прочего эквивалента, кроме диалектизмов, вовсе не применяемых в литературном языке. Второй компонент некоторых сложных слов приравнен к одному из производных лексических значений самостоятельного слова, соответствующего их второму компоненту (например, в качестве седьмого лексического значения глагола *ет-* приводится его вхождение в состав сложных глаголов типа *ақл ет-* «понять; постичь», *ишониб ет-*

[5] «Узбекско-русский словарь», под ред. С. Ф. Акабирова, З. М. Магруфова, А. Т. Ходжаханова, гл. ред. А. К. Боровков, М., 1959 (далее — УРС).

[6] К. К. Юдахин, Краткий узбекско-русский словарь, Ташкент, 1927; У. Ахмаджанов и Б. Ильязов, Узбекско-русский словарь, Ташкент, 1935; «Узбекско-русский словарь» под ред. Т. Н. Кары-Ниязова и А. К. Боровкова, Ташкент, 1941.

«убедиться вполне»). Из всех способов размещения сложных слов рассматриваемого типа, примененных в УРС, более приемлемой кажется их подача, при которой они приводятся по первому своему компоненту с указанием на зависимое употребление этого компонента следующим образом:

Иншо. 1. творение; сочинение (*письменное*), 2. **иншо қилмоқ** *уст. книжн.* воздвигать, сооружать; творить.

Ведущие и обусловленные грамматические и лексические значения слов получили в целом обстоятельное описание, которое в необходимых случаях сопровождается иллюстрацией (иногда это цитаты из произведений узбекской художественной литературы, фольклора и публицистики); многие словарные статьи содержат фразеологию, идиоматику, поговорки и пословицы.

Полифункциональные слова типа *аччиқ* «горький; горько; горечь; горький привкус» охарактеризованы во всех своих функциях на одинаковых началах, хотя они употребляются преимущественно в одной из своих функций, а в остальных функциях выступают в зависимости от того, какую позицию занимают в синтаксических конструкциях.

Как и в преобладающем большинстве словарей тюркских языков, в УРС обусловленные лексические значения многозначных слов без всяких оговорок перечисляются обычно в одном ряду с их ведущими значениями. Например, значение «суковатый», возникающее в слове *кўзли* в одном единственном словосочетании *кўзли ўтин* «суковатые дрова», охарактеризовано как регулярное значение этого слова. Последовательность перечисления значений носит в ряде словарных статей произвольный характер — например, в описании значений *асар* и *белгили* их ведущие значения «произведение» (*асар*) и «известный» (*белгили*) замыкают перечень. Членение содержания некоторых слов на значения могли бы быть более дробными. Местами в одну и ту же рубрику втиснуты разнородные лексические значения, которые с полным основанием могут быть выделены как относительно самостоятельные семантические единицы. Едва ли уместно, например, как одно лексическое значение рассматривать: 1) существо, весь организм; человек (*вужуд*), 2) след; отпечаток, печать (*асар*), 3) слово; слова; речь; разговор (*гап*). Встречаются и такие случаи, когда выделенное лексическое значение на деле оказывается лишь оттенком другого значения этого слова, а не самостоятельной семантической единицей. Таково, например, значение «долгий; длинный; длительный» в слове *олис*, которое практически может быть только сопутствующим значением, возникающим при его самостоятельном лексическом значении «далекий; дальний» в зависимости от контекста вроде *олис йўл* «дальняя дорога» (следовательно — «долгий путь»).

Несмотря на перечисленные недочеты, УРС представляет в целом определенное достижение узбекской лексикографии. По богатству зарегистрированной лексики и по полноте ее описания он из всех современных однотомных тюркско-русских словарей долгое время занимал первое место, которое уступил только упомянутому новому словарю К. К. Юдахина.

«Татарско-русский словарь»[7] составлен бывшим Сектором лексикографии Казанского института языка, литературы и истории АН СССР на основе лучших словарей татарского языка и обширной словарной картотеки, созданной сотрудниками этого Сектора методом сплошного расписывания на карточки основных словарных источников.

ТРС, наиболее полный из всех существующих татарско-русских словарей, особенно широко включает в себя лексику современного литературного татарского языка; содержит общеупотребительную фразеологию, идиоматические выражения, пословицы, поговорки и загадки. ТРС значительно восполняет пробелы в регистрации редких татарских слов типа *кәркәдан* «носорог», *кәбрә агачы* бот. «каперсы». Полно охватываются при этом профессиональные, частично и диалектно-профессиональные слова вроде *кәүсә* «ствол (дерева)». Достаточно хорошо ТРС отражает основные новообразования, вошедшие в обиход в наши дни, среди них — удачные термины типа *күпбуын* «многочлен», *бетергеч* «ластик», *курсташ* «однокурсник», *континентара* «межконтинентальный».

От предыдущих татарских словарей ТРС выгодно отличается обстоятельным описанием ведущих и обусловленных значений очень многих слов, которое выполнено с учетом последних достижений тюркской лексикографии; как и в «Башкирско-русском словаре», в ТРС отграничены лексические значения многих слов от их грамматических значений, возникающих в составе определенных грамматических конструкций и описанных в других татарских словарях в одном ряду с их лексическими значениями[8]. Проделана определенная работа по отграничению ведущих значений слова от его обусловленных значений, приуроченных к определенным грамматическим позициям, в которых реализуется данное слово (ср., например, *буй* и *буе*). Значительная часть

[7] «Татарско-русский словарь», М., 1966 (далее — ТРС).

[8] Ср., например, описание третьего значения *башла-*, девятнадцатого значения *ал-* и под., предложенное в ТРС, с соответствующей их характеристикой, с одной стороны, в «Татарско-русском словаре» Р. Газизова, Н. Исанбета, Г. Ишмухаметова (Казань, 1950), с другой — в «Башкирско-русском словаре» (М., 1958).

дополнений и уточнений, внесенных составителями ТРС в описание лексических, отчасти и грамматических значений слов, представляют собой результат самостоятельных изысканий.

Из недостатков самые существенные вызваны, очевидно, использованием в качестве словарного источника русско-татарского словаря. Таковы, в частности:

1. Выделение в качестве лексических единиц — заглавных слов сугубо грамматических явлений на том лишь основании, что они в русском языке обозначаются лексически, например, следующих элементов формообразования: а) форм деепричастия типа *ашыга-ашыга* «спешно», *сикерә-сикерә*, *сикереп-сикереп* «вприпрыжку», *кабып* «вприкуску», *ачуланып* «гневно; злобно»; б) форм причастий типа *ачылган* «открытый», *калган* «отложенный»; в) других неспрягаемых форм глагола типа *ашыкмыйча* «не торопясь; исподволь», *кипкәнче* «досуха»; г) отрицательной формы глагола типа *катнашма-* «воздержаться», *туләмәү* «неуплата»; д) форм падежей типа *ерактан* «издали», *караңгыда* «впотьмах», *безгә* «нам» (ср. также производные образования типа *клиникадагы* «клинический», *посттагы* «постовой»); е) форм интенсива типа *олырак* «побольше», *болайрак* «эдак», *зур-зур* «большой-пребольшой», *тиз-тиз* «быстро; бегло»; ж) притяжательных форм вроде *кемнеке* «чей», а также отдельных синтаксических явлений — свободных словосочетаний типа *мәктәптән тыш* «дошкольный», *бер куллы* «однорукий», *кырык градуслы* «сорокоградусный».

2. Допуск в словарь явно искусственных новообразований типа *берсүзсезлек* «безоговорочность», *могҗизалылык* «чудодейственность», *куперчек* «мостик», *кагылгысызлык* «неприкосновенность», *мичкәчелек* «бондарство», *белгечлек* «специальность» [9].

3. Ориентация отбора слов, допускаемых в словарь в строго ограниченном количестве, на возможность их передачи в русском языке лексическими единицами, обязательно включаемыми в словарь (по такому принципу подобраны, например, все образования типа *грушасыман* «грушевидный», *клёнкасыман* «клеёнчатый»). Этим последним недостатком объясняется включение в словарь малоупотребительных, а то и устаревших слов вроде *зиначы* «разверватник», *калькуляцияче* «калькулятор», *икейөзлерәрчә* «лицемерно», *кассапчы* «мясник», *каралаучы* «клеветник», хотя активно применяемые слова со сходной структурой вроде *йөруче* «тот, кто ходит», *туганларча* «по-братски», *таджикчә* «по-таджикски» здесь отсутствуют.

4. Включение в словарь в качестве татарских идиоматических выражений буквальных или неудачных переводов соответствующих русских идиоматических выражений типа *аңа калса* «если на то пошло», *аяз көндә яшен сугу* «гром среди ясного неба», *нәтиҗәләргә бай* «чреватый последствиями».

Как существенный недостаток словаря воспринимается загромождение его словника: 1) множеством узко специальных терминов типа *гельминтов*, *гигроскопик*, *катетер*, *кильватер*, *кингстон*, *консорциум*, *копер*, *стилет*, *пантеизм*, *филлоксера*, *финнов*, *флегмона*, *флешь*, *флорит*, *фонация*, *форштевень*, *фрактура*, которые в татарском языке совсем не употребляются; 2) диалектизмами типа *клиндер* «сушки», *кичә-көндез* «днем и ночью; день и ночь», *куныш урын* «место ночлега»; *кырчын* «паршивый», *струклау* «строгать», *кубәу* «много, многие», *бикәчле* «женатый», не снабженными никакими пометами; 3) архаизмами и историзмами типа *бохари* «человек, получивший до революции духовное образование в Бухаре», *вафа* «верный; верность», *гильдия* «гильдия», *гөлстан* «цветник», *гурстан* «кладбище», *залимә* «тиранка; угнетательница»; *катилә* «убийца (женщина)», *мөкатдәр* «судьба», *риваять* «легенда», *ригая* «уважение», *рия* «лицемерие», *хаин* «предатель», *тәкәллефле* «церемонный», *сәгадәт* «счастье», которые также не имеют при себе никаких помет, таким образом, составители словаря совершенно неправомерно уравнивают их в правах с живыми словами татарского языка [10]; 4) многочисленными производными типа *балыклы* «имеющий, содержащий рыбу», *аяксыз* «не имеющий ноги; без ног», *булучы* «присутствующий», *бәхетлелек* «состояние счастья», *кәҗәчә* «по-козлиному», которые регулярно образуются по единой модели от множества производящих основ.

Трудно считать целесообразным также включение в словарь следующих разрядов слов, хотя они, в отличие от предыдущего перечня, занимают в словнике не очень большое место: 1) ласкательно-уменьшительных форм типа *балакай* «детка»; 2) собственных имен вроде *Болгар*, *Бохар*, *Каф*, *Мәккә*, *Сак-Сок*, *Сечь*, в особенности

[9] В своем стремлении сделать словарь полным составители и сами сочинили сходные «новинки» вроде *базарлылык* «годность для продажи», *иңсезлек* «узость (материи)», *сәгатьчелек* «занятие часовщика», *кырлылык* «граненность; наличие грани», *моряклык* «обязанности моряка», *калайчылык* «занятие жестянщика», *категориялелек* «обладание какой-л. категорией», *кыргызчалаштыр-* «переводить на киргизский язык».

[10] То же самое следует сказать и применительно к устаревшим словам типа *баскаклык* «должность баскака», *баг* «фруктовый сад», *баһадирәнә* «по-богатырски», *выкыйган* «в самом деле», которые почему-то квалифицированы как слова, принадлежащие книжному стилю, хотя они нигде в татарской литературе не встречаются, кроме текстов, написанных на «тюркй».

личных имен типа *Вафа*, *Гайса*, *Кадир*, *Мәрьям*, которые подлежат описанию в специальных словарях, либо в приложении к словарю; 3) искусственных новообразований вроде *полботинкалар* «полуботинки», *малайлылар* «малайцы», *квартулэу* «квартплата», *күзалла-* «представлять; вообразить», *мәзәк-мәсьәлә* «задача-шутка», *комбайнчылык* «профессия комбайнера», *кайтаваз* «эхо; отклик» и заимствований типа *сумбур*, значения которых могут быть переданы татарскими словами.

Отбор диалектизмов, архаизмов, звукоподражаний и некоторых других разрядов слов, включаемых в словарь лишь частично, носит произвольный характер.

Решительное возражение вызывает включение в ТРС в качестве заглавных слов некоторых сугубо грамматических явлений типа *балам* «дитя мое», *ачар-ачмас* «чуть приоткрыв», *йөгерә-йөгерә* «бегая», и отдельных идиоматических выражений типа *канга-кан* «кровь за кровь».

Некоторые образования типа *куллы* «с рукой», *куырган* «жареный», *мачталы* «с мачтой», *кулсыз* «без ног» ошибочно отнесены к числу лексических единиц, сочетающихся лишь со словами, перечисленными в словарных статьях, в которых они рассмотрены.

Слова типа *кучкыл*, *тар-мар*, *кабул*, *сан* («внимание, уважение»), которые ныне реализуются исключительно как компоненты неразложимых сложных слов типа *кара кучкыл* «чернобурый; черноватый», *тар-мар ит-* «сокрушать», *кабул ит-* «принимать», *санга сукма-* «игнорировать», в ТРС неверно трактуются как самостоятельные лексемы. Еще более значительны ошибки в осмыслении грамматических форм некоторых слов: служебная морфема *иде* в составе неделимого показателя предпрошедшего времени *-ган иде* квалифицирована как лексема и выделена в качестве заглавного слова; монолитная форма возможности на *-а ал-* охарактеризована как сочетание полнозначного спрягаемого глагола *ал-* с формой 3-го лица ед. числа (!), с которой элемент *бара*, восходящий к форме деепричастия на *-а*, в составе формы *бара ал-* «мочь пойти» не имеет ничего общего; все образования типа *бакылдаш-*, *кытнаш-* отнесены к взаимно-совместному залогу, хотя в этом случае аффикс *-даш* не имеет значения этого залога (см. грамматический очерк в приложении к словарю), а выражает соотнесенность обозначаемого действия с его производителем как с неким неопределенным множеством; глагол *кадал-*, представленный в страдательном залоге, отнесен к возвратному залогу, а *калтыран-*, обозначающий действительный залог,— к страдательному.

В выделении и размещении ряда слов заметен этимологический подход. Например, самостоятельная производная лексема *кызыллар* «красные», имеющая свое строение, охарактеризована как вариант слова *кызыл* «красный» только на том основании, что к нему восходит ее производящая основа; широко употребительное модальное слово *икән* «оказывается» рассмотрено как причастие, с которым оно имеет ныне лишь генетическую связь. Многочисленный пласт глаголов типа *зыңла-* «звенеть; лязгать», *зыңгырда-* «звенеть» отнесен к звукоподражаниям, поскольку производящая их основа восходит к звукоподражательным комплексам. Между тем глагол здесь выражает не звучание само по себе, а действие, обозначаемое глаголами типа *ерла-* «петь», на общих основаниях, характерных для словообразовательной модели на *-ла* (*-да*) с типовым значением «проявлять свойство по основе», которая на одинаковых началах вовлекает в словообразование не только звукоподражания.

В большом беспорядке размещение сложных слов, компоненты которых пишутся раздельно. Часть их приведена за знаком ромб по первому компоненту (см. *бет уты* бот. «горох мышиный», *йөзем бете* «филлоксера», *аю баланы* «бузина»). Другая же часть размещена по второму компоненту (см. *бил бу-* «подпоясываться», *су кер-* «искупаться в реке» и под.). Большинство сложных слов помещается внутри словарной статьи рядом с иллюстративными примерами в алфавитном месте первого или второго своего компонента (ср., с одной стороны, *һич кайчан* «никогда», *кайсы бер* «некоторые» и под., которые приведены в алфавитном месте первого компонента, с другой — *әллә кайсы* «какой-то», *әллә кайчан* «давно» и под., которые даны в алфавитном месте второго своего компонента). Сложные слова, компоненты которых отдельно не употребляются, даны самостоятельными словарными статьями.

ТРС повторяет типичные ошибки, наблюдаемые при описании лексических и грамматических значений слов в других словарях. Особенно многочисленны погрешности в описании обусловленных значений слов, которые, как правило, приравниваются к ведущим значениям этих слов (см., например, характеристику обусловленных значений *кара*, *бат-*, *бас-*, *бер*). Могло бы быть более продуманным и самовыделение значений и их рубрикация. Иногда как одно значение преподносится несколько самостоятельных единиц вроде «время, эпоха; век; пора, период» (*заман*). Местами же, наоборот, одно значение делится на два (см., например, *аңкы-*).

В списке значений ведущее значение далеко не всегда занимает первое место (см., например, перечень значений *Кытай*, *кызыгучан*, *ләгәәт*, *кызлык*, *тут* I). Описание значений многозначных слов во многих случаях подменено спасительной пометой *в разн. знач.*, оставляющей возможность произвольного осмысления этих слов (см., например, «способ описания» значений

балдак, бэя, бир-, гур, туры, кэкре, очкын, роль). Перечень значений многих слов может быть продолжен. Например, широкое употребление *утырт-* в значении «надуть, обмануть» совсем не отмечено. *Бактериясыз, байраклы, постпагы* показаны только в одном из производных значений, ведущие же их значения не приведены. В списке значений некоторых слов имеются и излишки. Например, *камчы* в значении «кнут» в литературном татарском языке не употребляется. Характеристика грамматических значений ряда слов нуждается в уточнении и исправлении. Таково, например, описание значений *иде*: в образованиях типа *ак иде* «был белым» предикативность выражает *иде* лишь постольку, поскольку обозначает отнесенность содержания предыдущего слова к плану прошлого, что вовсе не отражено в ТРС; в образованиях же типа *(бүген) барган идем* «(сегодня) я ходил» *иде* выражает не давнопрошедшее, а предпрошедшее время и выражает его исключительно благодаря сочетанию с формой предыдущего слова, без которой *иде* как морфема выделяется здесь только с точки зрения исторической.

Однокорневые слова типа *борчыл- — борчы-, күңелле — күңелсез* со сходным составом лексических значений могли быть разработаны единообразно.

Встречаются в ТРС неточные переводы. Таковы, например, переводы *киңәшсез, малсызлык, мал-мөлкәтлелек, моральсыз, камчы, тозланыш*. В отдельных случаях реальный перевод подменен буквальным, значение которого совсем не присуще данному сочетанию, ср.: *аш-су* «хлеб и вода», *вакытлы-вакытсыз* «вовремя и не вовремя», *ипи тозлык* «достаточный на хлеб-соль». Переводы почти всех звукоподражательных слов представляют собой весьма условное описание, нуждающееся в доработке.

Имеются избыточные пометы типа *куз* анат. «глаз», *камбала* (рыба) и отдельные отсылки на слова, которые также не разъясняются, а в свою очередь сопровождаются отсылками (например, «*мөстакыйм* см. *тугры*», но «*тугры* см. *туры*», а *туры* имеет несколько значений, из которых только одно соприкасается со значением *тугры* и *мөстакыйм*).

Из всех сходных современных тюркско-русских словарей ТРС выделяется едва ли не самым низким уровнем лексикографической разработки. И все-таки было бы неправильно полностью отрицать его практическое и известное научное значение.

«Киргизско-русский словарь» [11] — монументальный итог более чем сорокалетней кропотливой и плодотворной деятельности К. К. Юдахина по собиранию и исследованию киргизской лексики. Составленный с учетом достижений современной тюркской лексикографии, КРС представляет собой богатейшую сокровищницу наиболее употребительной лексики киргизского языка и высококвалифицированное ее описание в виде легко доступного и самого надежного справочника, создающего прочную основу для всего последующего развития киргизской лексикографии и в то же время являющегося во многом подспорьем и образцом в составлении всех тюркско-русских словарей.

Из 40 000 слов, собранных К. К. Юдахиным, более 85% составляет активная и отчасти пассивная лексика современного литературного киргизского языка. КРС необычайно широко отражает национальную специфику киргизской лексики, например, такие редчайшие слова, как *акшыңда-* «выражать гнев взглядом», *акылдуусун-* «умничать», *албын* «разновидность заклинания», *буктурма* «засада; уловка; хитрость», которые в таком количестве немыслимо столь полно выявить без многолетнего специального собирания материала. С возможной полнотой и тщательностью собрана и показана в словаре лексика разговорного языка [12], чем не могут похвастаться даже самые лучшие новейшие полные словари по другим тюркским языкам. В соответствии с употребительностью в современном литературном языке, КРС сравнительно широко охватывает все основные типы сложных и составных лексем (которые, несмотря на их активное употребление, зарегистрированы в словарях других современных тюркским языков слишком мало), а также служебные слова, особенно послелоги; специальную терминологию и всякие неологизмы.

Некоторые разряды слов допущены в словарь в результате строгого отбора. Например, из неисчислимого множества звукоподражательных и образных слов, которые наблюдаются в устном киргизском языке, отобраны в нем лишь единицы типа *шарп* «подражание шуму от резкого удара», *шарт* «подражание резкому движению», обладающие устойчивым фонетическим обликом, определенным лексическим значением и более или менее регулярным употреблением. Из собственных имен в порядке исключения приведены лишь отдельные популярные личные имена и клички персонажей фольклора типа *Алгара, Жемаян, Зулупкор, Кумайык, Мааникер, Мадыган, Малгун* и отдельные наименования созвездий типа *Жетиген, Зуура*, топонимы вроде *Ирбит*. Личные имена, совпадающие с нарицатель-

[11] К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965 (далее — КРС).

[12] Широкий охват данного пласта слов не снизил значения словаря как справочника, поскольку эти слова, как и диалектизмы и некоторые другие разряды периферийной национальной лексики, не входящие в литературный язык, сопровождаются обычно соответствующей пометой.

ными и на этом основании по традиции включаемые в словари других тюркских языков, в КРС не отражены. В КРС очень мало аббревиатур, так как их создание до сих пор не упорядочено, а вхождение в обиход за редким исключением представляется сомнительным. Историзмы и архаизмы из-за отсутствия специального исторического словаря охвачены в мере, вполне обеспечивающей ознакомление с более ранними киргизскими профессиональными художественными произведениями. Отбор слов, характерных лишь для диалектов и говоров или для их групп, произведен с учетом их применения в произведениях киргизских писателей в стилистических целях и потенциальной возможности их постепенного проникновения впоследствии в литературный язык. Производные слова с высокопродуктивными аффиксами, в частности имена действия на *-уу*, имена действующего лица на *-чуу*, имена прилагательные на *-луу*, *-сыз*, существительные на *-сыздык* и т. п., которыми перегружены многие слова, в КРС занимают сравнительно небольшое место, поскольку они регулярно и легко образуются по единой модели с одним и тем же типовым значением. Другое дело, когда производимое слово обладает своеобразным значением — например, включение в словарь слова *башсыз* вполне оправдано тем, что оно наделено значением «своевольный», характерным только для этого единичного случая. Правда, подбор слов данного рода лишь отчасти обоснован так веско и тем не менее он более приемлем, чем существующая практика подачи таких слов в других словарях.

В целом отбор слов, сопряженный с большими трудностями, произведен без ущерба для полноты показа современной киргизской лексики и осуществлен настолько удачно, что это составляет одно из главных достоинств словаря.

Не менее существенным положительным свойством словаря следует считать стремление К. К. Юдахина показать заглавные слова во всех их регулярных и частных значениях и функциях; особенно метко охарактеризовано содержание однозначных слов. Большое внимание уделено семантической разработке многозначных слов и определению синхронной иерархии их значений. К. К. Юдахин проделал трудоемкую работу, уточнив описания значений слова в зависимости от условий его реализации. Заслуживает массового внедрения в лексикографический обиход методика К. К. Юдахина, выражающаяся в стремлении предельно строго характеризовать обусловленность значения слова соответствующим лексическим окружением или моделью синтаксической конструкции, в которой реализуется это слово. Вот некоторые примеры, где ярко выражена эта плодотворная попытка К. К. Юдахина, достойная внимания не только тюркологов-лексикографов [13]:

Айда- 1. гнать..., 2. (*точнее* **жер айда** *или* **кош айда**) пахать.

Аламан 1. беспорядочный набег,... 2. (*точнее* **баш аламан**) беспорядок.

Алдыр-... 2. *с предшеств. дат. п.* оказался слабее *кого-чего-л.*

Ара 2. *только с личными притяж. аффиксами* (взаимо)отношения.

Бас... 7. (*точнее* **көөрүк бас-**) раздувать (*огонь кузнечным мехом*).

Жок ... 6. *с предшеств. дат. п.* не имеющий склонности *к чему-л.* 7. *с предшеств. формой на гы-* выражает нежелание.

Кал-... 4. *с предшеств. исх. п.* лишаться *чего-л.*, перестать быть *кем-чем-л.*

Кундак 2. (*точнее* **мылтыктын кундагы**) приклад, ложе ружья.

Кут. 2. (*точнее* **кут жак** *или* **кут тарап**) север.

Не все сходные пояснения К. К. Юдахина безупречны. Некоторые из них нуждаются в доработке. Главное — далеко не все обусловленные значения слов охарактеризованы еще описанным образом [14], так как это предполагает тщательное специальное изучение содержания всех многозначных слов. Не подлежит, однако, сомнению, что это замечательное начинание К. К. Юдахина приведет со временем к коренному улучшению существующего весьма условного и неточного описания тюркских многозначных слов.

Последовательно и достаточно полно выявлена и описана служебная функция полнозначных слов, их вхождение в структуру необратимых морфологических и синтаксических конструкций и употребление в этом случае в грамматическом значении, которое выделено особым шрифтом, четко отделяющим его от предыдущего перечня лексических значений слова [15]

---

[13] Это есть, собственно, один из структурных методов описания значений слов, который широко рекламируется, но на деле применяется еще крайне мало.

[14] К. К. Юдахин, отдавая дань традиции, иногда обусловленное производное значение слова, возникающее лишь в считанном числе определенных словосочетаний или даже в одном единственном словосочетании, а также в соответствующих типах конструкций, без всяких оговорок ставит в один ряд с основными его значениями. Например, в слове *ак* значения «белок; зрачок; бельмо», перечисленные в одном ряду с самостоятельными его значениями, возникают регулярно только в словосочетаниях типа *көздун агы* «белок глаза», *ак туш-* «появиться (о бельме на глазу)».

[15] В этом отношении интересен «Башкирско-русский словарь» (1958), где грамматические значения этого рода даются за пределами перечня лексических значений слова.

(между тем, во многих двуязычных словарях оно описано на общих основаниях в одном ряду с лексическим значением).

Многие словарные статьи оснащены интересным и убедительным иллюстративным материалом, фразеологией, пословицами, поговорками, афоризмами, которые почерпнуты из самых разнообразных устных и письменных источников и которые ярко характеризуют как сферу употребления и тончайшие оттенки значения киргизских слов, так и этнографию и фольклор киргизского народа.

Переводы в целом удались К. К. Юдахину больше, чем кому бы то ни было из составителей переводных тюркских словарей; особо отметим, что К. К. Юдахин уточнил переводы в тех случаях, когда русское слово, через посредство которого передается данное значение киргизского слова, соответствует ему лишь в одном из своих значений: см. переводы с пояснениями в скобках типа *арзан*. 2. легкий (*для выполнения*). Это тоже очень важное начинание, заслуживающее широкого внедрения в практическую лексикографию.

Из недостатков наиболее значительным является непоследовательное решение ряда вопросов лексикографии. Например, в нарушение алфавитного порядка размещения слов, сложные слова, составные части которых пишутся раздельно или через дефис, распределены при заглавном слове, в одном ряду с иллюстративным материалом и фразеологией то по первому своему компоненту [16], то по второму [17], а некоторые даются в конце словарной статьи за знаком ромб [18]. Фонетические варианты слов в большинстве случаев приводятся отдельной словарной статьей с отсылкой к форме слова с привычным внешним строением (ср. *аелмет* и *аялмет*). Вместе с тем в ряде случаев оба варианта слова даются с переводом (ср. *адими* и *адеми*). Звукоподражания местами даны с пометой *звукоподр.* (см. *ап* II$_1$, *карк* IV и V, *тарс*), в остальных же случаях квалифицированы как подражательные без указаний на объект подражания и его характер (см. *шалп*, *шалдыр*, *шатыр*$_1$ *каңыр*; ср. еще переходные случаи *карс* I, *шарт* II). Синкретичные слова типа *алтын* «золото; золотой», преимущественно употребляемые как существительные и наряду с этим регулярно выступающие в определительных словосочетаниях как прилагательные, охарактеризованы в целом только как существительные [19] и лишь в отдельных случаях как прилагательные (см., например, *кызыктыруучу* стр. 478) или в обоих своих функциях (см., например , *ак*, *бай*), тогда как слова вроде *тез* «быстрый; быстро», реализуемые в значении и прилагательного и наречия, квалифицированы в обеих функциях на равных началах.

Избыточным представляется включение в КРС фонетических вариантов слов типа *арслан*, бытующих только в диалектах, и явно архаичных фонетических вариантов русских заимствований вроде *ишкол* «школа». Словник и без того перегружен фонетическими и орфографическими вариантами слов, приводимыми с отсылкой,— в частности, образованиями типа *алба*: *алва*, *амиз*: *намыс*, *апкел-*: *алып кел-*, один из которых имеет явное преимущество по своей употребительности в литературном языке.

Классификация лексических значений во многих местах могла бы быть более дробной. В одной и той же рубрике как одна и та же семантическая единица приведены, например, такие разнородные значения, как: 1) спина; задняя часть, задняя сторона, тыл (*арка* стр. 67), 2) материя, вещество; сущность; существо (*зат* стр. 289), 3) письмо; почерк (*кат* стр. 358), каждую из которых с полным основанием можно было бы разделить на две самостоятельные единицы лексического значения. В отдельных случаях последовательность размещения значений можно было бы уточнить. Например, *аамыят*, судя по всему, чаще всего употребляется в последнем из трех значений, названных в словаре, первые два значения зависят от контекста и к тому же встречаются довольно редко. В слове *кет* (стр. 431) первым является значение, охарактеризованное как второе.

Префиксальные морфемы типа *кып-* (*-кызыл*, стр. 492) даются самостоятельными словарными статьями без пометы, означающей невозможность их употребления в качестве самостоятельной лексической единицы [20]. Аффиксальная морфема *-бай*, активно применяемая в киргизских личных именах, оказалась, как и в УРС, в одном ряду с перечнем лексических значений слова *бай*, соприкасающегося с ней только по происхождению. На таких же началах приводятся неотъемлемые компоненты аналитических слов *бөлүп-*

---

[16] См. *ава тарт-* стр. 25, *ата-баба* стр. 77.

[17] См. *бөлүп-бөртүп*, стр. 153; *бөлөк-бөтөн* стр. 154; *-бай* стр. 94; *катын ал-* стр. 48.

[18] См. *сакалдуу-көкүлдүүлөп»* стр. 623; *алмаш-өркөш* стр. 52.

[19] Между тем отдельные имена типа *алгылыктуу* (стр. 47) преимущественно употребляются как прилагательные, что совсем не отмечено.

[20] В отдельных случаях, наоборот, слова, имеющие самостоятельное употребление, охарактеризованы как единицы, встречающиеся лишь в составе словосочетаний, перечисленных после знака двоеточия, например, слово *акырында-*:, которое на деле употребляется преимущественно как самостоятельное слово.

бөртуп (см. *бөрт* стр. 153), *бөлөк-бөтөн* (см. *бөтөн* стр. 154). Первый компонент аналитического слова *кусу кел-* «испытывать тошноту», вовсе не имеющий ныне самостоятельного употребления, выделен как заглавное слово (стр. 452).

Можно указать на отдельные неточные переводы: *карагат* в самостоятельном употреблении означает «черная смородина»; в глаголах типа *апылдаш-* «торопиться», *бакылдаш-* «горланить», *какылдаш-* «кудахтать» аффикс *-даш* выражает не взаимный залог в его общепринятом понимании, а соотнесенность обозначаемого действия с его производителем как с неким неопределенным множеством; глаголы типа *алдан-*, *аныктал-* обозначают не возвратный залог, а страдательный.

КРС при всех недостатках, вызванных большей частью влиянием укоренившейся лексикографической традиции, во многом стоит выше всех современных тюркско-русских словарей, хотя они и создавались целыми коллективами квалифицированных лексикографов при участии видных тюркологов минимум за 5—10 лет. КРС с полным правом признан лучшим образцом среди них и ценнейшим вкладом в тюркское языкознание и несомненно оказывает благотворное влияние на дальнейшее успешное развитие тюркской практической лексикографии. Особенно большую роль играет КРС в улучшении лексикографической обработки исконных общетюркских и межтюркских слов, представленных в киргизском языке. Вместе с тем КРС служит наиболее эффективным средством в становлении и стабилизации лексических норм младописьменного киргизского литературного языка, сформировавшегося только в наши дни.

А. А. Юлдашев

Н. Н. Прокопович. **Словосочетание в современном русском литературном языке.**— М., изд-во «Просвещение», 1966, 400 стр.

Рецензируемая книга — новый шаг по пути, открытому А. А. Шахматовым, А. М. Пешковским и В. В. Виноградовым в изучении русского синтаксиса. Н. Н. Прокопович стремится объединить в синтаксической системе учение о предложении с учением о словосочетании. Следуя наиболее принятым в современной синтаксической теории взглядам, Н. Н. Прокопович рассматривает предложение и словосочетание как единицы разного уровня [1]: словосочетание — номинативная единица, предложение — коммуникативная единица. Однако при этом он стремится найти не столько явления, различающие их, сколько явления, их объединяющие. Общее между этими двумя уровнями ярче всего прослеживается в «промежуточных» явлениях из области словосочетаний, характеризующихся некоторой собственной «коммуникативностью» и тем самым примыкающих к уровню предложения. Отмечая близость словосочетаний к слову, номинативной единице языка, исследователь выявляет в то же время черты, приобщающие некоторые типы словосочетаний к коммуникативным единицам. Возникая из потребности уточнить название предмета, действия или признака, многие словосочетания, кроме функции номинации, выполняют и известную предикативную функцию. Эти процессы прослеживаются на возможностях «замен» словосочетания словом и, наоборот, слова сочетанием слов. Сюда относятся и случаи образования сложных слов из словосочетания, например *дикорастущий*, *вечнозеленый*, *малоинтересный*, и замена словосочетания производным словом, и расчленение названия (ср. *решить — принять решение*, *согласиться — прийти к соглашению*, *выполнить план — обеспечить выполнение плана*). Последний процесс особенно хорошо показывает, что названия, состоящие из одного слова, и названия, представленные словосочетаниями, не адекватны. Глаголы *решить*, *согласиться*, *выполнить* лишь называют действие, в то время как соответствующие им словосочетания не только называют действие, но и отражают новый взгляд на соотношение действия и действительности: в них содержится дополнительный оттенок предикативности. В типах исторически складывающихся грамматических сочетаний двух и более знаменательных слов, не составляющих предложения, но образующих понятийное единство, проявляется взаимодействие различных факторов, которое в конечном счете определяет характер всей синтаксической системы языка. Изучению «живых, реально существующих в языке единств, не являющихся ни предложением, ни словом» (стр. 32) и посвящается монография Н. Н. Прокопо-

[1] Так, в Академической грамматике русского языка описание словосочетания и предложения представлено двумя полутомами. Подобный подход намечается и в готовящейся описательной грамматике русского литературного языка (см. «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966).

вича, подводящая итог многолетним наблюдениям и исследованиям автора.

В первой части книги рассматриваются теоретические проблемы отношения словосочетаний к слову и к предложению, а также общие законы грамматической словосочетаемости, модели построения словосочетаний. Вторая часть служит иллюстрацией выдвинутых положений на основе анализа и описания сочетаний с прилагательными в качестве стержневого слова. Выбор именно этого иллюстративного материала оправдан сравнительной новизной таких словосочетаний в русском языке и четкостью общих процессов и закономерностей, в них проявляющихся. На всем протяжении монографии анализ синтаксической природы словосочетаемости последовательно увязывается с ее лексико-семантическим аспектом.

Отметим несколько, на наш взгляд, принципиально важных тезисов и наблюдений Н. Н. Прокоповича. Изучение «присущей словосочетанию способности выступать в качестве номинативного средства, использоваться для обозначения предметов, явлений, процессов, качеств, и т. д.» (стр. 52), роднящей словосочетание со словом и фразеологической единицей, позволяет значительно прояснить как языковую природу словосочетаний, так и их роль в языковой системе. Отказываясь в сущности от абстрактно-бесполезного спора по поводу того, являются ли словосочетания «строительным материалом» для предложений или же формируются и могут выделяться только в составе предложения (ср. «формально-синтаксический» подход к словосочетаниям), исследователь детально изучает лексико-грамматические особенности опорных слов и структуру их связей с другими словами словосочетания. Намечается разнообразие типов словосочетаний, различающихся по способности служить названиям и, соответственно, по степени спаянности компонентов; эти явления особенно наглядно прослеживаются в кругу адъективных словосочетаний: *легкий на ногу* (проворный), *крепкий на ухо* (глухой); *синий в клеточку*, *голубой с искрой*, *русский по отцу* и т. д. Такой подход позволяет вникнуть в механизм распространения словосочетаний, их усложнения и опрощения, их взаимоотношения со словообразовательными процессами. С этих позиций очень плодотворны наблюдения Н. Н. Прокоповича над формированием словосочетательных цепочек или блоков (*пишу письмо карандашом* не является простой суммой *пишу письмо* и *пишу карандашом*), за оборотами вроде *у него температура* вместо *у него высокая температура*, за образованием сложных слов из слововочетаний, за субстантивацией прилагательных и причастий и пр. Кроме чисто теоретического интереса, эти выводы и наблюдения имеют несомненное практическое значение; они, в частности, ведут к выработке принципов создания словаря словосочетаний русского языка, необходимого, например, для нужд преподавания русского языка иностранцам. Не подлежит сомнению культурно-историческое значение этих наблюдений, раскрывающих пути совершенствования, уточнения, упрощения и усложнения средств русского литературного выражения.

Плодотворным и конструктивным представляется и подход Н. Н. Прокоповича к анализу взаимоотношений между словосочетанием и предложением. В основу здесь, в сущности, кладется понятие разных степеней предикативности — понятие, сравнительно хорошо разработанное в англистике и чешском языкознании, но до сих пор почти не применявшееся к рассмотрению русского синтаксиса. В то же время не подлежит сомнению, что русские словосочетания четко поддаются разбиению, по крайней мере, на два типа: некоммуникативные, совершенно лишенные элементов предикации, использующиеся в языке только как средство номинации, и такие, в которых зависимый компонент несет в себе с большей или меньшей мерой отчетливости элемент предикативности (см. стр. 87). Последнее, хотя и не чуждо простым словосочетаниям, наблюдается главным образом в кругу словосочетаний усложненной структуры: *мысль о прибытии поезда*, *довольный праздничным обедом*; ср. также: *в интересах государства*, *на уровень мировых стандартов* и т. д. Н. Н. Прокопович показывает, как в русском языке исторически складываются словообразовательные цепочки, выявляя все новые, все более гибкие типы словосочетаний с возрастанием меры предикативности и близости к предложению. Это с графической наглядностью иллюстрируется анализом таких переходных от словосочетания к предложению случаев, как сочетания слов с зависимой придаточной частью, словосочетания в качестве вводно-модальных конструкций, словосочетания, возникающие как результат переразложения, и т. д. В ходе исследования разграничиваются окказиональные и категориальные сочетания слов, вскрываются исторические переходы первых в последние. Языковед-теоретик в книге Н. Н. Прокоповича найдет много материала для суждений о том, что словосочетания и предложения не разделены китайской стеной, что прямолинейность принятых представлений о явлении предикации заслуживает пересмотра и уточнения. Для лингвиста-практика особый интерес представят описания разнородных типов словосочетаний и анализ их внутренней структуры. Трудно недооценить значение наблюдений за распространением в современном языке устойчивых сочетаний прилагатель-

ного с зависимой придаточной частью (*таинственный потому, что...*; *веселый и любезный, когда оно выгодно*; *комбайн окажется достойным только в том случае, если он оправдает себя на полях*) для учения о культуре современной русской речи. Концепция разной степени предикативности ставит новые задачи перед экспериментальным исследованием русской интонации. Особенно перспективным кажется изучение того, что в англистике принято называть «вторичной предикацией», на фоне содержания высказывания, его цели, обстановки, стиля, эмоциональной окраски и пр.

Наблюдения Н. Н. Прокоповича над объемом словосочетаний и анализ исторических процессов — в основном на материале сочетаний с прилагательными в качестве стержневого слова — формирования усложненных словосочетательных цепочек или блоков, а также появления новых словосочетаний в результате переразложения ведут к важному выводу о том, что распространение словосочетаний не может быть бесконечным: «в силу принадлежности словосочетания к номинативным средствам языка его границы определяются возможностью выступать в качестве единого, хотя и расчлененного, сложного обозначения действия, предмета, качества. Усложнение словосочетания не может выходить за рамки тех отношений между компонентами, которые присущи словосочетанию как особой языковой единице» (стр. 70—71). Решение вопроса о минимальном и максимальном объеме словосочетания ставит на твердую почву проблему создания словаря словосочетаний, т. е. проблему инвентаризации словосочетаний в условной изоляции от предложения. Такой словарь имел бы громадное культурно-речевое и педагогическое значение, будучи в значительной степени словарем стилистическим. Для его разработки, однако, необходимо уделить гораздо больше внимания, чем это сделано в рецензируемой монографии, лексической словосочетаемости, которая, видимо, накладывает ограничения на грамматическое моделирование словосочетаний и — практически такая возможность не исключена — делает число широко употребляемых в речи словосочетаний определенно конечным (это, разумеется, не распространяется на окказиональные образования, особенно в сфере поэтической речи).

Проблема «отмеченных» и «неотмеченных» словосочетаний Н. Н. Прокоповичем не ставится, хотя он по традиции исследует лишь область первых. Экспериментальное опробование выделяемых моделей не проводится, хотя оно даже на основе личной интуиции могло бы дать любопытные результаты, подтверждающие, как нам кажется, сделанные в книге выводы. Самый элементарный опыт с опорой на любого носителя современного русского литературного языка подтвердил бы, расширил и уточнил, например, замечания о лексической ограниченности словосочетаний прилагательных с инфинитивом, их синонимии с иными типами словосочетаний и пр. Анализ «неотмеченных» сочетаний привел бы при этом к более четким заключениям об однообразии самого типа, самой модели и, соответственно, к более четким культурно-речевым рекомендациям; ср.: *признано целесообразным организовать*, *сочли возможным удовлетворить* и под. (см. стр. 386—387). Скованность зарегистрированными примерами приводит к вряд ли оправданному признанию уникальной моделью отдельных редких случаев: *с лица глупый* вызывает особый комментарий как нарушение сочетаний типа *с виду добротный*, *богатырь с виду* и пр. (стр. 266).

Другим недостатком рецензируемой книги является, по нашему мнению, отказ от строгой стилистической характеристики рассматриваемых словосочетаний. Есть все основания полагать, что характер используемых словосочетаний, частотность их типов, способы их объединения в предложения выступают важнейшим параметром функциональных стилей. Декларируя этот тезис в разных местах книги, Н. Н. Прокопович, однако, не следует ему при рассмотрении фактического материала даже там, где сам материал подсказывает его решение — например, при сопоставлении синонимичных словосочетаний, при рассмотрении возможных трансформ словосочетания; ср. хотя бы: *старший чином — старший по чину*, *приметный ростом — приметный по росту* (стр. 224), но *приятный ему — приятный для него*, *противный вам — противный для вас* (стр. 213). Можно заметить, что последние работы Н. Ю. Шведовой убедительно показали несходство процессов формирования словосочетаний в разных стилях и жанрах, из которых язык газеты выделяется активностью ряда типов словосочетаний, вряд ли вообще свойственных другим речевым сферам. Стилистический аспект исследования словосочетаний, строго говоря, и не входил в задачи исследователя, но он бы увеличил ценность книги. Впрочем нельзя не заметить явно недостаточное число примеров на функционирование дублетных словосочетаний, даже и не говоря о их стилистико-функциональном анализе и ограничиваясь их структурными особенностями. Наблюдения за историческими сдвигами в употреблении разных структур (см., например, числовые данные о распространении прилагательного *полный* родительным и творительным падежом на стр. 228) сами по себе недостаточные, хотя и любопытные,— и те в книге случайны и единичны. Сказанное, разумеется, не означает, что в книге вообще нет ценных частных на-

блюдений стилистического характера (см., например, анализ полных и кратких прилагательных в полупредикативной функции на стр. 197); интересна увязка разных способов актуализации элементов словосочетания с распределением этих моделей в зависимости от стиля на стр. 126 и 132; ср. также замечания о сочетаниях с предлогом *против* на стр. 184—185.

В заключение необходимо сказать о том, что рецензируемая книга отлично оформлена, лишена корректорских, стилистических и типографских погрешностей.

В. Г. Костомаров, Н. В. Кострома

«Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.» — М., изд-во «Наука», 1965. 276 стр.

«Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.» — М., изд-во «Наука», 1965. 194 стр.*

Закон ускоренного развития науки давно уже вошел в число общеизвестных истин. В равной мере общепринятым следует считать мнение, согласно которому этот закон накладывает вполне определенные обязательства на специалистов, работающих в области научной информации, в том числе (и, возможно, даже в первую очередь) на библиографов. Однако, как показывает практика, понимание этой достаточно тривиальной истины и выполнение указанных обязательств далеко не одно и то же. Особенно нетерпимым в этом отношении было положение в области гуманитарных наук, в частности в области языкознания. Тем более значителен факт выхода в свет рецензируемых указателей, знаменующий собой важный этап в создании достаточно полной лингвистической библиографии, отсутствие которой отрицательно сказывалось на развитии нашего языкознания.

Рецензируемые указатели войдут, безусловно, в число настольных книг каждого советского языковеда и обеспечат постоянный приток полноценной научной информации к его рабочему месту. Лингвисты и библиографы, принявшие участие в составлении указателей, проделали колоссальную работу и заслужили глубокую благодарность со стороны тех, кто интересуется вопросами общего, структурного и прикладного языкознания.

Рецензируемые указатели представляют собой плод совместного труда библиографов и лингвистов (в их числе и таких, как Б. А. Серебренников и А. А. Реформатский). Результатом этого сотрудничества явились работы, отличающиеся не только достаточно полным охватом материала, но и его тщательным подбором и продуманной систематизацией. Вопросы подбора и систематизации представляются нам особенно важными, поскольку их решение зависит в первую очередь от того, как представляет себе библиограф структуру соответствующей отрасли знания.

Что касается вопросов подбора документальной информации, то здесь хотелось бы особо отметить первый из рецензируемых указателей. Можно смело утверждать, что составителями ОЯ эти вопросы решены в полном соответствии с современным состоянием науки о языке. В частности, одной из характерных черт современного развития лингвистики (по крайней мере, синхронической) является интенсивное проникновение в нее идей и методов психологии (мы имеем в виду прежде всего те области психологии, которые занимаются изучением действий, состоящих в распознавании и порождении как знаков, так и более мелких единиц, например, звуков речи, репрезентирующих отдельные фонемы). Поэтому следует приветствовать включение в библиографические указатели лингвистической литературы материала по психологии, даже если этот материал не имеет прямого отношения к лингвистике в традиционном смысле этого слова, но посвящается изучению тех или иных аспектов коммуникативного акта. Правда, здесь же следует отметить, что, включив в ОЯ указания на целый ряд работ по психологии, составители допустили некоторые погрешности при систематизации этого материала. Во-первых, ничем (кроме прижившейся и весьма стойкой традиции) не оправдано включение таких разделов, как «Психология речи», «Восприятие речи», «Психология обучения чтению, письму, грамматике», «Проблема многоязычия» в раздел «Язык и мышление». В результате подобной систематизации под рубрику «Язык и мышление» подпали работы, вряд ли имеющие прямое отношение к указанной проблеме. Это относится, например, к работам И. А. Зимней (№№ 3049, 3050), к статьям, написанным с участием Л. А. Чистович (№№ 3068, 3070), к исследованию Г. Н. Мчедлишвили (3009); то же самое можно сказать о ряде лингвистических исследований, включенных в раздел «Проблема многоязычия» (см., напри-

* Первый из рецензируемых указателей для краткости далее будет именоваться ОЯ, второй — СПЯ.

мер, № 3138, 3140). Во-вторых, при систематизации документальной информации по психологии не всегда принималось во внимание то положение вещей, которое сложилось в этой науке к настоящему времени. Раздел «Психология речи» с необходимостью должен включать в себя такой, например, раздел, как «Восприятие речи», поскольку восприятие речи (наряду с внутренней речью, детской речью, многоязычием в его психологическом аспекте) изучается в рамках той отрасли психологической науки, которая носит название психологии речи [1].

Суммируя сказанное, можно было бы предложить следующую рубрикацию для материала, отнесенного составителями ОЯ к разделам «Язык и мышление» и «Детская речь»: I. Язык и мышление: 1) Язык и логика, 2) Психологические исследования; II. Психология речи: 1) Восприятие речи, 2) Внутренняя речь, 3) Психология обучения чтению, письму, грамматике, 4) Проблема многоязычия (психологический аспект), 5) Детская речь (психологические исследования).

Часть указаний из раздела «Психология речи» войдет, очевидно, в раздел «Язык и мышление». Мы думаем, что в данном случае дублирование было бы вполне уместным. Что же касается разделов «Язык жестов», «Проблема многоязычия (лингвистический аспект)», «Детская речь (лингвистические исследования)», то их можно было бы поместить сразу вслед за указанными двумя разделами под обособленными рубриками.

Надо сказать, что составители рецензируемых указателей избегают дублирования литературы подчас в ущерб четкости и стройности классификации. Между тем дублирование, если оно обосновано, не только желательно, но и необходимо, поскольку оно облегчает пользование указателями. Кстати сказать, это, очевидно, хорошо понимают и составители; например, в разделе «Математическая лингвистика» (СПЯ) дублированы работы Р. Л. Добрушина (№ 320, дубль № 510), О. С. Кулагиной (№ 15, дубль № 513), И. И. Ревзина (№ 100, дубль № 517; № 27, дубль № 520), Н. Хомского (№ 131, дубль № 530). Необходимость (или, по крайней мере, полезность) этих повторений очевидна. То же можно сказать об описаниях целого ряда работ, включенных одновременно и в ОЯ и в СПЯ. Но, например, ничем не обосновано включение работы И. Т. Бжалава «Речь шизофреников» (№ 2813) в раздел «Приложения лингвистики в медицине» (СПЯ) без ее повторения в разделе «Лингвистические и лингвопсихологические вопросы патологии речи». Кроме того, в разделе «Язык и логика» (ОЯ) следовало бы, как нам кажется, дублировать некоторые описания, содержащиеся в СПЯ, в частности в разделе «Лексикология. Семантика. Стилистика»,— имеются в виду такие работы, как «Значение и необходимость» Р. Карнапа (СПЯ, № 434) и статья Д. Г. Лахути, И. И. Ревзина и В. К. Финна «Об одном подходе к семантике» (СПЯ, № 439). Там же следовало поместить указание на работу В. В. Бирюкова «Теория смысла Готлоба Фреге» из сборника «Применение логики в науке и технике», М., 1960, стр. 502—555 (кстати, описания этой работы нет также и в СПЯ). Кроме того, коль скоро в указатели включался материал по логической семантике, следовало бы дать в них описания всех работ, содержащих к р и т и к у логической семантики. Между тем, из поля зрения составителей ОЯ и СПЯ выпал труд И. С. Нарского «Современный позитивизм» (М., 1961; имеется в виду глава, носящая название «Логическая семантика и неопозитивизм об истине. Вероятность и метод верификации», стр. 363—408).

Ряд пробелов обнаружен нами в описаниях литературы по психологии речи, изданной в Грузинской ССР. Хотя в указателях представлена обширная литература, изданная в Грузии (в том числе на грузинском языке), составители, однако, оставили без внимания почти все тома трудов Института психологии АН ГрузССР им. Д. Н. Узнадзе, выходящих под общим названием «Психология» (эти труды не упоминаются и в приложенных к указателям списках источников на языках народов СССР, хотя некоторые работы, опубликованные в этих трудах, в указатели включены; см. № 3023, 3645—3647 в ОЯ и № 2813 в СПЯ), а также некоторые другие издания, содержащие работы по психологии речи. В результате из поля зрения составителей выпали такие работы акад. Д. Н. Узнадзе, как «Внутренняя форма языка» («Психология», IV, Тбилиси, 1947; на груз. яз.) и «Психологические основы наименования» (Сочинения, Тбилиси, 1956; на груз. яз.), несомненно, представляющие определенный интерес для лингвиста [2]. Этот пробел представляется тем более странным, что обе статьи упоминаются в библиографии, приложенной к работе Р. Г. Натадзе «Вопросы мышления и речи в трудах психологов Грузин-

[1] В настоящее время входит в моду термин «психолингвистика». Нам кажется, что, как правило, этот термин синонимичен термину «психология речи». См., например, определение психолингвистики в книге: C. E. O s g o o d, T. A. S e b e o k, Psycholinguistics, Bloomington — London, 1965, стр. 4.

[2] Кстати, обе упомянутые работы вошли в сборник работ этого ученого, недавно изданный на русском языке: Д. Н. У з н а д з е, Психологические исследования, М., 1966.

ской ССР», которая описана в ОЯ под № 3011 и в которой указываются, кстати, все тома «Трудов Института психологии ГрузССР», изданные за период с 1942 по 1957 г. Укажем здесь — в соответствии с принятым составителями стандартом — работы из этих «Трудов», которые, на наш взгляд, представляют интерес не только для психологов, но и для лингвистов и мимо которых, следовательно, не должны были пройти составители рецензируемых указателей:

А. М. Авалишвили, Психологический анализ некоторых ошибок учащихся в русском письме, «Труды Ин-та психологии АН ГрузССР», 9, 1954, стр. 135—148 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

Б. Г. Ананьев, К психопатологии и психологии внутренней речи, там же, 3, 1945, стр. 1—20 (резюме на англ. яз.);

И. Т. Бжалава, Фиксированная установка при поражении «речевых зон» коры головного мозга, там же, 5, 1948, стр. 209—253 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

А. Т. Бочоришвили, Выражение и значение (Husserl), там же, 1, 1942, стр. 83—101 (на груз. яз.);

Н. В. Имедадзе, К психологическому анализу процесса одновременного овладения двумя языками, там же, 11, 1957, стр. 255—285 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

Е. Д. Кежерадзе, Роль слова в запоминании и некоторые особенности памяти ребенка, там же, 8, 1953, стр. 65—102 (на груз. яз.);

К. Д. Мдивани, Психологические вопросы развития письменной речи, там же, 10, 1956, стр. 151—182 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

А. Н. Мосиава, К проблеме объективизации речи в связи с началом обучения грамоте, там же, 5, 1948, стр. 1—25 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.); его же, Психологический анализ предбукварного периода обучения грамоте, там же, 7, 1950, стр. 99—140 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.); его же, Психологический анализ процесса письма, там же, 8, 1953, стр. 1—63 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

Р. Г. Натадзе, К онтогенезу овладения понятием из контекста, там же, 8, 1953, стр. 103—140 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

Д. И. Рамишвили, К психологии выразительных возможностей размеренной речи, там же, 7, 1950, стр. 191—236 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.); его же, К психологической природе слов, выражающих научные понятия, там же, 12, 1960, стр. 97—122 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

Э. В. Табукашвили, К вопросу овладения грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого в начальной школе, там же, 9, 1954, стр. 149—167 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

З. И. Ходжава, К психологии фонетической ассимиляции и диссимиляции, там же, 9, 1954, стр. 61—106 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

Н. В. Чрелашвили, К психологии речи, там же, 9, 1954, стр. 169—190 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Чтобы покончить с вопросом полноты охвата материала в ОЯ и СПЯ, приведем еще некоторые работы, которые, по нашему мнению, следовало бы отразить в рецензируемых указателях:

Т. И. Абрекова, О семантическом соответствии между многозначными словами разных языков, «Сборник трудов по языкознанию [Воен. акад. Сов. Армии]», № 3, 1959, стр. 17—31;

Г. С. Ахвледиани, Изменение и развитие языка с точки зрения нормализации литературного языка, в кн.: «Научная сессия в Тбилисск. гос. ун-те 19—21 июня 1953 г. План работы и тезисы докладов», Тбилиси, 1953, стр. 1—2 (на груз. яз.);

Л. Л. Буланин, К вопросу о синтагме, «Филологический сборник студенческого научного общества [Ленингр. ун-та. Филол. фак-т]», I, Л., 1957, стр. 3—22;

М. С. Веденькова, Об абсолютном и относительном употреблении временных форм, в кн.: «Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы в 1961—1962 учебном году [Челябинск. пед. ин-та]», Челябинск, 1962, стр. 12—17;

Г. Гарегинян, Союз как часть речи, «Изв. АН АрмССР. Обществ. науки», 8, 1957, стр. 101—114 (на арм. яз.);

А. Н. Гвоздев, К вопросу о фонеме, в кн.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка. Труды первой научной конференции кафедр русского языка пед. ин-тов Поволжья (6—9 мая 1957 г.)», Саратов, 1959, стр. 5—8;

А. В. Десницкая, Из истории развития категории глагольной переходности, в кн.: «Памяти академика Льва Владимировича Щербы», Л., 1951, стр. 136—144;

С. М. Жгенти, Новый пневмо-осциллографический метод изучения абруптивов (смычно-гортанных) и фарингальных согласных, Тбилиси, 1961, 7 стр. (IV Международный конгресс по фонетическим знаниям);

С. Жгенти, Проблема фонемы в советском языкознании, «Труды Тбилисск. ун-та», 55, 1954, стр. 189—211 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

И. Запорожан, К вопросу об исторических омонимах, «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1962, 4, стр. 16—22 (на молд. яз.);

А. Кизирия, К вопросу о синтагме, «Труды Тбилисск. ун-та», 53, 1954, стр. 202—215 (на груз. яз., резюме на русск. яз.);

Н. Корлэтяну, Литературный язык и язык писателя, в кн.: «Исследования по

молдавскому литературному языку», Кишинев, 1960, стр. 5—18 (на молд. яз.);

А. Л. Лев и Ю. А. Янс, Техника работы над словарем, «Научн. труды Харьковск. горного ин-та», 12, 1962, стр. 45—49;

Ю. Л. Лясота, Понятие о контекстуальной (метафорической) группе, «Уч. зап. Дальневост. ун-та», 5 (Серия филол.), Владивосток, 1962, стр. 93—98.

П. В. Попов, Категория объективной действительности и категория мышления в их отношении к категориям предложения, «Уч. зап. Винницк. пед. ин-та», 20. Кафедра русск. яз. и лит-ры, 1962, стр. 3—14;

И. Б. Рамишвили, Вопрос взаимоотношения языка и речи в теории Алана Гардинера, в кн.: «Иберийско-кавказское языкознание», 13, Тбилиси, 1962, стр. 31—44 (на груз. яз.; резюме на русск. яз.);

И. П. Распопов, Синтаксические категории в отношении к основным функциям языка, в кн.: «Материалы VI межобластной конференции языковедов Поволжья. Краткие доклады», Ульяновск, 1962, стр. 53—56;

Э. Г. Ризель, Существует ли стиль обиходной речи (На материале современного немецкого языка), в кн.: «Иностранные языки в высшей школе», М., 1962, стр. 10—18;

О. Н. Савченко, Ознаки частин мови, УМШ, 1957, 4, стр. 7—15;

А. М. Сухотин, Стилистика лингвистическая, «Лит. энциклопедия», XI, М., 1939, стлб. 37—40 (подписано: А. С.);

В. П. Хворов, Предикативность как признак предложения, в кн.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка», 2, Чебоксары, 1962, стр. 93—107;

П. В. Чесноков, К вопросу о языковом значении, в кн.: «Доклады VI научно-теоретической конференции Таганрогск. пед. ин-та», Таганрог, 1962, стр. 259—273;

А. В. Чичерин, Спорные вопросы изучения языка и стиля художественной литературы, в кн.: «Питання слов'янознавства», Львів, 1962, стр. 259—272;

Т. С. Шарадзенидзе, Концепция неолингвистики о языке, в кн.: «Иберийско-кавказское языкознание», 13, Тбилиси, 1962, стр. 7—30 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Как это легко заметить, отмеченные нами пропуски касаются главным образом статей из так называемых сборников смешанного содержания. А этот вид литературы, как известно, труднее всего поддается учету. Именно здесь наиболее вероятны пропуски. Не избежали их и составители рецензируемых указателей.

Остановимся подробнее на систематизации материала в СПЯ. Не представляется бесспорным объединение в рамках одного библиографического указателя материала по двум столь различным дисциплинам, как структурная лингвистика и прикладное языкознание. Конечно, настаивая в своем предисловии к СПЯ на том, что «сейчас сочетание слов структурная и прикладная лингвистика представляется вполне естественным и закономерным» и что «структурная лингвистика подготовила бурное развитие прикладной лингвистики» (СПЯ, стр. 3), составители совершенно правы, если они имеют в виду такие отрасли прикладного языкознания, как автоматический перевод, автоматизация лингвистических исследований и информационные языки. Если же обратиться к таким отраслям прикладного языкознания, как, например, лингвистические и лингвопсихологические вопросы сурдопедагогики, то их связь со структурной лингвистикой менее органична и еще менее очевидна, и здесь правильнее было бы говорить лишь о приложениях структурной лингвистики. Думается, что объединение в рамках одного указателя по существу двух различных библиографий следует рассматривать как дань тому самому временному компромиссу, о котором писал Р. Л. Добрушин в статье «Лингвистика и практика» (Изв. 28 II 1966).

До сих пор еще бытует крайне вредное и ошибочное мнение, согласно которому структурная лингвистика имеет право на существование лишь вследствие своей приложимости к решению некоторых практических задач. Вполне естественно, что для тех, кто держится этого мнения, сочетание слов «структурная лингвистика» «не звучит» — до тех пор, пока мы не присовокупим к нему определение «прикладная». Однако коллективу составителей СПЯ, высококомпетентному в вопросах современной лингвистики и, как это явствует из предисловия к СПЯ, не разделяющему указанного узко утилитаристского взгляда, следовало бы, пожалуй, настаивать либо на издании вместо СПЯ двух библиографических указателей («Структурная лингвистика и ее приложения» и «Прикладное языкознание»), либо на объединении в рамках одного указателя объемом в 50—60 печатных листов материала ОЯ и СПЯ под общим названием «Общее и прикладное языкознание». В первом случае разделение СПЯ больше соответствовало бы структуре современной науки о языке, хотя и вынудило бы пойти на дублирование многих записей. Во втором случае была бы лишний раз подчеркнута идея единства науки о языке и сведена к минимуму необходимость в дублировании, да и читателю это было бы удобнее.

Что касается систематизации материала по структурной лингвистике, то здесь составители неизбежно должны были столкнуться со значительными трудностями, поскольку структура самой структурной лингвистики все еще не опреде-

лилась с достаточной четкостью. Например, не так-то легко решить вопрос, следует ли выделять в качестве особого раздела структурной лингвистики раздел «Модели языка» (и, соответственно, вводить в библиографический указатель особую рубрику). Ввиду многочисленности работ по «моделям языка» можно было ожидать, что указанный раздел будет выделен. Однако составители СПЯ не ввели в указатель рубрику «Модели языка», и, как нам кажется, поступили правильно, поскольку термин «модель» используется в лингвистике в самых различных значениях [3], вследствие чего возникает опасность объединения под этой рубрикой самого разнородного материала. Столь же тщательно и продуманно подобраны и другие рубрики. Особо следует приветствовать наличие в указателе рубрики «Язык лингвистики». Четкой и детализированной рубрикацией отличается раздел, содержащий материалы по автоматическому переводу. В общем, вопросы отбора и систематизации материала по структурной лингвистике составителями СПЯ решены вполне удовлетворительно. Единственное замечание, которого, с нашей точки зрения, заслуживает СПЯ в этом пункте, касается решения, вследствие которого «работы, предвосхищающие новое направление (т. е. структурную лингвистику.— *Т. Г., А. Х.*), но не являющиеся структуралистскими в современном понимании этого термина, какими бы блестящими они ни были, остались за пределами указателя» (СПЯ, стр. 4). Это решение представляется нам несколько спорным. Такие работы можно было бы ввести в указатель под общей рубрикой «Работы предшественников структурной лингвистики». Впрочем перечень работ в предисловии к СПЯ призван в некоторой мере компенсировать этот пробел.

В виде такого же «сверхпланового» перечня можно было бы дать рекомендательный список некоторых работ по математике и кибернетике, которые могли бы принести пользу в процессе изучения математической лингвистики.

В заключение отметим, что большинство наших замечаний высказано в порядке обсуждения; отдельные недочеты, указанные в настоящей рецензии, ни в коем случае не умаляют достоинств работы, проделанной коллективом составителей ОЯ и СПЯ и заслуживающей самой высокой оценки. Указатели, явившиеся предметом нашего обсуждения, принесут, несомненно, большую пользу всем тем, кто работает в области науки о языке. В связи с этим хотелось бы высказать последнее критическое замечание — по поводу тиражей, которыми были изданы ОЯ и СПЯ. Мизерность тиражей явно не соответствует полезности рецензируемых изданий (соответственно — спросу на них) и прямо-таки вызывает удивление. Поэтому мы полагаем, что повторное издание обоих указателей не только желательно, но и совершенно необходимо.

Т. В. Гамкрелидзе, А. У. Хараш

[3] Вопрос об омонимичности термина «модель» рассматривается специально, например, в статье: Чжао-Юань-Жень, Модели в лингвистике и модели вообще, сб.: «Математическая логика и ее применения», М., 1965.

A.-J. Greimas. **Sémantique structurale.** Recherche de méthode. — Paris, Librairie Larousse, 1966, 262 стр.

Семантика в наше время все больше привлекает к себе внимание научно-теоретической мысли[1], став не только объектом изучения собственно лингвистики, но и одной из ведущих дисциплин современной философии и символической логики. Именно семантика находится сейчас в центре интересов многих смежных дисциплин, стоящих на грани психологии и антропологии (семиотика, паралингвистика и др.)[2], именно семантические проблемы являются основным камнем преткновения для разрешения ряда принципиальных вопросов прикладной лингвистики, например, проблемы семантического синтеза и так называемых семантических универсалий.

Тем не менее, несмотря на определенные успехи в исследовании ряда частных семантических проблем, которые носят в основном прикладной характер (ср. определение значения посредством статистического и трансформационного анализа, «измерение значения», выведение формулы семантической

[1] Ср. справедливое замечание Хенле Христенсена (в кн.: N. E. Christensen, On the nature of meanings, Copenhagen, 1961, стр. 1): «Вряд ли было бы преувеличением утверждать, что проблема значения является проблемой нашего века».

[2] Ср.: B. N. Colby, Ethnographic semantics. A preliminary survey, «Current anthropology», Chicago, 1966, 7, 1; его же, The analysis of culture content and patterning concern, «American anthropology», 68, 2, pt. 1, 1966; J. A. Garraty, The application of content analysis to biography and history, сб. «Trends in content analysis», Urbana, 1959.

близости и т. д.) [3], до сих пор не разработаны достаточно надежные теоретические основы семантики, даже не выделен единый объект ее изучения как самостоятельной дисциплины: нет, в частности, единого определения значения [4], остается открытым вопрос о причинах и закономерностях семантических изменений [5], нет определения сущности семантической связи, не решен вопрос о том, может ли семантика изучаться структурными методами вообще. Множественность противоречивых теоретических подходов, терминологическая путаница, отсутствие единых методологических установок, неопределенность и неустойчивость основных понятий — вот те моменты, которые наиболее характерны в настоящее время для семантики, особенно для семантики структурной, делающей лишь первые шаги в науке (ср. анализ по семантическим составляющим [6], теорию семантических полей [7], исследование семантики через синтаксис [8] и др.).

Как известно, большинство исследователей в области семантики, основываясь главным образом на соссюровской дихотомии «означаемое» — «означающее», на понятиях математической логики (ср. так называемую «общую семантику», наиболее развитую представителями «венского кружка») и бихевиоризма, нередко отрывают форму от значения, односторонне исследуя значение в ущерб форме или форму в ущерб значению [9]. Весьма характерно в связи с этим, что при исследовании значения общее нередко выдается за частное, единичное за целое и, наоборот, частное принимается за общее, а целое за единичное. Многие исследователи искусственно рассекают живую ткань языка или, наоборот, соединяют несоединимые явления, принося научную объективность в жертву кажущейся оригинальности решения или его «новизне» по сравнению со взглядами своих оппонентов.

В условиях подобных теоретических расхождений [10] появление фундамен-

[3] Ср.: H. Fischer, Die Messung der semantischen Bedeutung «Schweizer Zeitschrift für Psychologie», 23, 2, 1964; C. E. Osgood, G. J. Suci, P. H. Tannenbaum, The measurement of meaning, Urbana, 1957; R. S. Wells, A mathematical approach to meaning, CFS, 15, 1957. Определение значения нередко является средством филологического анализа. Ср.: E. Struck, Die Bedeutungslehre als Mittel bei der altsprachlichen Lektüre, Berlin, 1959.

[4] Ср.: C. Ogden, I. Richards, The meaning of meaning, London, 1953; J. L. Cohen, The diversity of meaning, London, 1962; P. Ziff, Semantic analysis, New York, 1960. О разнообразии семантической терминологии см.: L. Rosiello, La semantica: note terminologiche ed epistemologiche, «Archivio glottologico italiano», XLVII, 1962.

[5] Ср.: J. Cremona, Historical semantics and the classification of semantic changes, сб. «Hispanic studies in honour of I. Gonzalez Llubera», Oxford, 1959.

[6] Ср.: H. Conclin, Lexicographical treatment of folk taxonomies, «Problems in lexicography», 1962; W. H. Goodenough, Componential analysis and the study of meaning, «Language», 32, 1956; M. Joos, Semology: a linguistic theory of meaning, «Studies in linguistics», 13, 1958.

[7] Ср., например, S. Öhmann, Wortinhalt und Weltbild. Vergleichende und methodologische Studien zur Bedeutungslehre und Wortfeldtheorie, Stockholm 1951; W. Betz, Zur Überprüfung des Feldbegriffs, KZ, 71, 1954.

[8] Ср., например: Ю. Д. Апресян, Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления), ВЯ, 1965, 5; M. Bierwisch, Eine Hierarchie syntaktisch-semantischer Merkmale, «Studia Grammatica», V, Berlin, 1965; P. von Hartmann, Syntax und Bedeutung, 1, Assen, 1964.

[9] См.: Th. Longbaugh, General semantics. An introduction, New York, 1957; сб. «Language, meaning and maturity», New York, 1954; M. Gorman General semantics and the contemporary, thomism, University of Nebraska press, 1962; A. Church, The need for abstract entities in semantic analysis; сб. «The structure of language», Englewood Cliffs, 1964; J. C. Condon, A bibliography of general semantics, ETC, 22, 1, Bloomington, 1965. Ср. также сходную с теорией семантических полей концепцию Л. Вейсгербера, трактующего эту категорию в свете неогумбольдтианской философии. См.: L. Weisgerber, Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen, Düsseldorf, 1963; его же, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, Düsseldorf, 1962; его же, Sprachwissenschaft und Philosophie zum Bedeutungsproblem, «Blätter für deutsche Philosophie», 4, 1930—1931; А. А. Уфимцева, Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка, сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1964; М. М. Гухман, Лингвистическая теория Л. Вейсгербера, там же.

[10] Основные семантические теории и методы, выдвинутые до сих пор, можно свести к следующему: 1) психологическая интерпретация значения (М. Бреаль); 2) «лингвистический механицизм» (Л. Блумфилд), отождествляющий зна-

тального обобщающего труда, посвященного систематическому исследованию основных теоретических проблем семантики в структурном плане и поискам новых путей, новых оригинальных методов — явление весьма редкое, и заслуживает самого пристального внимания. Рецензируемая монография А.-Ж. Греймаса задумана автором не только как своеобразный теоретический компендиум по современной лингвистической семантике, содержащий итог основных достижений этой дисциплины, но и как труд, излагающий собственную концепцию автора. Основной целью книги А.-Ж. Греймаса является поиск адекватных научных методов семантического исследования (это специально подчеркивается в заголовке). Разделяя основные идеи Леви-Строса (изложенные главным образом в его работе «Pensée sauvage»), автор понимает семантику в слишком широком смысле: по А. Греймасу, семантика — это дисциплина, основной целью которой является выяснение смысла не только языковых реалий, но и исторических событий, литературных произведений и человеческого поведения вообще. Только семантика, по словам автора, может явиться тем «общим знаменателем», который должен пронизывать и объединять все науки гуманитарного цикла (историю, антропологию, литературоведение и др.). В связи с этим Греймас настаивает на необходимости систематического исследования «суперструктур» культуры в рамках общей антропологии. Уже с самого начала А. Греймас пытается, таким образом, создать тот семантический универсализм, своего рода ars magna, о котором безуспешно мечтали многие философы и лингвисты прошлого, начиная с Р. Луллия и Г. Лейбница [11] и кончая современными исследователями семантики в целях автоматической документации [12]. С другой стороны, подход А.-Ж. Греймаса в большей мере перекликается также с концепцией, согласно которой язык «формирует мир» для говорящего, является его мировоззрением, причем устанавливаются определенные связи (а если возможно — и соответствия) между языком, мышлением и культурой того или иного народа. Эта концепция, как известно, представлена в американской лингвистике так называемой гипотезой Сепира — Уорфа, а в Европе — в теориях неогумбольдтианской этнолингвистики [13].

Рецензируемая книга Греймаса состоит из следующих 12 глав: 1) «Предпосылки научной семантики»; 2) «Элементарная структура значения»; 3) «Язык и речь»; 4) «Манифестируемое значение»; 5) «Семиологический уровень»; 6) «Изотопия речи»; 7) «Организация семантической всеобщности»; 8) «Описание значения»; 9) «Процедуры описания»; 10) «Мысли о моделях действия» (modèles actantielles); 11) «Исследование трансформационных моделей»; 12) «Образец описания». В теоретическом плане Греймас исходит в основном из следующего. Лексема (материальная оболочка слова) может соответствовать либо одной семеме (в свою очередь эта последняя может

чение непосредственно с денотатом; 3) «контекстная» теория значения, понимание значения как серии функций (английские структуралисты, особенно Дж. Фёрт); 4) теория Т. Шпербера, сводившего значение в основном к «эмоциональному (аффективному) комплексу», проявляемому в словосочетании; 5) теория коммутации Л. Ельмслева; 6) компонентный анализ (американские структуралисты, в частности, Лаунсбери); 7) пренебрежение значением и замена его дистрибуцией (З. Харрис) или оперирование значением как гипотетической величиной (Л. Антал, К. Базелл). См.: H. Kronassor, Handbuch der Semasiologie, Heidelberg, 1952; G. Lepschy, La linguistica strutturale, Torino, 1966, стр. 152 и сл.; сб. «Основные направления структурализма», М., 1964; U. Weinreich, On the semantic tructure of language, сб. «Universals of language» ed. by J. Greenberg, Cambridge (Mass), 1963. E. Gamillscheg, Streifzüge auf dem Gebiet der Bedeutungslehre, Mainz — Wiesbaden, 1958. Ср. также: T. A. Sebeok, Linguistics without meaning, IJAL, Mem. 8, 1953; D. Gerhardt, Mit oder ohne Inhalt, ZfPhon, VIII, 1954. Ср. критику различных концепций значения в кн. Н. Христенсена.

[11] Ср.: R. Lullus, Ars generalis (XIII век); G. W. Leibnitz, Dissertatio de arte combinatoria, 1666, ср.: L. Couturat, La logique de Leibnitz, Paris, 1901; F. N. Huberti, Leibnizens Sprachverständnis, «Wirkendes Wort», VI, 1966 (Лейбниц выделял инвентарь в $9^6 = 531.441$, а Кутюра в $511^6 = 17.804.320$ «универсальных» семантических единиц.) Логические упражнения Лейбница нашли выражение в многочисленных «всеобщих» словарях, наиболее известным из которых является словарь П. С. Палласа.

[12] Ср.: G. Mounin, Sémantique et mécanographie, «Machine translation», 6, 1961, стр. 72—75; M. Coyaud, Introduction à l'étude des langages documentaires, Paris, 1966.

[13] Ср.: G. L. Trager, The systematization of the Whorf hypothesis, «Anthropological linguistics», 1959, 1; E. Sapir, Conceptual categories in primitive languages, «Science», 74, 1931; B. L. Whorf, Language, thought and reality, London, 1956; H. Basilius, Neo-Humboldtian ethnolinguistics, «Word», VIII, 2, 1952.

подразделяться на более мелкие значимые единицы — семы), либо нескольким семемам.

Чисто количественно манифестация семемы в контексте не соответствует аналогичной манифестации лексемы, ибо семема представляет собой сумму элементов значения, покрываемых лексемой («ядерные» семы), плюс элементы значения, вскрываемые в контексте (классемы) [14]. Излагая свою концепцию, Греймас нередко противоречит сам себе относительно того, скольким семемам должна соответствовать лексема. Греймас постулирует обязательность (позитивной или негативной) семантической корреляции (ср. *haut* vs. *bas*) между членами-объектами (resp. лексемами) как необходимую предпосылку значения, в связи с чем он вводит понятие так называемых «семантических осей» [(это понятие у Греймаса ничем не отличается от понятия семантического, или ассоциативного, поля по Ипсену и Триру: речь идет о чисто логической схеме, искусственно налагаемой на языковые факты, в которую включаются элементы, обладающие сходными или противоположными свойствами (Греймас соответственно говорит о конъюнкции и дисъюнкции)]. Греймас не учитывает высказывавшиеся в последнее время весьма плодотворные идеи (см. статью А. Мартине в «Lingua», XI, 1962) о количественной и качественной неоднородности и неравноценности различных значений и отдельных элементов значения слова.

Инструментом описания семантических реалий служит, по Греймасу, определенный метаязык (ср. такие метаязыковые описания, как пространственность, количество, вертикальность, горизонтальность и т. д.) или даже несколько метаязыков (выделяются: 1) описательный, 2) методологический и 3) эпистемологический метаязыки), позволяющие установить наличие или отсутствие у изучаемых членов-объектов определенного набора тех или иных совпадающих или несовпадающих свойств (своего рода семантических дифференциальных признаков). Именно метаязык, противопоставляемый Греймасом языку-объекту, дает возможность, по его мнению, установить корреляцию маркированных и немаркированных семантических элементов. Количество семем, включенных в «семантическую ось», соответствует, по Греймасу, количеству входящих в нее членов-объектов. Отрывая форму от содержания, Греймас утверждает, что никакая классификация означаемых невозможна на основе означающих. «Значение, — пишет он, — независимо от природы означающего, благодаря которому оно манифестируется» (стр. 11). Греймас далее дает классификацию означающих [1) зрительные; 2) слуховые; 3) осязательные] и устанавливает совпадения и несовпадения последних с разного рода означаемыми. Основой семантики Греймас считает превращение открытого семантического множества в замкнутую семантическую всеобщность (univers). Греймас дает следующее определение семантической структуры (стр. 28): «Структура—это способ существования значения, характеризуемый наличием выраженного отношения (*rélation articulée*) между двумя семемами».

Усматривая в языке вслед за Ф. де Соссюром уровень имманентности и уровень манифестации, Греймас, анализируя семантику, постулирует здесь семантический и семиологический уровни. Семиологический уровень, по Греймасу, это «совокупность семических категорий и систем, расположенных и доступных (saisissables) в плане восприятия» (стр 64). Семиологические категории отражают влияние внешнего мира (т. е. экстралингвистические факторы) на категорию значения (стр. 65).

В дальнейшем Греймас применяет свои принципы к анализу более длинных отрезков речи и даже целых художественных произведений («vastes ensembles signifiants recouverts par les langues naturelles»), рассматривая каждый из выделяемых им (бо́льших или меньших) отрезков речи сквозь призму тех или иных метаязыковых (субсемемных) фигур, устанавливая правила существования различных семантических микроуниверсов (resp. рядов сообщений) и проводя их трансформационный анализ [15].

Греймас рассматривает речь как последовательность (или набор, инвентарь) детерминаций (функций), выступающих в виде определенной синтаксической иерархии, устанавливающей гипотаксические отношения между небольшим числом семем — функциями, действующими лицами (actants) и обстоятельствами (circonstances).

Автор пытается установить изотопию (выделение дискретных суперструктур смысла независимо от протяженности выражающих их отрезков речи, выражение различными по длине отрезками речи смысловых содержаний,

[14] Термин Б. Потье. См.: B. P o t t i e r, Vers une sémantique moderne, «Travaux de l'Institut de linguistique et de littérature», I, 1964. Ср.: L. J. P r i e t o, Principes de noologie, The Hague, 1964; C. E. B a z e l l, The sememe, «Litera», Istanbul, 1, 1954; W. H a a s, Semantic value, «Proceedings of the IX International congress of linguist», 1964.

[15] Ср.: L. A n t a l, Interpretation and transformation, «Linguistics», 2, 1963; S. A b r a h a m, F. K i e f e r, A theory of structural semantics, The Hague, 1966.

находящихся как бы в одной плоскости)[16], в связи с чем он различает: 1) экспансию (семантическая эквивалентность нескольких единиц коммуникации разной протяженности, широко используемая в определениях слов в словарях, ср. англ. *potato*, но франц. *pomme de terre*); экспансия, по мнению Греймаса, доказывает металингвистическое функционирование речи; 2) конденсацию (явление, противоположное экспансии); 3) транслативную деноминацию (ср. франц. *tête d'âne*, *tête de loup* > «noms de plantes», *tête de chien* > «nom de serpent»). В связи с этим Греймас в своем анализе учитывает семантическую нейтрализацию и наличие избыточных семантических единиц.

По Греймасу, синтагма, объединяющая по меньшей мере две семические фигуры, может рассматриваться как минимальный контекст, позволяющий установить изотопию. В свою очередь высказывание позволяет проверить изотопию составляющих его синтагм; изотопия же высказывания должна проверяться во фразе.

Многие процедуры Греймаса очень напоминают методы В. Проппа (этого не скрывает и сам автор, ср. стр. 192 и сл.). Как известно, В. Пропп после описания функций (т. е. «конденсации» синтагматических единиц повествования в семантические константные единства) предлагает двоякое рассмотрение русской сказки [17], а именно: 1) на основе соотношения описанных им функций и действующих лиц, с которыми они соотнесены (каждая «сфера действия» определяет одно определенное действующее лицо), и 2) на основе рассмотрения одних только функций. В. Пропп считает, что сказка характеризуется достаточно компактным набором функций и обязательным порядком следования их друг за другом. Греймас пытается значительно редуцировать инвентарь функций Проппа и интерпретировать порядок их следования друг за другом в свете трансформационного анализа. В конце книги дается пример анализа текста из произведений Ж. Бернаноса.

Первое, что бросается в глаза при чтении книги Греймаса — это отсутствие единой теоретической и методологической основы его построений. С одной стороны, Греймас открыто постулирует и проводит в жизнь коммутационный анализ Л. Ельмслева в плане выявления чистых отношений и «имманентных» явлений языка на основе чисто формальной процедуры, с другой стороны, Греймас придает этому анализу тот же смысл, который характерен для американских сторонников «компонентного анализа» значений, т. е. пытается связать языковые явления с культурой данного народа, исследует этнолингвистические реалии. Одновременно с этим Греймас использует принцип контекстного анализа значения в смысле, приданном ему английскими структуралистами (Фёрт, Холлидей), а также изучает значение не только отдельных лексем, но и целых периодов или даже текстов (об этом, как известно, говорили еще К. Бюлер, Дж. Рис, Х. Ульдалль, А. Фрей и др.) [18], причем эти периоды вводятся в определенной последовательности (ср. иерархию фонем). Кроме того, как уже говорилось, Греймас пользуется понятием семантических полей (у Греймаса «семантическая ось») в смысле Ипсена — Трира. Греймас молчаливо исходит из возможности одинакового подхода к значениям не только отдельных слов, но и предложений и целых периодов текста (до сих пор является спорным вопрос о том, в каких случаях в словосочетании мы имеем дело с одним значением и в каких с несколькими, и вообще равно ли число значений в словосочетании или предложении количеству составляющих их слов [19]). Видимо, Греймас вообще не четко различает границы семантических единиц различной протяженности. В этой связи плодотворным представляется высказывание Антала о том, что предложение следует рассматривать как минимальную единицу содержания и в то же время как максимальную единицу значения.

Что касается существа методологии Греймаса, то здесь прежде всего невольно вспоминается известный спор средневековых философов-реалистов и номиналистов о первичности или вторичности общих понятий, о том, что присуще непосредственно природе вещей и что в нее вносится искусственно извне субъективным восприятием человека. В самом деле, не совсем ясно, на каком основа-

[16] Ср. установление изотопии на уровне фонем: H. K u č e r a, Statistical determination of isotopy, «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964.

[17] Ср.: В. Я. П р о п п, Морфология сказки, Л., 1928. Ср.: А. Ж о л к о в с к и й, Ю. Щ е г л о в, Структурная поэтика — порождающая поэтика, «Вопросы литературы», 1967, 1; ср. R. P. A r m s t r o n g, Content analysis in folkloristics, сб. «Trends in content analysis», Urbana, 1959.

[18] Ср.: K. B ü h l e r, Sprachtheorie, Jena, 1934, стр. 28 (как известно, К. Бюлер рассматривал два вида языковых явлений: systembedingt и feldbedingt); J. R i e s, Was ist ein Satz, Prag, 1931; В. М. Ж и р м у н с к и й, О границах слова, В. Я., 1961, 3.

[19] Ср.: U. W e i n r e i c h, Explorations in semantic theory, «Trends in linguistics», III, The Hague, 1966; ср. W. A. C o a t e s, Meaning in morphemes and compound lexical units, «Proceedings of the IX International Congress of linguists», The Hague, 1964.

нии мы должны a priori, еще до применения теста коммутации, соотнести изучаемое означающее именно с определенным метаязыковым дескриптором. Неясно также, почему с тем или иным метаязыковым обозначением («суперсемантемой») соотносится именно определенное означающее, а, скажем, не то же сочетание, которое выступает в качестве дескриптора? При таком подходе весьма трудно ориентироваться в том, в каком случае перед нами означающие и в каком означаемые. Другими словами, при использовании метода Греймаса *по отношению* к означаемым легко обнаружить, что мы так и не выходим за пределы означающих, анализ А.-Ж. Греймаса фактически не идет дальше уровня референта (resp. экстенсивного уровня)[20]. Семы, постулируемые Греймасом, по сути дела, являются не чем иным, как характеристикой соответствующего объекта, а не того или иного лингвистического знака и его значения (интенсия). Как известно, еще Соссюр подчеркивал, что язык нельзя рассматривать как простую номенклатуру составляющих его элементов. Арифметическая сумма сем вряд ли может сама по себе быть эквивалентна значению в лингвистическом смысле. Даже если признать, что означающие в метаязыке эквивалентны означаемым в языке-объекте, то не совсем ясно, чем значение знака в метаязыке отличается от значения знака в языке-объекте. В связи с этим становится вполне очевидной логическая (нелингвистическая) природа метаязыка и связанных с ним понятий. Если же исходить из основных принципов коммутационного анализа, как это делает Греймас [ср. у Л. Ельмслева: «два члена парадигмы, принадлежащие к плану выражения, являются коммутабельными (или инвариантными), если замена одного из этих членов другим может обусловить аналогичную замену в плане содержания»; «обратно, два члена парадигмы содержания являются коммутабельными, если замена одного другим может обусловить аналогичную замену в плане выражения»][21], то неясно, каким образом можно анализировать омонимы: в этом случае указанные принципы явно «не работают». Нет никаких критериев, позволяющих утверждать, что набор сем какой-либо лексемы, который сходен или отличен от аналогичного набора сем другой лексемы, во всех случаях является исчерпывающим и полным, что нет еще других дескрипторов, которые могут соотноситься с данной лексемой, а с другой стороны, нет гарантии того, что все дескрипторы, соотносимые с данной лексемой, являются именно ее характеристикой, не привносят *ничего лишнего* в семантическую природу лексемы.

Отметим, что приводимый Греймасом анализ значения более крупных отрезков, чем слово, стоит в явном противоречии с его принципом, согласно которому одному означающему должно соответствовать одно означаемое и наоборот. К тому же, устанавливая определенную иерархию значимых отрезков, Греймас не может осуществить это при анализе отдельных лексем (resp. семем): все элементы семантической структуры лексемы *располагаются* у Греймаса *в одной плоскости*.

Методы, которых придерживается Греймас, не дают возможности анализировать любые лексемы: большие трудности представляет в этом отношении семантическое исследование структуры общих понятий, в частности тех, которые выступают в роли элементов метаязыка, терминов, обозначающих цвет, и др.[22].

[20] См.: K. F. Riegel, R. M. Riegel, An investigation into denotative aspects of word-meaning, «Language and speech», VI, 1963. Ср. также: L. Antal, Content, meaning and understanding, The Hague, 1964; его же, Questions of meaning, The Hague, 1963; J. M. Biese, Aspects of expression, Helsinki, 1963.

[21] L. Hjelmslev, Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considerées comme formant une structure, «Proceedings of the VIII International congress of linguists», Oslo, 1958. Ср. также: его же, Some reflections on practice and theory in structural semantics, сб. «Language and society», Copenhagen, 1961; Отметим, что на возможность соответствия разных семем одинаковым лексемам и разных лексем одинаковым семемам указывал еще Ф. Вуд. См.: F. Wood, Semasiological possibilities, «American journal of philology», XIX — 1898, XX — 1899 Ср.: H. Glinz, Wortheorie auf strukturalistischer und inhaltbezogener Grundlage, «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964; его же, Ansätze zu einer Sprachtheorie, Düsseldorf, 1962.

[22] Показательно, что даже сторонники методов коммутации и компонентного анализа лексики, сознавая их несовершенство, вынуждены делать разного рода оговорки, касающиеся их применения. Ср. E. Coseriu, Pour une sémantique diachronique structurale, «Travaux de l'Institut de linguistique», 2, 1, Strasbourg, 1964; его же, Structure lexicale et enseignement de vocabulaire, «Actes du I Colloque International de linguistique appliquée», Nancy, 1966. Именно в связи с тем, что отдельные существующие методы семантического анализа не дают возможности анализировать все звенья словарного состава языка, многие исследователи (например Е. Косериу) призывают «комбинировать» несколько методов в зависимости от ха-

Если учесть, что набор сем, выделяемый Греймасом, отличается полной произвольностью и всецело зависит от воли исследователя, становятся понятными следующие слабые стороны этого метода: 1) при сравнении двух означающих исследователь может по той или иной причине не учесть определенные входящие в состав одного из них семы (или наоборот, приписать, одному из означающих лишнюю сему), в результате чего разные лексемы могут быть приняты за омонимы, хотя в действительности этого может и не быть; 2) при компонентном анализе в силу указанных причин может получиться, что истинные синонимы окажутся несинонимичными лексемами и наоборот.

Что касается контекстного анализа, широко применяемого Греймасом [23], то следует указать, в частности, что если бы только контекст был катализатором значения, то это было бы равносильно отрицанию значения отдельно взятых слов или морфем. Если принять во внимание, что число контекстов (и соответственно — «значений»), в которых проявляется в языке то или иное слово или морфема, практически беспредельны, становится ясным, что концепция контекстуалистов фактически сводит сущность языка к бесформенному конгломерату и стоит в явном противоречии с его системной организацией [24].

Таким образом, поиск новых методов структурной семантики не привел Греймаса к решению многих поставленных им семантических проблем. Конечно, вряд ли можно отрицать, что разработанные структуралистами (в том числе и Греймасом) методы анализа значений являются определенным успехом научно-теоретической мысли последних десятилетий и имеют принципиальное практическое значение. Они не только дают возможность избавиться от концепции «бессистемности» лексического уровня языка и установить изоморфизм всех слоев языковой структуры [25], но и находят широкое применение в практике преподавания иностранных языков [26], при выявлении особенностей семантики слов одного языка по сравнению со словами аналогичного корня в родственных языках [27], а также в прикладной лингвистике.

Тем не менее, нам представляется, что многие современные исследователи семантических проблем подходят к ним не совсем с той стороны, с которой следовало бы подходить, или по крайней мере, не с самой важной стороны, в связи с чем при таком анализе часто явление характеризуется путем приписывания ему свойств другого явления. Вместо того. чтобы пытаться проникнуть в механизм языковой (в частности, лексической, resp. семантической) структуры, вместо того, чтобы проследить и обобщить исторически реальные процессы, происходящие в языке, современные семантические исследования идут по линии наибольшего абстрагирования, наибольшей «структурации» различных семантических уровней (ср. план парадигматики и синтагматики у Косериу), по линии усложнения терминологии, введения новых дробных понятий [28], опе-

---

рактера рассматриваемого материала. Именно этим можно, видимо, объяснить определенный эклектизм в лингвистической семантике. Ср. особенно работы С. Ульмана (S t. U l m a n n, Semantics. An introduction to the science of meaning, Oxford, 1962; е г о ж е, Language and style, Oxford, 1964).

[23] См.: J. L y o n s, Structural semantics, Oxford, 1963; R. H. R o b i n s, A problem in the statement of meanings, «Lingua», 3, 1952—1953; R. M. D i x o n, On formal and contextual meaning, «Acta ling. Hung.», 14, 1964. Ср.: G. R y l e, J. N. F i n d l a y, Use, usage and meaning, «The Aristotelian Society», Suppl. XXXV, 1961; Ch. M o r r i s, Signification and significance, Cambridge, 1964; M. R i f f a t e r r e, Stylistic context, «Word», 16, 1960; е г о ж е, The stylistic function, «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964; Е. Р. К у р и л о в и ч, Заметки о значении слова, ВЯ, 1965, 3; W. S c h m i d t, Lexikalische und aktuelle Bedeutung, Berlin, 1963; T. S l a m a-C a z a c u, Langage et contexte, 's-Gravenhage, 1961; Н. Н. А м о с о в а, Слово и контекст, «Уч. зап. [Ленингр. ун-та]», 243, Серия филол. наук, 42, 1958.

[24] Ср: D. L. B o l i n g e r, The uniqueness of the word, «Lingua», XII, 2, стр. 134; H. E. B r e k l e, Semantische Analyse von Wertadjektiven, Tübingen, 1963, стр. 20; L. A n t a l, Sign, meaning, context, «Lingua», X, 2; E. C o s e r i u, Determinacion y entorno, в его «Teoria del lenguaje y linguistica general», Madrid, 1962, стр. 318 и сл.

[25] Ср.: Э. А. М а к а е в, К вопросу об изоморфизме, ВЯ, 1961, 5, стр. 52—53; е г о ж е, Современное состояние общего языкознания и соотношение сравнительной, сопоставительной и типологической грамматики, сб. «Теоретические проблемы современного языкознания», М., 1964, стр. 92—93.

[26] Ср: A. B a r r e r a-V i d a l, [рец. на кн.] A-J. Greimas, Sémantique structurale, Paris, 1966, «Praxis des neusprachlichen Unterrichts», 4, Dortmund, 1966.

[27] Ср.: J. P. V i n a y, J. D a r b e l n a y, Stylistique comparée du français et de l'anglais, Paris, 1958; A. M a l b l a n c, Stylistique comparée du français et de l'allemand, Paris, 1961.

[28] Ср., например, семантическую концепцию Л. Антала, различающего: 1) знак, 2) денотат, 3) значение, 4) знание

рирования «чистыми» означаемыми и т. д.; в результате всем этим заслоняются истинные трудности изучаемой проблематики. Подобные «парасемантические» (если можно так выразиться) исследования, естественно, не могут в сколько-нибудь значительной мере сдвинуть семантику с мертвой точки, с которой она не сходит уже в течение долгих лет (при всем терминологическом различии теоретические концепции Прието, Поттье, Косериу, Греймаса и др. на деле не отличаются с методологической точки зрения).

Отметим, что если не считать нескольких ссылок на отдельных авторов в тексте работы, в книге Греймаса практически отсутствует библиография. Очень жаль, что Греймас не учел в своей книге значительные успехи советской семасиологии последних лет, в частности, интересные результаты, полученные Н. И. Толстым. Проведенный Н. И. Толстым диалексемный и диасемемный анализ славянской лексики позволил ему, в отличие от прочих исследователей, ввести важное понятие амплитуды колебания значения и в связи с этим понятие опорной лексемы, обладающей наибольшей амплитудой колебания значения. Это в свою очередь дало возможность объективно, с чисто лингвистических позиций, оценить те семантические явления и процессы, которые реально имеют место в языке [29].

Нет сомнения в том, что все те психологические, онтологические, философские, биологические, бихевиористические и другие характеристики, которые обычно даются значению, имеют большую важность для его правильной оценки и безусловно являются необходимыми для глобального охвата всех тех черт, которые присущи значению как вполне дискретной категории. Однако, квалифицируя значение с определенной стороны или даже с нескольких сторон, эти характеристики никак не касаются тех моментов, которые являются специфичными для значения как элемента языкового механизма, как элемента лингвистики, а не логики, философии и т. д. [30]. Для адекватной характеристики значения необходимо сосредоточить внимание, как нам представляется, именно на лингвистическом аспекте значения. Только после сравнительно-исторического исследования лексики можно судить о том, каковы контуры и особенности лексико-семантической системы в каждый отдельный период развития языка, каковы те общие семантические показатели, которые присущи различным языкам в синхронии и диахронии.

В качестве одного из возможных подходов к проблеме языкового значения позволим себе привести свою концепцию, основанную на теории лексической аттракции [31]. Согласно этой концепции, значение можно определить как тот качественно и количественно определенный функциональный потенциал (обычно сосуществующий с ограниченным комплексом фонетических и морфологических признаков слова), который сообщается каждой лексеме (структурному элементу лексико-семантического ряда) всей совокупностью входящих в этот ряд лексических элементов в процессе их перестановки и изменения в синхронии и диахронии. Значение каждой лексемы, являющейся конститутивным элементом данного ряда, естественно, является определяющим для функциональной нагрузки и возможности изменения прочих компонентов ряда. Вообще значение может существовать только в том случае, если соответствующее слово является элементом какого-либо лексико-семантического ряда. Вне такого ряда слово не может иметь значения для членов данного языкового коллектива (ср., например, «непонятность» для носителей того или иного литературного языка многих диалектных слов или иностранных слов, не усвоенных данным языком). В зависимости от характера лексико-семантической системы и от количественного и качественного распределения в ней семантических потенциалов одна и та же лексема может иметь в близкородственных языках неодинаковое значение (ср.

денотата, 5) знание значения, или различаемые Кацем и Фодором: грамматические маркеры, семантические маркеры и различители (distinguishers), (см. J. J. Katz, J. A. Fodor, The structure of a semantic theory, «Language», 39, 1963. Справедливую критику методов компонентного анализа, особенно у Каца и Фодора, см.: D. Bolinger, The atomization of meaning, «Language», 41, 4, 1965).

[29] См.: Н. И. Толстой, Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, I — ВЯ, 1963, 1; II — ВЯ, 1966, 5. Ср. также следующие работы: А. А. Уфимцева, Опыт изучения лексики как системы, М., 1962; В. А. Москович. Опыт квантитативной типологии семантического поля, ВЯ, 1965, 4, и др.

[30] Ср.: R. S. Wells, Is a structural treatment of meaning possible?, «Proceedings, of the VIII International congress of linguists», Oslo, 1958.

[31] См: М. М. Маковский, Теория лексической аттракции, ВЯ, 1965, 6 (ср. особенно понятие лексико-семантического ряда).

русск. *штука*, но польск. *sztuka* «искусство», русск. *пленник*, но чешск. *plennik* «грабитель», русск. *аванс*, но швед. *avans* «банкротство» и т. д.). Вполне понятно при этом, что контекст, в который попадает то или иное слово, может варьировать его значение в пределах (и только в пределах) тех семантических потенций, которыми обладает лексема, входящая в определенный лексико-семантический набор.

Изучение семантической структуры языка имеет большую и славную традицию. Можно не сомневаться в том, что учет прежних теорий значения и углубленный анализ семантических вопросов в синхронии и в диахронии даст возможность в будущем глубже проникнуть в сущность семантических процессов и явлений в языке, точнее описать их особенности, не выходя за пределы чисто лингвистической проблематики. Следует надеяться, что исследователи будущего сумеют поднять эту сложную, но важную область лингвистики на такую же научную высоту, на которой в настоящее время находится описание фонематической и грамматической структуры языка. В этом плане рецензируемая книга Греймаса, наглядно отражающая одновременно успехи и пробелы изучения основных вопросов лингвистической семантики на современном этапе, несомненно, сыграет свою роль в создании подлинно структурной семантики[32].

М. М. Маковский

[32] Ср. C. E. B a z e l l, Semantics and non-semantics, «Philologica pragensia», 1965, № 2—3.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В БАШКИРИИ

Языковедческая работа ведется в секторе языка Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР, на языковых кафедрах Башкирского гос. университета им. 40-летия Октября и Стерлитамакского педагогического института. Исследования последних лет в Башкирии сосредоточены на разработке отдельных вопросов морфологии, синтаксиса, лексикологии, стилистики, проблем по взаимодействию языков и на монографическом изучении диалектов и говоров. В секторе языка УИИЯЛ работают диалектологическая группа и довольно многочисленная группа лексикографии.

Диалектологи, начиная с 1958 г., предпринимают ежегодные экспедиционные исследования по изучению языковых особенностей диалектов и говоров, в результате чего накопился довольно богатый диалектологический фонд. Выпущен в свет второй диалектологический сборник [1], который является продолжением задуманной серии исследований по диалектологии [2]. В сборник включены очерки кизильского (Н. Х. Ишбулатов), бурзянского (Н. Х. Максютова), кубалякского (С. Ф. Миржанова) говоров башкирского языка; описана фонетика, морфология, лексика этих говоров. Выходит из печати первый том «Словаря башкирских говоров (восточный диалект)», в составлении которого принимали участие Н. Х. Максютова, Н. Х. Ишбулатов, С. Ф. Миржанова, С. Г. Гильманова. Подготовлен к изданию второй том «Словаря башкирских говоров (южный диалект)», где в отличие от первого тома статейные слова во всех их семантических нюансах сопровождаются русским переводом. В «Словаре башкирских говоров» полно представлена лексика народно-разговорного языка. Составители стремились как можно конкретнее дать значение и очертить территориальное распространение каждого слова. Такой словарь составляется впервые, и значение его для развития башкирского языкознания трудно переоценить.

На 1966—1970 гг. предусмотрено создание обобщающего труда по башкирской диалектологии. На основе фактического материала здесь будет предложена классификация говоров и очерчен их языковой облик. Нельзя не упомянуть в то же время, что многие актуальные проблемы башкирской диалектологии остаются незатронутыми — не планируется изучение диалектов методами лингвистической географии, исследование вопросов исторической диалектологии, сравнительное изучение диалектов башкирского языка с диалектами других родственных языков и т. д.

Выпущенный в свет «Русско-башкирский словарь» (М., 1964, отв. ред. К. З. Ахмеров) существенно отличается от изданных ранее словарей башкирского языка большей полнотой охвата лексики (46 000 слов), всесторонним описанием семантической, грамматической и фразеологической жизни слова.

В настоящее время сотрудники института работают над составлением «Толкового словаря башкирского языка», завершение которого предусмотрено на 1970 г.

В 1966 г. из печати вышли словари синонимов и омонимов башкирского языка [3]. В «Словарь синонимов башкирского языка» включено около 2000 слов и фразеологизмов, объединенных в синонимические гнезда, в словарных статьях указываются значения и семантико-стилистические особенности каждого синонима. «Словарь омонимов башкирского языка» отражает более 2000 лексико-грамматических омонимов в переводе на русский язык.

Тематический сборник, вышедший под редакцией Т. М. Гарипова [4], имеет два раздела «Лексикология» и «Лексикография». Вопросам исторической лексикологии в нем посвящены статьи К. З. Ахмерова и Р. Х. Халиковой, описанию отдельных лексико-грамматических категорий башкирского языка — статьи

[1] «Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии», Уфа, 1963.

[2] См.: «Башкирский диалектологический сборник», Уфа, 1959.

[3] З. Г. Ураксин, Словарь синонимов башкирского языка, Уфа, 1966; М. Х. Ахтямов, Словарь омонимов башкирского языка, Уфа, 1966.

[4] «Башкирская лексика», Уфа, 1966.

А. А. Юлдашева, З. К. Ишмухаметова, М. Х. Ахтямова, З. Г. Ураксина. Вопросам диалектной лексикологии посвящены работы Н. Х. Максютовой, У. М. Ярullиной; сюда же примыкает статья Н. Х. Ишбулатова «О принципах составления диалектологического словаря». Проблемы лексического взаимовлияния неродственных языков рассматриваются в статьях доцента БГУ Н. Д. Гариповой, научного сотрудника ИЯЗ АН СССР Т. И. Тепляшиной, С. Ф. Миржановой. В сборник включена статья Г. П. Мельникова «Теория словоразграничения и морфологический строй языка», где рассматриваются способы указания границ между смысловыми единицами языка в аспекте решения прикладных задач современного языкознания.

А. Г. Биишев, исследовавший проблему происхождения первичных долгих гласных в тюркских языках, связывает их возникновение со «вставочным» звуком *-й-*, закрывавшим открытый слог в односложных корнях и грамматических формах или выполнявшим связующую роль между корнем (типа *С + Г* или *Г*) и аффиксом [5].

Т. М. Гарипов, в течение ряда лет разрабатывающий тему «Процессы языкового взаимодействия в Башкирии (опыт историко-типологического исследования)», подготовил к печати первую часть большой монографии о взаимоотношении тюркских (башкирского, татарского, чувашского и, отчасти, казахского) языков в дореволюционной и современной Башкирии.

Подготовлена к печати работа К. З. Ахмерова «История башкирской письменности (алфавит и орфография)» на башкирском языке, где на основе анализа развития и установления башкирской письменности делается ряд практических предложений по дальнейшему совершенствованию существующей орфографии башкирского литературного языка. В течение 1966—1970 гг. К. З. Ахмеров будет занят созданием труда «История башкирского литературного языка».

Р. Н. Терегуловой закончена работа на тему «Синонимика падежных конструкций в современном русском литературном языке сопоставительно с башкирским», в которой освещаются различия в формах выражения однородных отношений реальной действительности в сопоставляемых языках и выявляются башкирские эквиваленты для синонимических падежных конструкций русского языка. Подобная работа имеет практическое значение в преподавании русского языка нерусским.

Разработка языковедческих проблем осуществляется также кафедрой башкирского языка Башкирского государственного университета. Проф. Дж. Г. Киекбаев выпустил два учебных пособия для студентов высших учебных заведений — «Современный башкирский язык» и «Лексика и фразеология современного башкирского языка» [6]. Работая в течение ряда лет над выяснением взаимоотношений урало-алтайских языков, Дж. Г. Киекбаев написал статьи «О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности — неопределенности», «О генетическом единстве формы определенности в сфере имени и глагола в урало-алтайских языках» [7], «О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках» [8].

Преподавателями кафедры башкирского языка разрабатываются актуальные вопросы башкирского синтаксиса (Г. Г. Саитбатталов), морфологии (М. Зайнуллин), истории языка (В. Псянчин) и др.

Кафедра татарского языка Башкирского университета за последние годы выпустила книги Г. Х. Ахатова «Диалект западносибирских татар» (Уфа, 1963), А. Фатыхова «Некоторые особенности сложных предложений в башкирском и татарском языках» [9]. Подготовлена к печати работа С. Ш. Поварисова по стилистике татарского языка, защищенная в качестве кандидатской диссертации [10].

Кафедрой башкирского языка Стерлитамакского педагогического института подготовлено методическое пособие Х. Г. Юсупова «Фразеология башкирского языка» [11], где на материале романа «Иргиз» Х. Давлетшиной дается семантический и стилистический анализ башкирских фразеологизмов.

Проблемы русского языкознания разрабатываются преподавателями кафедры русского языка Башкирского университета — И. П. Распоповым, Л. М. Васильевым, Н. В. Черемисиной, Н. Д. Гариповой, Н. С. Дмитриевой, А. Н. Мирославской, В. Н. Муравьевой, З. П. Здобновой и др. За последние годы вышущены сборники, посвящен-

[5] А. Биишев, «Первичные» долгие гласные в тюркских языках, Уфа, 1963.

[6] Ж. Ғ. Киекбаев, Хәҙерге башҡорт теле, Өфө, 1966; его же, Хәҙерге башҡорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы, Өфө, 1966.

[7] «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований», Уфа, 1966.

[8] «Советское финно-угроведение», 1965, 4.

[9] Ә. Фатихов, Башҡорт һәм татар телдәрендә ҡушма һөйләмдәрҙең ҡайһы бер үҙенсәлектәре, Өфө, 1962.

[10] С. Ш. Поварисов, Сравнения в татарском языке (В лексико-грамматическом и стилистическом планах). Канд. диссерт. Уфа, 1965.

[11] Х. Йосопов, Башҡорт теленең фразеологияһы, Өфө, 1963.

ные разработке вопросов синтаксиса, различных аспектов лексикологии, разработке вопросов экспериментального изучения вариантных форм различных частей речи и т. д. Кафедрой русского языка Башкирского университета выпущен тематический том «Ученых записок» — «Вопросы лексикологии и синтаксиса» [12] и совместно с кафедрой башкирского языка — сборник «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований» (Уфа, 1966). Подготовлены к изданию два сборника — «Русский язык в Башкирии», «Вопросы синтаксиса русского языка». В первом из них представлены работы по отдельным вопросам лексики и грамматики русского языка, по описательной диалектологии, а также по вопросам методики преподавания русского языка в башкирских школах и вузах. В «Вопросах синтаксиса русского языка» затрагиваются различные проблемы описательного и исторического синтаксиса русского языка, особое внимание уделено анализу различных типов предложений в коммуникативно-синтаксическом аспекте. Подготовлена (в качестве докторской диссертации) работа Н. В. Черемисиной «Ритмика русской художественной речи».

Отдельные проблемы русского языка исследуются в плане сопоставления с другими славянскими и неславянскими языками. Л. М. Васильев продолжает работу по сопоставительному анализу лексики современных славянских языков, привлекая к исследованию также типологически соотносительные сферы русского и находящихся с ним в непосредственных контактах башкирского и татарского языков. Вопросы коммуникативного синтаксиса разрабатываются И. П. Распоповым. Н. Д. Гарипова и Н. С. Дмитриева изучают проблему «Конструктивно-синтаксические свойства глагольной лексики русского языка», исследуя при этом словоупотребление и сочетаемость слов в связи с их семантикой.

Н. Х. Максютова (Уфа)

[12] «Уч. зап. [Башкирского ун-та]», XVIII. Серия филол. наук, 8 (12), Уфа, 1964.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ЭСТОНИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ*

Исследование современного эстонского языка. Научно-исследовательская работа по изучению эстонского литературного языка ведется главным образом научными сотрудниками Института языка и литературы АН ЭССР, а также преподавателями кафедр эстонского и финно-угорских языков Тартуского гос. университета.

В центре внимания сотрудников словарного сектора ИЯЛ находится составление пятитомного толкового словаря эстонского литературного языка. К концу 1964 г. завершено составление первого тома, включающего буквы *a* — *j*; редактирование тома еще продолжается. Для второго тома составлены словарные статьи в пределах буквы *k*. Авторский коллектив работает на основе «Проспекта толкового словаря эстонского литературного языка» [1] и картотечного фонда литературного языка, насчитывающего в настоящее время до двух миллионов выборок из художественной, публицистической и научно-популярной литературы. В 1966 г. составлен макет толкового словаря (10 авт. л), который в 1967 г. будет напечатан и подвергнут обсуждению широкой общественности.

В связи с бурным развитием науки и техники в республике возникла острая необходимость в создании новых и упорядочении уже вошедших в обиход научно-технических терминов. Основная работа в этой области сосредоточена в словарном секторе ИЯЛ. В сотрудничестве с соответствующими институтами АН ЭССР и другими учреждениями выпущены русско-эстонские терминологические словари по геологии [2] (10 000 терминов) и по химии [3] (15 000 терминов), подготовлены к печати и сданы в издательство «Русско-эстонский горный словарь» (8000 терминов) и «Русско-эстонский электротехнический словарь» (9000 терминов). Ко всем словарям приложен так-

* Раздел «Исследование современного эстонского языка» написан Э. Ю. Нурмом, раздел «Исследование эстонских говоров» — А. Я. Универе, раздел «Исследование финно-угорских языков» — А. Х. Лаанестом.

[1] «Eesti kirjakeele seletava sõnaraamatu prospekt», Tallinn, 1961.

[2] К. Орвику, Э. Нурм, Д. Кальо, М. Киндлам, Р. Мянниль, В. Олли, Русско-эстонский геологический словарь, Таллин, 1963.

[3] И. Хюссе, Я. Ансо, М. Киндлам, О. Киррет, Э. Нурм, Х. Раудсепп, Л. Суйт, Б. Торпан, Русско-эстонский химический словарь, Таллин, 1964.

же алфавитный указатель эстонских терминов, дающий возможность пользоваться книгой и в качестве эстонско-русского словаря. Сотрудники словарного сектора завершили языковедческую обработку русско-эстонского политехнического словаря, охватывающего до 50 000 терминов.

Из терминологических словарей, составленных вне ИЯЛ, заслуживает внимания «Русско-эстонский иллюстрированный полиграфический словарь» [4] (4600 терминов), содержащий элементы толкования терминов. Кроме того, изданы краткие переводные словари по электротехнике [5] и математике [6], а также толковые словари по лексике сценической техники [7], гимнастики [8], и эстонских народов танцев [9].

Для координации проводимой в республике терминологической работы и разрешения спорных вопросов, возникающих при унификации терминов, Президиум АН ЭССР создал в 1964 г. Междуведомственную терминологическую комиссию, в которую входят языковеды и представители различных научно-технических дисциплин из Таллина и Тарту. Основная текущая работа проводится в создаваемых по мере надобности отраслевых подкомиссиях. В конце 1966 г. в Таллине было проведено республиканское совещание по вопросам терминологии, организованное Междуведомственной терминологической комиссией, ИЯЛ и Обществом родного языка.

За последние годы в республике вышел в свет также ряд двуязычных нетерминологических словарей. Впервые издан чешско-эстонский словарь[10]; из других двуязычных словарей отметим эстонско-немецкий словарь (50 000 заглавных слов) [11] и эстонско-английский словарь (30 000 заглавных слов) [12]; остальные двуязычные словари (немецко-эстонский [13], англо-эстонский [14], латышско-эстонский[15], финно-эстонский[16])—краткие.

В словарном секторе ИЯЛ выполнены и защищены в качестве кандидатских диссертаций монографии на различные лексикологические темы: Ф. Ваак «О семантической фразеологии в современном эстонском литературном языке» (Таллин, 1964); Э. А. Райет «Зависимость формы иностранных слов от языка-источника и языков-посредников в современном эстонском литературном языке» (Таллин, 1966); В. Пыльма «Звукоподражательные глаголы в эстонском литературном языке» (Таллин, 1967); Р. Кулль «Образование и развитие сложных существительных в эстонском литературном языке» (Таллин, 1967).

Большое внимание уделяется исследованию грамматического строя эстонского литературного языка. Составление научной грамматики эстонского языка распределено между двумя научными центрами: кафедры эстонского и финно-угорских языков Тартуского университета исследуют орфографию, фонетику и морфологию, а ИЯЛ — менее изученную часть эстонской грамматики, синтаксис. Основные разделы фонетики и морфологии уже составлены, над остальными работа продолжается. В качестве макета в ротапринтном издании выпущены две тетради «Фонетики и орфографии» [17] и брошюра об имени числительном и местоимении [18]. В 1964 г. синтаксическая группа ИЯЛ выпустила в свет также ротапринтным изданием макет, содержащий пробные статьи разделов синтаксиса простого предложения [19]. В настоящее время работа ведется над синтаксисом сложного предложения, а рукопись простого предложения, макет которой был подвергнут серьезной критике, будет кардинально переработана.

Вопросы порождающего синтаксиса эстонского языка затрагиваются в статьях Х. Раянди, а вопросы фонологии и морфонологии эстонского языка — в статьях В. Халлапа, Т. Р. Вийтсо и М. Хинта, опубликованных в журналах «Советское финно-угроведение», «Keel ja kirjandus» («Язык и литература»)

[4] О. Коплус, Русско-эстонский иллюстрированный полиграфический словарь, Таллин, 1965.

[5] U. Agur, H. Jänes, P. Plakk, E. Puusepp, E. Risthein, H. Sillamaa, Väike vene-eesti elektrotehnika sõnastik, Tallinn, 1964.

[6] Я. Габович, Х. Эспенберг, Малый эстонско-русский и русско-эстонский математический словарь, Тарту, 1965.

[7] V. Haas, K. Odamus, Lava ja lavatehnika sõnaraamat, Tallinn, 1964.

[8] H. Valgmaa, Võimlemise terminoloogia, Tartu, 1964.

[9] K. Torop, Eesti rahvatantsu oskussõnastik, Tallinn, 1966.

[10] A. Raid, S. Smirnov, Tšehhi-eesti sõnaraamat, Tallinn, 1966.

[11] K. Kann, E. Kibbermann, F. Kibbermann, S. Kirotar, Eesti-saksa sõnaraamat, Tallinn, 1964.

[12] J. Silvet, Eesti-inglise sõnaraamat. Tallinn, 1965.

[13] R. Lesthal, Saksa-eesti sõnaraamat koolidele, Tallinn, 1965.

[14] M. Rauk, Inglise-eesti sõnaraamat koolidele, Tallinn, 1966.

[15] K. Aben, Läti-eesti sõnaraamat, Tallinn, 1966.

[16] K. Pihel, A. Pikamäe, Soome-eesti sõnaraamat, Tallinn, 1965.

[17] «Eesti keele grammatika». I — Häälikuõpetus ja ortograafia, 1. vihik — Tartu, 1963; 2. vihik — Tartu, 1964.

[18] «Eesti keele grammatika». II — Morfoloogia. Arv-ja asesõna, Tartu, 1965.

[19] «Eesti keele süntaks». I, Tallinn, 1964.

и «Известия Академии наук Эстонской ССР. Серия общественных наук», в «Emakeele Seltsi aastaraamat» («Ежегодник Общества родного языка») и в сборнике «Nonaginta», (Таллин, 1963). Монография Э. Успыльд о деепричастных конструкциях эстонского литературного языка [20] (защищена в качестве канд. диссерт.) написана с применением трансформационного анализа (в смысле З. С. Харриса).

В Институте языка и литературы АН ЭССР созданы лаборатории экспериментальной фонетики и кабинет звукозаписи, для которых построен ряд уникальных приборов (52-канальный динамический спектрограф, автоматический анализатор высоты основного тона и интенсивности речи, а также сегментатор речевого потока). В лаборатории изучается артикулярно-акустическая структура эстонских гласных и согласных (Г. Лийв и др.).

В эстонской прессе значительное внимание уделяется вопросам культуры речи и текущим вопросам орфографии и орфологии. Общество родного языка при АН ЭССР проводит ежегодно в различных районах республики по 2—7 так называемых «языковых дней», в которых принимает участие до 300 человек; тематика докладов посвящена, в основном, вопросам орфологии и культуры речи. Исключительно проблемам культуры речи посвящен выпущенный Обществом родного языка сборник [21].

Исследование эстонских говоров. Изучением эстонских говоров занимаются в настоящее время три научных учреждения, работа которых координирована: Институт языка и литературы АН ЭССР, Общество родного языка при АН ЭССР и Тартуский гос. университет. Ведущим центром научно-исследовательской работы по диалектологии является сектор диалектологии Института языка и литературы АН ЭССР.

Собиранию диалектологических материалов как основе научно-исследовательской работы уделялось в Эстонии большое внимание. Институту языка и литературы при его основании в 1947 г. были переданы собранные раньше материалы, которые легли в основу диалектологического архива Института. Ежегодные экспедиции Сектора диалектологии (в связи с плановыми заданиями) из года в год все более обогащают коллекции диалектологического архива. Так, словарные картотеки диалектологического архива насчитывают в настоящее время около 3 000 000 карточек по лексике, в том числе 268 000 карточек по топонимике. Диалектных текстов, описаний фонетики и морфологии говоров и других материалов имеется общей численностью более 96 000 страниц, из них примерно 30 000 страниц образцов связной речи в фонетической транскрипции.

Пополнение и упорядочение диалектологического архива и фонотеки института требует своей доли труда от всех членов сектора. Чтобы лучше обеспечить сохранность фондов и сделать коллекции более доступными широким кругам исследователей, идет фотографирование диалектных материалов на микропленку, начатое в конце 1962 г. Систематическая звукозапись диалектной речи ведется начиная с 1956 г.; в результате ежегодных экспедиций в заранее намеченные районы ЭССР в фонотеке института в настоящее время накопилось 507 часов звукозаписи почти на всех эстонских говорах.

Сектор диалектологии института занят сейчас в основном подготовкой больших академических изданий диалектных материалов. Главная коллективная работа сектора, которая ведется с основания института,— словарь эстонских народных говоров в шести томах. Издание охватит всю лексику эстонского языка — как узкие диалектизмы, так и слова общенародного языка, выступающие в местных диалектных вариантах. Его базой служит сводная картотека словаря, законченная в основном в 1963 г. и насчитывающая сейчас более 1 350 000 карточек записей лексики в фонетической транскрипции. Материал каждого слова в картотеке систематизирован по основным положениям будущего словаря, поэтому картотека является как бы первоначальной рукописью словаря, которой уже пользуются лингвисты и представители других дисциплин. Наряду с систематизацией картотеки уточнялись принципы составления словаря, которые А. Каск наметил в 1947 г. в общих чертах. В связи с разработкой проспекта словаря надо было решить целый ряд вопросов и прежде всего — вопрос об унификации транскрипции, так как материал для словаря собирали начиная с 1922 г. Были составлены пробные статьи в объеме 17 авт. л. Проспект (10 печ. л.) печатается ротапринтным способом и будет подвергнут обсуждению широкой общественности в 1967 г. В 1966 г. сектор приступил к составлению рукописи. Первый том словаря от *a* до *j* (100 печ. л.) намечено по плану закончить в 1969 г.

Второй большой работой диалектологов Института является издание серии избранных диалектных текстов. Предполагается издать девять сборников (в соответствии с числом диалектов эстонского языка). Тексты печатаются в научной фонетической транскрипции, с подстрочными комментариями. Каждый

[20] E. Uuspõld, Määrusliku *des-*, *mata-*, *nud-*(~ *nuna-*) ja *tud-*(~ *tuna-*) konstruktsiooni struktuur ja tähendus, Tartu, 1966.

[21] «Kirjakeel», Tallinn, 1964.

том снабжается кратким описанием фонетической и грамматической структуры данного диалекта и словарем диалектных слов. Уже вышли в свет первые два тома серии «Диалекты эстонского языка» — «Тексты диалекта мульги», собранные С. Таннинг, и «Тексты среднесеверного диалекта» (М. Муст) [22]. Подготовлены к печати еще два тома этой серии: «Тексты Тартуского диалекта» (Х. Кээм) и «Тексты восточного диалекта» (А. Универе). Значительную часть публикуемых текстов составляют записанные на магнитофонную пленку образцы связной диалектной речи.

Наряду с подготовкой крупных коллективных изданий сотрудники сектора диалектологии работают индивидуально над монографическими исследованиями. Вопросами топонимики занимаются М. Норвик и В. Палль; рукопись последнего «Топонимия северной части уезда Тартумаа» подготовлена к печати. М. Норвиком составлена и опубликована ротапринтным способом «Инструкция для собирания местных названий» [23]. По эстонской диалектологии защищены в качестве кандидатских диссертаций следующие монографии сотрудников сектора: С. Ниголь «Историческая фонетика говора Харгла. Консонантизм» (Тарту, 1959), Х. Вийрес «Имена прилагательные с суффиксом *-ne* в эстонских диалектах» (Таллин, 1963), Х. Нээтар «Согласование сказуемого с подлежащим в эстонских диалектах» (Таллин, 1965) и М. Мягер «Эстонские названия птиц» (Таллин, 1963). Последняя монография, где широко использован диалектный материал, выйдет из печати в текущем году.

Другим центром диалектологической работы в ЭССР является кафедра эстонского языка Тартуского госуниверситета. В 1952 г., после перевода Института языка и литературы из Тарту в Таллин, при университете был основан диалектологический архив, фонды которого состоят из дипломных, курсовых и других работ студентов, копий некоторых коллекций Института языка и литературы АН ЭССР и материалов, собранных студентами в экспедициях, общей численностью более 47 000 стр., в том числе около 10 500 стр. диалектных текстов в фонетической транскрипции. Эти материалы служат базой для работ студентов. Кафедра эстонского языка организует ежегодно экспедиции в разные районы республики как в педагогических целях, так и для выполнения своих научно-исследовательских планов и в целях пополнения своих коллекций. Диалектологические записи производятся по специальным программам, начиная с 1957 г. используются также магнитофоны. В фонотеке Тартуского госуниверситета хранится около 100 часов пленок звукозаписи эстонской диалектной речи.

В центре внимания научно-исследовательской работы кафедры находится изучение фонетического и грамматического строя эстонских диалектов. В качестве дипломных и конкурсных работ представлено более двух десятков обстоятельных описаний говоров, причем наряду со сравнительно-историческим методом применяются и структуралистические методы исследования. Преподаватели кафедры изучают также взаимовлияния и взаимосвязи эстонского литературного языка с диалектами и другие проблемы эстонской диалектологии. В 1959 г. Э. Койт защитил в качестве кандидатской диссертации монографический обзор кихельконнаского говора [24]. А. Каск опубликовал в 1962 г. исследование «Об образовании диалектной основы эстонского литературного языка» [25] и сборник избранных из всех эстонских диалектов текстов в качестве учебного пособия для студентов, оба ротапринтным способом [26].

В собирании материалов по эстонским говорам участвует активно и Общество родного языка при АН ЭССР, основанное в 1920 г. Общество родного языка, имея только две штатные единицы, строит свою работу на общественных началах и успешно проводит сбор диалектных данных при помощи сети корреспондентов. Корреспонденты Общества — представители широких кругов населения, интересующиеся вопросами языка. Желающим высылают небольшие вопросники и инструкции для оформления материала, который они представляют в упрощенной фонетической транскрипции. Для корреспондентов Общества проводились также специальные семинары в Таллине и Тарту. Начиная с 1960 г. Общество издает ежегодно брошюру «Kodumurre» («Родной говор»), объемом в 5—6 печ. л., где печатаются инструкции по собиранию различных диалектных материалов, например, по топонимике, по отдельным разделам лексики и т. д., обмен корреспондентов своим опытом, популярные статьи по языкознанию и т. д. Только что вышел в свет восьмой номер издания. В целях координации деятельности своих корреспондентов и взаимодействия с дру-

[22] «Eesti murded», I — S. Tanning, Mulgi murdetekstid, Tallinn, 1961; II — M. Must, Keskmurde tekstid, Tallinn, 1965.

[23] «Juhend kohanimede kogumiseks». Koostanud M. Norvik, Tallinn, 1967.

[24] Э. Койт, Исторический очерк грамматики говора Кихельконна (монографическое исследование). Автореф. канд. диссерт., Тарту, 1959.

[25] A. Kask, Eesti kirjakeele murdelise tausta kujunemisest, Tartu, 1962.

[26] A. Kask, Valimik eesti murdenäiteid, Tartu, 1962 (2-е изд.— 1966).

гими диалектологическими учреждениями республики в 1962 г. при Обществе родного языка организована специальная диалектологическая комиссия (в составе 7 членов).

Для оживления работы и для привлечения новых корреспондентов Общество родного языка начиная с 1957 г. организует ежегодные конкурсы по собиранию диалектных материалов; в результате доставлено много ценного языкового материала. Общество родного языка депонирует собранные корреспондентами материалы в диалектологический архив Института языка и литературы АН ЭССР; эти материалы составляют примерно 26 000 стр. этнографических описаний и фольклорных текстов, записанных корреспондентами в упрощенной транскрипции. Общество родного языка составляет из этих текстов и издает популярные сборники. В 1956 г. вышел первый том, в 1957 г. второй [27], рукопись третьего тома передана издательству.

Исследование финно-угорских языков. Центрами исследования финно-угорских языков (кроме эстонского) в ЭССР являются сектор финно-угорских языков ИЯЛ и кафедра финно-угорских языков Тартуского государственного университета.

В секторе финно-угорских языков ИЯЛ основными объектами исследования являются: водский и ижорский языки, диалекты финского языка Ленинградской области, саамский язык, а также марийский и мордовские языки.

Центральная коллективная работа сектора — составление словаря водского языка. Этот язык, на котором в настоящее время говорит только несколько десятков человек, является ближайшим родственным языком эстонского языка и поэтому словарь водского языка будет органическим дополнением словаря эстонских диалектов, составляемого диалектологами ИЯЛ. Материалами водского словаря служат собрания П. Аристэ, записи сотрудников сектора, сделанные во время ежегодных экспедиций [28], и выписки изо всех напечатанных источников по водскому языку, всего более 170 000 словарных карточек. Работа над словарем (под редакцией П. Аристэ и Э. Адлер) приближается к завершению.

Кроме этой коллективной работы, все сотрудники сектора имеют свои индивидуальные темы исследования. Э. Адлер подготовляет к печати сборник текстов восточного диалекта водского языка. А. Лаанест, опубликовав лингвогеографическое исследование по ижорским диалектам и книгу ижорских диалектных текстов [29], работает над грамматикой хэваского диалекта ижорского языка. М. Леппик пишет диссертацию о финском диалекте Курголовского полуострова (Ленинградской области). К. Конт, прежде занимавшийся историческим синтаксисом прибалтийско-финских языков и издавший книгу об именном дополнении в прибалтийско-финских языках [30], работает над монографией о иоканьгском говоре саамского языка (на Кольском полуострове). В. Халлап занимается фонологией и морфонологией современного эстонского языка, а также мордовских языков, над морфологией которых он работал прежде [31]. П. Кокла, исследовавший притяжательные суффиксы в марийском языке [32], ныне изучает восточную группу говоров марийского языка. Сотрудники сектора активно участвуют в работе центрального органа финно-угроведов СССР — журнала «Советское финно-угроведение», издаваемого с 1965 г. АН ЭССР.

Из публикаций сектора можно отметить еще сборник «Труды по прибалтийско-финским и волжским языкам» [33], где опубликованы собранные П. Аристэ вепсские сказки (с эстонским переводом), а также ряд статей по частным вопросам фонетики и грамматики водского, финского, марийского и мордовских языков. Начиная с 1962 г. ежегодно издаются библиографические указатели «Финно-угорское и самодийское языкознание в Советском Союзе» (составитель О. Киви). Подготовлена библиография «Финно-угорское и самодийское языкознание в СССР 1917—1962». Библиограф А. Амбус составляет картотеку, отражающую текущую зарубежную научную периодику по финно-угорским языкам.

Систематическое развитие финно-угорского языкознания при Тартуском университете началось с 20-х годов. В послевоенные годы кафедра финно-угор-

[27] «Valimik Emakeele Seltsi korrespondentide murdetekste», I, Tallinn, 1956; «Pajatusi põhjarannikult. Valimik korrespondentide murdetekste», II, Tallinn, 1957.

[28] Всего в ИЯЛ хранится около 240 часов записей живой речи на различных финно-угорских языках, произведенных в результате ежегодных экспедиций сектора.

[29] А. Лаанест, Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование, Таллин, 1966; A. Laanest, Isuri murdetekste, Tallinn, 1966.

[30] K. Kont, Käändsõnaline objekt läänemeresoome keeltes, «Keele ja kirjanduse Instituudi uurimused», IX, Tallinn, 1963.

[31] См.: В. Халлап, Суффиксы образования глаголов в мордовских языках (Общемордовские суффиксы). Автореф. канд. диссерт., Таллин, 1955.

[32] П. Кокла, Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореф. канд. диссерт., Таллин, 1963.

[33] «Töid läänemeresoome ja volga keelte alalt», Tallinn, 1964.

ских языков университета стала центром подготовки научных кадров не только для Эстонии, но и для других республик и областей, где изучаются финно-угорские языки. Молодых ученых, написавших диссертации под руководством академика АН ЭССР проф. П. Аристэ (их более 30 человек), можно встретить в Карелии, в Марийской АССР, в Удмуртии, в Закарпатской области, в Ленинграде, в Латвии. Все сотрудники сектора финно-угорских языков ИЯЛ также являются учениками П. Аристэ.

Немалое значение имеет деятельность членов кафедры в области научно-исследовательской работы. Из крупных работ П. Аристэ в послевоенные годы можно упомянуть фонетику эстонского языка [34], грамматику водского языка [35], публикации текстов водских песен и сказок (с переводом на эстонский язык и комментариями) [36]. В честь 60-летия академика П. Аристэ издан сборник его избранных трудов вместе с полной персональной библиографией [37]. Доц. П. Пальмеос, выпустившая книгу о валдайском диалекте карельского языка [38], сейчас исследует карельские диалекты Калининской области. Доц. Э. Вяэри подготовил к печати сборник текстов ливского языка. Каждым летом кафедра организует экспедиции к ливам, води, ижорцам, карелам или вепсам. Недавно при кафедре начаты занятия и самодийскими языками; аспирант А. Кюннап специализируется, в частности, по камасинскому языку.

Благодаря плодотворной деятельности кафедры — сюда относится и обучение студентов по индивидуальным программам — в ближайшем будущем в Эстонии появятся специалисты по всем финно-угорским языкам, что, конечно, значительно улучшит возможность развития финно-угроведения в Эстонской ССР.

Э. Ю. Нурм, А. Я. Универе, А. Х. Лаанест (Таллин)

[34] P. Ariste, Eesti keele foneetika, Tallinn, 1953.

[35] P. Ariste, Vadja keele grammatika, Tartu, 1948.

[36] P. Ariste, Vadjalaste laule, Tallinn, 1960; его же, Vadja muinasjutte, Tallinn, 1962.

[37] «Sõna sõna kõrvale. Paul Ariste teaduslikust tegevusest», Tallinn, 1965.

[38] P. Palmeos, Karjala Valdai murrak, Tallinn, 1962.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1967

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Памяти В. М. Иллич-Свитыча было посвящено заседание языковедов Института славяноведения АН СССР 3 февраля 1967 г. В нем приняли участие ученые академических институтов и высших учебных заведений Москвы и других городов Советского Союза.

22 августа 1966 г. погиб крупнейший ученый-языковед современности Владислав Маркович Иллич-Свитыч, оставив науке бесценное наследие в несколько томов, сделав за 32 года жизни столько, сколько трудно сделать за долгую жизнь.

В 1957 г. В. М. Иллич-Свитыч закончил славянское отделение Московского университета. С 1958 г. он работал в секторе славянского языкознания Института славяноведения АН СССР, которым руководит проф. С. Б. Бернштейн. Здесь В. М. Иллич-Свитыч из ученого-слависта, индоевропеиста сформировался в компаративиста широкого диапазона, став по сути дела основателем новой отрасли языкознания — сравнительной грамматики ностратических языков. О стремительном росте ученого, о творческом пути В. М. Иллич-Свитыча, длившемся всего 9 лет, говорил в своем вступительном слове проф. С. Б. Бернштейн (Москва). Доклады, зачитанные на заседании, были посвящены основным вехам научной деятельности В. М. Иллич-Свитыча.

В. А. Дыбо (Москва) в докладе «В. М. Иллич-Свитыч как акцентолог» показал, какой вклад внес ученый в изучение славянской, балтийской и индоевропейской просодии. Непреходящий интерес В. М. Иллич-Свитыча к акцентологии не был случайным. Эта область индоевропеистики является наиболее перспективной: она предлагает исследователю много проблем, решение которых может оказаться весьма существенным для других отраслей индоевропейского языкознания. В своей основной работе по акцентологии — «Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм» (М., 1963) В. М. Иллич-Свитыч доказал генетическое тождество балтийской и славянской акцентуационных систем с индоевропейской системой, реконструируемой на основании данных древнеиндийского, древнегреческого и германских языков. Несмотря на значительные инновации и произошедшие сдвиги в акцентуационных системах, В. М. Иллич-Свитычу удалось восстановить первоначальную картину балтийской и славянской просодии и показать преемственность развития акцентуационных систем, открыв правила их соответствия. Значение этого открытия трудно переоценить. В. М. Иллич-Свитычу удалось найти решение вопроса, который в течение почти 70 лет (в 1896 г. Ф. де Соссюром был предпринят первый шаг в этом направлении) был в центре внимания науки. Установленное В. М. Иллич-Свитычем генетическое тождество дало принципиальную возможность построения истории языкового явления: с одной стороны, введение в сравнение двух праязыковых систем (славянской и балтийской) позволило углубить и уточнить индоевропейскую реконструкцию, и, с другой стороны, открылась возможность создания исторической акцентологии славянских языков [1].

В докладе О. Н. Трубачева (Москва) говорилось о В. М. Иллич-Свитыче как о слависте-этимологе, давшем ряд замечательных этимологических этюдов (№ 7,14, 15, 22, 25).

Работам В. М. Иллич-Свитыча по южнославянским языкам был посвящен доклад Н. И. Толстого (Москва). В этой области В. М. Иллич-Свитыч разрабатывал вопросы лексического соотношения южнославянских зон и других славянских и неславянских зон (№ 8), географических и семантических смещений слов (№ 1, 2, 9), фонетические вопросы (№ 21). Его идеи легли в основу коллективной работы над карпатским диалектологическим атласом, составленном в Институте славяноведения. Работы В. М. Иллич-Свитыча по южнославянским языкам пролили свет на важ-

[1] См. другие акцентологические работы В. М. Иллич-Свитыча, названные в полной библиографии его работ («Советское славяноведение», 1967, 1, стр. 76—77) под № 12, 17, 24, 31, 32, 33, 34, 39. Далее при ссылках на работы В. М. Иллич-Свитыча будут даваться номера, под которыми эти работы указаны в упомянутой библиографии. Список работ В. М. Иллич-Свитыча (неполный) дается также в статье В. Т. «Памяти В. М. Иллич-Свитыча», опубликованной в сб. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966, стр. 267—269.

ные исторические проблемы славянства — такие, как проблема происхождения славян и проблема славянской прародины (№ 8, 16, 6). Н. И. Толстой подчеркнул, какое большое значение придавал В. М. Иллич-Свитыч диалектному материалу в решении ряда фундаментальных вопросов, в том числе проблемы реконструкции лексического фонда праславянского языка и лексических диалектных различий праславянского языка (№ 27, 28). В 1963 г. вышел первый в мире «Македонско-русский словарь» на 30 000 слов, основным составителем которого был В. М. Иллич-Свитыч (его соавтор Д. Толовски); он же является автором грамматического справочника к этому словарю (№ 29, 30).

Какие бы вопросы и области ни разрабатывал В. М. Иллич-Свитыч, неизменным оставался его интерес к проблеме индоевропейского корня (№ 5, 10, 11, 13). Он ищет причины кризиса индоевропеистики, где последнее время стали появляться построения одинаково вероятных и одинаково произвольных протосистем, что, как считает В. М. Иллич-Свитыч, объясняется наметившейся тенденцией к переоценке возможностей метода внутренней реконструкции, который применяется без жесткого контроля внешнего сравнения. Такая ситуация диктует неизбежность выхода за рамки одной языковой семьи, приводит В. М. Иллича-Свитыча к необходимости сравнения ряда языковых семей. К решению этой задачи В. М. Иллич-Свитыч приступал, прекрасно владея всеми приемами сравнительно-исторического анализа, имея плодотворный опыт работы в важнейших областях языкознания и в первую очередь в сравнительно-исторической фонетике и акцентологии. В течение всего лишь нескольких лет В. М. Иллич-Свитыч не только усвоил и критически осмыслил материал пяти больших семей языков, но, восполняя пробелы в сравнительных грамматиках этих языковых групп, дал ряд замечательных исследований по алтайским, уральским, картвельским, семито-хамитским языкам.

Л. С. Левицкая (Москва) говорила о В. М. Иллич-Свитыче как о тюркологе. Анализируя его работы об алтайских дентальных **t*, **d*, **δ* (№ 126) и алтайских гуттуральных **k*^{c}, **k*, **g* (№ 38), Л. С. Левицкая подчеркнула не только актуальность проблем, которым посвящены эти работы, но и богатый фактический материал, на котором В. М. Иллич-Свитыч по-новому решает сложные вопросы алтаистики. В работе об алтайских дентальных В. М. Иллич-Свитыч дал развернутое доказательство гипотезы о пратюркских начальных **d* и **δ*, опровергнув утвердившуюся в тюркологии точку зрения, согласно которой в тюркском в начале слова был возможен только глухой дентальный *t*. Им была доказана троичность системы начальных смычных в алтайских языках, определена таким образом праалтайская система смычного консонантизма.

В докладе Г. А. Климова (Москва) «О картвелистических работах В. М. Иллич-Свитыча» говорилось о том, что В. М. Иллич-Свитыч пришел в картвелистику в переломный для сравнительно-исторической грамматики картвельских языков период, когда начался пересмотр канонов традиционной картвелистики в результате применения новых методов исследования, расширения объема фактов в первую очередь за счет привлечения материалов сванского языка. Традиционная картвелистика не допускала возможности исконного родства картвельских и индоевропейских языков. На этом фоне работы В. М. Иллич-Свитыча, направляемые идеей о необходимости поисков внешнего родства картвельских языков с ностратическими языками, явились новым словом в картвелистике. Для них характерны творческий дух, широкий подход к материалу и профессионализм, который проявился прежде всего в ясном понимании актуальных задач, стоящих перед сравнительно-исторической картвелистикой (№ 40, 37, а также оставшееся в рукописи исследование «Картвельский вокализм [в свете внешнего сравнения]»). В. М. Иллич-Свитыч предложил новые решения по определению структуры общекартвельского корня, он внес свой вклад в разработку проблемы общекартвельского аблаута. В. М. Иллич-Свитычем впервые в картвелистике было обращено внимание на согласные протезы в сванском языке. Он дал надежную реконструкцию общекартвельских архетипов, побочным продуктом которой явился ряд новых и уточнение уже известных картвельских этимологий. Владение семитским материалом позволило ему привести дополнительные свидетельства древних контактов между картвельскими и семитскими языками. Работы В. М. Иллич-Свитыча по сравнительно-исторической грамматике картвельских языков выходили за пределы картвелистики в область кавказских языков и шире. Они предполагают исконное родство картвельских и индоевропейских языков, представляют реальные возможности для сравнения картвельских языков с ностратическими языками.

На заседании могли бы прозвучать доклады о работах В. М. Иллич-Свитыча по балто-славянским проблемам (№ 4), по уральским языкам, где им была подтверждена и уточнена реконструкция уральского вокализма (№ 46), по семито-хамитским языкам (В. М. Иллич-Свитыча фактически можно считать основателем семито-хамитской сравнительной фонетики. См. № 36, 43, а также неопубликованный материал). В статье о чадском консонантизме (№ 43) им впервые было сделано четкое описание сравнительной фонетики чадских языков на материале 12 языков, представляющих все основные группы этой

обширной семьи. На основании регулярных соответствий дана реконструкция проточадской системы лабиальных смычных и рассмотрено ее соотношение с соответствующей протосемитохамитской системой.

Значительны разработки В. М. Иллич-Свитыча в индоевропеистике; он доказал дополнительное распределение индоевропейских гуттуральных по отношению к ностратическому вокализму (№ 35); в работе, посвященной индоевропейско-семитским языковым контактам (№ 36), В. М. Иллич-Свитыч не только выделил пласт древнейших заимствований из семитского в индоевропейский и тем самым очертил круг возможных генетических сравнений этих двух языковых групп, но и представил новые данные для решения важнейшего вопроса об индоевропейской прародине.

Вершиной творчества ученого было создание сравнительно-исторической грамматики ностратических языков, о чем говорил в своем докладе А. Б. Долгопольский (Москва). Опыты генетического сопоставления далеких языков проводились с XIX в. (Х. Педерсен, Б. Коллиндер, Г. Меллер и др.), но имели лишь предварительный характер — собирание материала, накопление разрозненных наблюдений из попарного сопоставления языковых семей. В. М. Иллич-Свитыч впервые в истории науки создал точную и строгую сравнительную фонетику и основание для сравнительной морфологии шести больших групп языков Европы, значительной части Азии и северной Африки (индоевропейская, алтайская, уральская, дравидийская, картвельская, семито-хамитская группы языков). Для науки этот факт равнозначен созданию индоевропейской сравнительно-исторической грамматики в XIX в. Сложность задачи ученого состояла не только в том, что ему предстояло овладеть материалом громадного количества языков, вводимых в сравнение; нужно было также определить состав языковых групп. В. М. Иллич-Свитыч собрал и критически осмыслил весь материал сопоставлений, накопленный в течение столетнего развития науки, значительно его увеличил. Первым результатом этой работы явился этимологический словарь ностратических языков, насчитывающий более 600 корней (№ 44, 45) [2]. Метод работы В. М. Иллич-Свитыча, дающий строгую и точную систему фонетических соответствий, количество сопоставляемого материала, который охватывает все области языка (фонетику, грамматику, лексику и словообразование), обеспечивают высокую степень точности получаемых реконструкций, исключают толкование выведенных соответствий как результата случайного совпадения или заимствования. Таким образом, В. М. Иллич-Свитычем был установлен ряд фонетических законов, каждый из которых равен большому открытию в сравнительном языкознании. В ходе работы над ностратическим словарем было сделано много поправок к этимологиям индоевропейским, картвельским, алтайским и др. Многое, отметил А. Б. Долгопольский, остается пока неизвестным, поскольку основная часть работы В. М. Иллич-Свитыча по сравнительной грамматике ностратических языков еще не опубликована.

В. М. Иллич-Свитыч задумал свое исследование по сравнительно-исторической грамматике ностратических языков как труд, состоящий из двух, или может быть из трех частей: этимологический словарь ностратических языков (I часть словаря подготовлена к печати, II часть словаря находится в рукописи и картотеках), сравнительная фонетика (в черновых рукописях и картотеках) и сравнительная морфология и морфонология (в картотеках). С выходом в свет этих трудов сравнительное языкознание получит ценные материалы из новой области науки о языке — ностратики. Подготовкой к печати наследия В. М. Иллич-Свитыча занимается В. А. Дыбо, которого связывала с Владиславом Марковичем большая человеческая дружба и наука.

Трудно сейчас суммировать результаты научной деятельности нашего современника Владислава Марковича Иллич-Свитыча. Не одно десятилетие это имя будет в центре языковедческой науки. «Еще труднее постигнуть сейчас всю непоправимость этой потери. Она станет очевидной лишь тогда, когда закончится публикация его научного наследства. С последней точкой на последнем листе» [3].

Р. В. Булатова (Москва)

*

С 11 по 14 апреля 1967 г. в Минске проходил первый республиканский славистический симпозиум, созванный по инициативе филологических кафедр Белорусского гос. университета. На симпозиуме работали лингвистическая и литературоведческая секции. В симпозиуме приняли участие более 60 ученых БССР, УССР, РСФСР, Прибал-

[2] Подготовлен к изданию I том этимологического словаря — «Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). I. Введение. Сравнительный словарь (*В*— *К*)», 25 п. л. Эту работу следует опубликовать без промедления.

[3] В. А. Дыбо, Памяти В. М. Иллич-Свитыча. Библиография печатных трудов В. М. Иллич-Свитыча, «Советское славяноведение», 1967, 1, стр. 75.

тийских республик, а также Польской Народной Республики.

Во вступительном слове проректор БГУ проф. Л. В. Володько кратко охарактеризовал состояние славистической науки в Белорусском государственном университете и отметил крепнущие связи славистов университета с учеными других республик Советского Союза и славянских стран.

На первом пленарном заседании выступил с докладом председатель Белорусского комитета славистов, директор Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР М. Р. Судник. В его докладе была освещена история зарождения и развития славистики в Белоруссии. В 50-х годах XX в. начинается систематическая разработка вопросов славистического цикла, развертывается подготовка к созданию сравнительной грамматики славянских языков. В 60-е годы славистика в Белоруссии оформляется организационно: в Институте языкознания АН БССР образуется сектор общего и славянского языкознания Институте литературы — сектор взаимосвязей славянских и других литератур, а в Белорусском государственном университете — кафедра общего и славянского языкознания. За сравнительно короткий срок славистами республики подготовлено более 10 монографий, посвященных разработке актуальных проблем славяноведения.

На заседаниях лингвистической секции было прослушано и обсуждено 37 докладов и сообщений, тематика которых группировалась вокруг следующих основных проблем: взаимосвязи славянских языков, грамматический строй, словообразование и лексикология и, наконец, фонетика и орфография славянских языков.

1. Доклад А. И. Журавского (Минск) «О белорусском варианте церковнославянского языка» вызвал оживленную дискуссию. Выступавшие (П. Ф. Крапивин, Л. М. Шакун, Н. И. Толстой, Б. С. Лапов, М. М. Копыленко и А. Е. Супрун) выразили сомнение в том, что в XVI в. существовал белорусский вариант церковнославянского языка. В содержательном докладе Н. И. Толстого (Москва) «О стилистической типологии славянских стандартных литературных языков» были намечены те синхронические и диахронические признаки «стандартности» языка, которые могут послужить основанием для типологического сравнения стилистики славянских языков. С сообщением о неисследованной украинской рукописи «Александрии» выступил П. Ф. Крапивин (Минск). Б. С. Лапов (Минск) посвятил свое сообщение проблеме взаимодействий белорусского языка с другими языками. Л. В. Цеханович (Гомель) говорила о разных лексико-семантических вариантах однокорневых слов в русском и белорусском языках.

2. Грамматическая тематика была представлена шестью докладами и пятью сообщениями. В докладе П. П. Шубы (Минск) «„Повторные союзы“ в восточнославянских языках» говорилось о противоречивости понятия «повторные союзы». С докладом «Параллелизм форм как тип синтаксической связи внутри подчинительного словосочетания в русском и белорусском языках» выступил М. Я. Хананин (Гомель). Были прослушаны также доклады Л. П. Подгайского (Минск) «К истории некоторых предложных конструкций в восточнославянских языках», К. К. Трофимовича (Львов) «Моделирование морфем при сопоставительном анализе славянского склонения существительных», З. Д. Поповой (Воронеж) «К вопросу славянского падежа», Г. А. Цыхуна (Минск) «К вопросу о постпозитивном члене (артикле) в болгарском и македонском языках». Кроме того, грамматической тематике были посвящены сообщения М. А. Приходько (Минск), который говорил о согласовании сказуемого с подлежащим, выраженным собирательным существительным, в сербскохорватском языке; М. Г. Муталимовой (Минск) — о составном причастном сказуемом в Мариинском евангелии; Л. Н. Тинус (Ленинград) — о конструкциях с причастиями страдательного залога перфектного значения в языке дипломатических документов конца XVII — начала XVIII в.; В. М. Якутика (Минск) — о выражении временной соотнесенности действий, обозначенных формами сослагательного наклонения, в некоторых славянских языках; Б. Ю. Нормана (Минск) — о возвратных конструкциях с взаимным значением в современном болгарском языке.

3. Наибольшее число докладов и сообщений на лингвистической секции было посвящено разработке проблем словообразования, лексикологии и лексикографии, фразеологии. С докладом «О некоторых аспектах и задачах исторического изучения словообразовательных систем в славянских языках» выступил М. Г. Булахов (Минск). Докладчик поставил задачу реконструировать не отдельные деривационные модели, а всю словообразовательную систему языка того или иного периода в целом, в ее взаимосвязях с словообразовательными системами родственных языков. Автор наметил те общие процессы, к которым, по-видимому, можно свести исторические изменения в словообразовательных системах славянских языков. Р. В. Кравчук (Минск) в докладе «К структуре словообразовательной системы литературного языка и говора» утверждал, что в говорах по сравнению с литературным языком первоначальный набор аффиксов может быть заметно редуцирован. Проблемам исторической антропонимии был посвящен доклад Н. В. Бирилло (Минск), в котором он про-

анализировал один из памятников XVI в., содержащий список собственных имен Бельской и Жемойтской земель.

А. Е. Супрун (Минск) в докладе «О некоторых возможностях исследования лексической типологии» утверждал системность лексики языка и возможность типологического сравнения лексики и близкородственных, и неродственных языков. Основанием для типологического сравнения, по его мнению, может послужить характер ассоциативных семантических связей данной лексемы с одним или несколькими рядами лексем. Методику исследования таких ассоциативных связей предложила в своем сообщении «К психолингвистическому анализу одной семантической микросистемы» А. П. Клименко (Минск). Доклады Ф. М. Янковского (Минск), М. М. Копыленко (Алма-Ата), К. М. Гюлумянц (Самарканд) были посвящены фразеологии. Ф. М. Янковский предлагает выделить в качестве особой лингвистической дисциплины фразеографию, имеющую целью составление фразеологических справочников. М. М. Копыленко наметил методику выявления исконно славянских сочетаний лексем в древнеславянских текстах IX—X вв. К. М. Гюлумянц сообщила о некоторых способах передачи фразеологизмов польского языка на русский язык.

О типологическом сопоставлении отадъективных наречий современного русского, польского и белорусского языков говорила в своем сообщении В. И. Дронь (Варшава).

Ряд сообщений был связан с так называемой «полесской» тематикой. Это сообщения А. С. Соколовской (Минск) «Статистический анализ лексики Припятского Полесья», Л. Т. Выгонной (Минск) «О характере полесско-лехитских параллелей», В. Л. Веренича (Минск) «Полесские лексические проникновения в польском говоре», Р. Н. Фондяковой (Минск) «О связи праславянского * *pol'e* с подсечно-огневым земледелием», И. И. Лучица-Федорца (Минск) «Судьба праславянского * *kǫtja* на Полесье», Г. Ф. Вешторт (Минск) «Из истории названий жира».

4. Вопросам фонетики и фонологии, графики и орфографии были посвящены следующие доклады и сообщения: В. В. Мартынов (Минск) в докладе «Происхождение славянских гуттуральных» высказывает предположение о наличии в индоевропейском фрикативных гуттуральных *x*, *h*, *H*, пропорционально коррелирующих с *k*, *g*, *gh*; З. И. Жакова (Минск) сообщила об истории перераспределения диалектных границ на северо-западе восточнославянской изоглоссной области; В. Н. Новопокровская (Минск) — о развитии аканья (о явлениях «перехода» *а* → *о* в западнобрянских памятниках XVII в.); А. М. Булыка (Минск) — о древнебелорусской орфографической системе в ее отношениях к книжнославянской и древнерусской; А. К. Антонович (Вильнюс) — об обозначении твердости — мягкости согласных в белорусских текстах, писанных арабским письмом; В. Н. Чекман (Минск) — о взаимозависимости изменений в фонологической системе языка (говора) (распадение тембровой корреляции лабиализованность — нелабиализованность должно привести к зарождению новой корреляции лабиальность — нелабиальность).

На литературоведческой секции было прочитано и обсуждено 11 докладов и сообщений.

На заключительном пленарном заседании Л. М. Шакун прочитал доклад «Развитие и взаимодействие восточнославянских литературных языков в советскую эпоху». В этом коллективном докладе, подготовленном М. Г. Булаховым, Е. А. Супруном и Л. М. Шакуном, большое внимание было уделено мало исследованной проблеме двуязычия. Была предложена попытка классификации типов двуязычия в зависимости от степени активного и пассивного владения одним и другим языком.

Участники симпозиума решили проводить встречи славистов регулярно, специализируя их тематику. Был определен ряд тем и проблем, над которыми должны работать белорусские слависты в ближайшие годы. В этот перечень, в частности, была включена работа над региональными словарями, историческими и этимологическим словарями белорусского языка, лингвистическое изучение Полесья, исследование межславянского билингвизма, изучение истории славянских литературных языков, работа по созданию Общеславянского лингвистического атласа и др.

П. П. Шуба (Минск)

*

Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР, организованная Отделением общественных наук АН ЛатвССР, Институтом языка и литературы и Институтом истории АН ЛатвССР, историко-филологическим и географическим факультетами Латвийского гос. университета им. П. Стучки, состоялась 7—9 февраля 1967 г. в Риге. На конференции присутствовали представители 34 городов, не только данной зоны, но и более отдаленных мест. Конференция показала, что в СССР наблюдается большой интерес к вопросам топонимики.

Работа конференции протекала на пленарных заседаниях и в пяти секциях.

На пленарных заседаниях обсуждались вопросы изучения сущности собственных имен (в отличие от апеллятивов), субстратной топонимии и гидронимии, языко-

вых контактов. Подчеркивались связи топонимики с археологией, антропологией и этнографией, особенно на территориях балтийской топонимии и Прибалтики.

На секции теории топонимики (руководитель В. А. Никонов, Москва) рассматривались проблемы: теория собственных имен, межъязыковые отношения в топонимии (субстратные и контактные), словообразование топонимов, деминутивность в топонимии, стратиграфия топонимических пластов, специфика микротопонимии, составление региональных топонимических словарей (всего прочитано 17 докладов).

На секции балтийской топонимики (руководитель К. Кузавинис, Вильнюс) широко обсуждались вопросы ареала балтийской топонимии и уточнение его границы на основе данных языкознания и археологии. Обращалось также внимание на вопросы лингвистических контактов и этногенеза, методики изучения балтийской топонимии, семантической стратификации балтийской топонимии; анализировалась топонимия отдельных территорий и история отдельных балтийских топоформантов. Обсуждались также актуальные проблемы и задачи топонимики ЛатвССР, ставились вопросы разграничения и выявления пластов латышской и эстонской, латышской и литовской, латышской и белорусской и русской топонимии на пограничных территориях (всего прочитано 20 докладов и сообщений).

На секции белорусской и украинской топонимики (руководитель Г. Ф. Шило, Дрогобыч) рассматривалось происхождение топонимов, процесс их исторического развития и современное состояние на отдельных территориях. Подробно освещался вопрос структурных типов. Отмечались также фактические особенности, характеризующие определенные территории. Лексико-семантические проблемы обсуждались на фоне связей с географическим ландшафтом, с производственной деятельностью людей. Представлены также были статистические данные, указывающие на ареалы топонимических типов (всего прочитано 7 докладов).

На секции русской и финно-угорской топонимики (руководитель Н. В. Подольская, Москва) обсуждались вопросы структуры топонимов, изменения названий мест, проявления субстрата и двуязычия в топонимах, топонимии в памятниках письменности, границ распространения отдельных топонимов; говорилось о связи рельефа с географическими терминами и через них с топонимами, о данных топонимики и этнографии для изучения истории народов, о состоянии собирания топонимического материала и его изучения на территории финно-угорских народов и их соседей, о топонимии эстонских переселенцев на территории неродственного им народа. Были затронуты также вопросы этимологизации топонимов. В докладах был привлечен материал 12 языков: эстонского, ижорского, водского, карельского, финского, саами, коми, бесермянского, удмуртского, хантыйского, мансийского и русского. Большинство докладов было построено на полевом материале. Существенный интерес во многих докладах представляли данные о состоянии и изменениях в топонимии одного языка при соседстве с другими языками и его топонимией. Характер этнических контактов и их длительность влияют на характер топонимии. Многие докладчики с успехом пользовались для сопоставлений и выводов данными смежных дисциплин: этнографии, географии, фольклора (всего 13 докладов).

На секции практической топонимии (руководитель Г. П. Бондарук, Москва) доклады и сообщения содержали информацию о работе научных учреждений и организаций. Были также затронуты вопросы: 1) принципы передачи транскрибируемой формы, 2) выбор исходной формы для транскрипции (именительного или косвенного падежа и др.), 3) транскрибирование цельнооформленных конструкций, 4) соотношение перевода и транскрипции при передаче заимствованных собственных имен, 5) образование прилагательных от географических названий. Затрагивались вопросы орфографического оформления исходной и транскрибированной форм и др.

В. Ф. Дамбе, М. К. Рудзите, М. Ф. Семенова (Рига)

*

С 10 по 13 апреля 1967 г. в Казанском гос. университете проходила вторая межвузовская конференция по проблемам истории русского языка и литературы XVIII в. (Ломоносовские чтения), организованная кафедрой русского языка историко-филологического факультета. Первая конференция была проведена в апреле 1965 г. в связи с началом работы над составлением словаря языка Ломоносова. В настоящее время завершено составление полной картотеки для будущего словаря и словников, которые явятся базой дальнейшего исследования филологического наследия М. В. Ломоносова.

В работе второй межвузовской конференции приняли участие представители 22 вузов и научных учреждений 19 городов страны, школ, техникумов, музеев, научных библиотек Казани, Ленинабада и Москвы.

Конференция ярко продемонстрировала возросший интерес к XVIII в., продиктованный как той ролью, которую сыграл XVIII в. в становлении современных литературных и языковых норм, так и явно недостаточной его изученностью.

Участники конференции прослушали и обсудили 49 докладов и сообщений, по многим из которых возникали оживленные дискуссии. Тематика докладов была разнообразной; она была сгруппирована вокруг нескольких тематических центров.

Большая группа докладов была посвящена проблемам лексики и стилистики. Ю. С. Сорокин (Ленинград) в докладе «Славянизмы в лексической системе русского языка XVIII в.» поставил вопрос о необходимости теоретического пересмотра понятия славянизма. При важности учета генезиса слова основной критерий выделения славянизмов — функциональный. Понятие славянизма для разных эпох изменчиво. В частности, в языке XVIII в. славянизмами могли оказываться не только формы и слова, восходящие к старославянскому источнику, но и собственно русские, однако архаические для того времени слова и формы. Для решения проблемы славянизмов, важной для общей проблемы формирования норм русского литературного языка, необходимо изучение специфики делового слога, нейтрального с точки зрения стилистической. На примере источников петровского времени (с одной стороны, переводов, с другой — «Ведомостей», указов, дипломатических документов и т. д.) был поставлен вопрос о сложном соотношении славянизмов и русизмов в двух типах делового языка, о большой нормализаторской работе, на которую опирался в своей языковой практике и теоретических установках М. В. Ломоносов.

В сообщении В. В. Замковой (Ленинград) «Славянизмы в деловом языке Ломоносовского периода» на примере делового языка эпохи русского классицизма был прослежен функциональный характер славянизмов.

Вопросы лексической стилистики обсуждались в докладах Г. П. Князьковой (Ленинград) «О некоторых аспектах изучения просторечия 50—70-х годов XVIII века» и П. Г. Черемисина (Орел) «Стилистические концепции М. В. Ломоносова и современная стилистическая система», где были представлены итоги сопоставительного анализа словарно-стилистической и грамматической синонимии в ломоносовской и современной стилистических системах литературного языка.

Частным проблемам формирования лексики современного русского литературного языка были посвящены доклады О. И. Сафроновой (Казань) «Из наблюдений над метафоризацией лексики в языке М. В. Ломоносова» и А. В. Волосковой (Свердловск) «Из наблюдений над дипломатической терминологией первой трети XVIII века».

Во многих докладах и выступлениях в прениях настойчиво подчеркивалась мысль об остро назревшей необходимости расширения круга источников. Этой проблеме были посвящены доклады М. И. Привало вой (Ленинград) «Из наблюдений над языком „Записок", В. А. Нащокина», Е. Э. Биржаковой (Ленинград) «О роли переводных источников в изучении иноязычных заимствований XVIII века», В. М. Фонштейн (Москва) «Отражение лексики низкого стиля в частной переписке и мемуарах второй половины XVIII века».

Большое место в работе конференции занимали вопросы словообразования. Им были посвящены доклады М. Ф. Моисеенко (Казань) «Имена существительные с суффиксом *-ина* в языке научной прозы Ломоносова», Э. В. Казанской (Казань) «Синонимичные образования с суффиксами *-ство* и *-ние* в научном языке М. В. Ломоносова», Г. А. Николаева (Казань) «Имена существительные с суффиксом *-ствие* в словарях XVIII века». Сложные слова в языке XVIII в. были рассмотрены в докладах З. М. Петровой (Ленинград) «Из истории образования сложных слов в русском языке XVIII века» и А. А. Царева (Казань) «Сложные слова в языке Ломоносова». Глагольному словообразованию был посвящен доклад З. У. Блягоза (Майкоп) «Из наблюдений над глагольным приставочным словообразованием в поэтических произведениях М. В. Ломоносова».

Значительное место на конференции заняли доклады, посвященные грамматическим проблемам. В исследованиях этого профиля внимание участников было привлечено к формам словоизменения существительных, прилагательных, местоимений, глаголов и их употреблению в языке трудов Ломоносова. В докладе В. М. Маркова (Казань) «Из истории номинативных образований на *-ья* в русском литературном языке XVIII в. (на материале языка произведений М. В. Ломоносова)» было пересмотрено традиционное толкование форм типа *каменья*, *уголья* и предложено их объяснение как закономерного множественного числа соответствующих собирательных имен. В докладе С. П. Лопушанской (Казань) «Структурно-семантические особенности инфинитива в ораторской прозе М. В. Ломоносова» были подвергнуты анализу инфинитивы с суффиксами *-ть* и *-ти* (безударным). Формам страдательных причастий прошедшего времени и месту ударения в них в языке поэтических произведений Ломоносова было посвящено выступление И. Э. Еселевич (Казань). Ю. П. Чумакова (Горький) сосредоточила свое внимание на рассмотрении указательных местоимений *тот*, *сей*, *этот*, *оный* в поэтических произведениях М. В. Ломоносова в соотнесении с системой их употребления в русском языке XVII — первой половины XVIII в. Были прослушаны также доклады Л. А. Поляковой (Казань) о бытовании в русском литературном языке начала XVIII в. неко-

торых архаических форм действительных причастий прошедшего времени и В. Б. Духаниной (Оренбург) о различных вариантах форм сравнительной степени.

Синтаксическая тематика была представлена докладами Г. Н. Акимовой (Ленинград) «Полузнаменательные и знаменательные глаголы в языке Ломоносова», Г. Г. Полищук (Саратов) «Генитивные конструкции в истории русского литературного языка XVIII в.», О. М. Трахтенберг (Стерлитамак) «О некоторых особенностях управления в языке ломоносовского периода», Л. С. Байковой (Таллин) «К вопросу о бессоюзных конструкциях в языке М. В. Ломоносова и Н. М. Карамзина», Г. В. Кузьминой (Рязань) «Степень сформированности обобщающих слов при однородных членах предложения в русском литературном языке XVIII в.», Н. М. Лаврентьевой (Рязань) «М. В. Ломоносов о грамматических средствах выражения отношений мотивировочного характера», В. И. Казариной (Ленинабад) «Глагольные словосочетания с пространственным значением в литературном языке XVIII в.», а также докладами представителей Казани: К. К. Филиппенко «Союз „не токмо, но и" и его стилистическое использование в языке Ломоносова», Л. Д. Казбан «Бессоюзные сложные конструкции в поэзии М. В. Ломоносова», Н. А. Андрамоновой «Сложные предложения с соотносительными словами в языке произведений М. В. Ломоносова», Г. Н. Смирнова «Сложные предложения, выражающие временные и условные отношения, в языке Ломоносова», Р. А. Каримовой «Из истории сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными (при главных предложениях оценочного значения)».

В докладе Л. А. Андреевой (Казань) «Вероятностно-статистическая характеристика грамматических средств в поэзии и прозе М. В. Ломоносова» было продемонстрировано применение статистического метода.

На конференции были представлены также литературоведческие материалы, что отражало исходную установку конференции на комплексное исследование проблем XVIII в.

Вывод об установлении более тесных контактов между литературоведами и лингвистами явился одним из центральных в решении, принятом участниками конференции.

На первом и заключительном заседаниях конференции были прослушаны доклады общего характера: В. М. Никитина (Рязань) «Языковедческие концепции М. В. Ломоносова» и М. З. Закиева (Казань) «Роль идей М. В. Ломоносова в становлении лингвистических взглядов представителей Казанской школы тюркологов». С большим интересом было принято присутствующими сообщение сотрудника Научной библиотеки Казанского университета Н. В. Ермолаевой «Ранние издания ломоносовских трудов в библиотеке Казанского университета и история их поступления».

На конференции подчеркивалась важность создания исторической грамматики русского языка XVIII в. III Ломоносовские чтения решено провести в апреле 1969 г., сосредоточив внимание на проблемах синонимии, а также стилистики и форм художественной речи.

И. Э. Еселевич, Г. А. Николаев
(Казань)

*

С 18 по 22 апреля 1967 г. в Запорожье проходила юбилейная республиканская научная конференция на тему «Итоги и проблемы научного изучения украинского языка в послеоктябрьский период».

На пленарном заседании был прослушан доклад И. К. Белодеда и В. М. Русановского (Киев) «Направление лингвистических исследований в Академии наук УССР со времени ее основания». В докладе охарактеризованы основные этапы развития языкознания в республике, оценены работы дореволюционных и советских ученых. В докладе М. А. Жовтобрюха (Киев) «Проблемы изучения публицистического и научного стилей украинского литературного языка» был опровергнут ошибочный тезис о том, что украинский язык до Октября не имел развитых публицистического и научного стилей. Докладчик отметил видную роль в выработке этих стилей Ив. Франко, М. Драгоманова, Леси Украинки и др. Важные теоретические и практические вопросы были освещены в докладе Д. Х. Баранника (Днепропетровск) «Проблемы научного изучения устной литературной речи в советскую эпоху». И. А. Дзендзелевский (Ужгород) в докладе «Исследования по украинской лексикологии в послеоктябрьский период» и Л. С. Паламарчук (Киев) в докладе «Украинская лексикография советского времени» сделали критический обзор литературы и наметили ряд задач в области дальнейших исследований.

На секции грамматики и фонетики были прослушаны 26 докладов и 5 сообщений. Критически оценив достижения украинского советского языкознания в изучении грамматики, фонетики и акцентологии украинского литературного языка и диалектов, докладчики наметили ближайшие задачи в этих областях. На секции были также затронуты вопросы изучения восточнославянских межъязыковых и междиалектных контактов, изучения русского языка на Украине после Октября.

В докладах С. Ф. Самойленко (Запорожье) «Основные итоги и проблемы исследования исторической морфологии украинского языка» и С. Ф. Бевзенко (Одесса) «Труды украинских советских ученых по историческому синтаксису украинского языка» дана оценка историческим исследованиям украинских лингвистов и определены задачи изучения исторической грамматики украинского языка. П. Д. Тимошенко (Киев) в докладе «Изменения в морфологической структуре украинского литературного языка послеоктябрьского периода», опираясь на статистические данные, привел интересные факты, свидетельствующие о значительных изменениях в системе словоизменения и словообразования украинского литературного языка последних десятилетий. История изучения отдельных частей речи и грамматических категорий была представлена в докладах И. И. Повх (Харьков), К. Н. Мизиной (Запорожье), И. И. Ощипко (Львов) и Л. И. Недбайло (Киев).

Проблемам синтаксиса украинского языка были посвящены выступления Г. М. Удовиченко (Киев) «Исследование словосочетаний украинского языка» и В. Д. Горяного (Запорожье) «Структурные типы субстантивных словосочетаний с предлогами». О достижениях и задачах в области исследования отдельных синтаксических конструкций, оборотов и связей в украинском языке говорилось в докладах и сообщениях С. А. Овчарука (Измаил), Г. Я. Довженко (Киев), М. Т. Доценко-Зирченко (Симферополь), А. А. Зарудняка (Измаил), Б. Г. Ключковского (Львов), И. Р. Выхованца (Киев), В. Т. Войцеховской (Киев) и А. С. Бровко (Запорожье). В. А. Чабаненко (Запорожье) говорил об итогах и задачах изучения синтаксиса украинских говоров в послеоктябрьское время.

В выступлениях Н. И. Тоцкой (Киев) «Итоги и проблемы изучения звукового состава украинского языка в лаборатории экспериментальной фонетики Киевского университета» и А. Т. Волоха (Запорожье) «Вопрос классификации фонем украинского языка» был продемонстрирован важный для классификации и характеристики фонем украинского языка материал экспериментально-фонетических исследований. З. М. Веселовская (Харьков) остановилась на развитии украинской акцентологии за 50 лет.

Историко-диалектологические вопросы были затронуты в докладах Б. А. Шарпило (Луганск) «Проблемы истории юго-восточных говоров украинского языка в советском языкознании» и О. М. Маштабей (Луганск) «Историко-диалектологические исследования староукраинских памятников в советском украинском языкознании».

Об итогах и задачах исследований межъязыковых и междиалектных контактов говорили: Г. П. Ижакевич (Киев) «Проблематика исследования русско-украинских языковых связей», М. Н. Бувальцева (Ровно) «Исследование русско-украинских языковых связей в советском языкознании», В. В. Аничено (Минск) «Проблемы изучения украинско-белорусских языковых контактов древнего периода в советском языкознании» и А. С. Зеленько (Запорожье) «Изучение междиалектного контактирования в советский период».

Об изучении русского языка на Украине говорили Л. Я. Усачева (Одесса) и М. М. Сидоренко (Запорожье).

На секции языка художественной литературы было представлено 6 докладов и сообщений.

В. С. Ващенко (Днепропетровск) посвятил свое выступление «Стилистическим и автоматизированным явлениям как контрастным элементам речевого процесса», показав их несовместимость, взаимоисключение в процессе реализации. И. И. Дацюк (Винница) остановился на вопросах изучения стилистического синтаксиса художественной литературы. В. Л. Ринберг (Киев) говорила о несобственно-прямой речи в русской и украинской художественной литературе. Свои наблюдения над языком произведений выдающихся украинских мастеров художественного слова И. Карпенко-Карого, П. Г. Тычины и М. П. Стельмаха изложили Я. В. Януш (Ровно), И. С. Олейник и Н. Ф. Миронюк (Запорожье).

На секции лексикологии и словообразования был прослушан доклад Ф. Ф. Медведева (Харьков) «Фразеология — богатейший клад и неисчерпаемый источник народной мудрости». Вопросам украинской фразеологии были посвящены также доклады М. Т. Демского (Дрогобыч) и Н. А. Москаленко (Одесса).

Об итогах и задачах изучения украинской терминологии (экономической, юридической, ботанической, языковедческой) говорилось в докладах и сообщениях Т. И. Панько (Львов), Е. И. Чернова (Запорожье), О. А. Сербенской (Львов), Е. С. Регушевского (Бердичев) и М. А. Грицака (Ужгород). На некоторых актуальных вопросах этимологии украинского языка остановилась в своем докладе И. Я. Журба (Николаев).

С. Ф. Бевзенко осветил вопрос об изучении диалектной лексики в украинском советском языкознании. Л. С. Терешко (Одесса) посвятила свой доклад изучению украинских говоров Одесской области. П. М. Лизанец (Ужгород) остановился на исследованиях венгерских заимствований в украинском языке после Октября. О переводах как важнейшем источнике обогащения украинского язы-

ка рассказал И. А. Багмут (Киев).

О современных переводных русско-украинских словарях и некоторых проблемах их составления рассказал В. П. Ковалев (Херсон), С. Ф. Самойленко доложил участникам конференции о результатах составления обратного словаря украинского языка, создаваемого им в соавторстве с И. С. Олейником и В. А. Чабаненко.

Несколько докладов и сообщений были посвящены проблемам антропонимики и топонимики: П. П. Чучки (Ужгород), Ю. К. Редько (Львов), И. Д. Сухомлина (Днепропетровск), Е. М. Черняховской (Львов), В. О. Горпинича (Глухов) и В. В. Лободы (Николаев).

И. И. Ковалык (Львов) остановился на вопросах славянской деривatологии в работах акад. Л. А. Булаховского. М. Т. Доленко (Винница) затронул вопрос изучения сложных слов в украинском и русском языкознании. М. Т. Чемерисов (Запорожье) рассказал об изучении исторического словообразования в украинском языке за годы советской власти. В. П. Токарь (Донецк) остановился на вопросе об изучении словообразования в украинском языкознании в послеоктябрьский период. М. Г. Сердюк (Запорожье) представил материалы о структурных типах аббревиатур, их грамматических признаках и происхождении в украинском языке. М. Я. Плющ (Киев) рассмотрела вопрос о морфолого-синтаксическом словообразовании в современном украинском языкознании. Об изучении исторического словообразования существительных в украинском языке по памятникам украинского языка XVII в. в советскую эпоху говорилось в докладе Н. П. Москалевой (Запорожье).

На секции методики было прослушано 4 доклада и 3 сообщения.

Конференция в Запорожье подытожила полувековую работу украинских советских языковедов, наметила много важных и неотложных задач, от решения которых зависят дальнейшие пути развития языкознания на Украине.

А. С. Бровко, В. К. Иваненко, В. А. Чабаненко, М. Т. Чемерисов (Запорожье)

*

Общереспубликанская научная конференция о лингвистических предпосылках обучения русской устной речи в условиях преподавания русского языка как неродного состоялась с 24 по 26 апреля 1967 г. на педагогическом факультете в Градце Кралове (Чехословакия). Обоснованный отбор языкового материала, подлежащего усвоению в целях развития устной речи учащихся в процессе обучения русскому языку, можно произвести только на основе тщательного изучения характеристических черт русской разговорной речи, прежде всего речи диалогической. Этим вопросам было посвящено преимущественное внимание конференции.

О. А. Лаптева (Москва) выступила с докладом «Некоторые проблемы изучения современной русской устно-разговорной речи», в котором она изложила свое понимание соотношений между письменной и устной формой речи и между отдельными функциональными стилями литературного языка, объяснила понятие устно-разговорной разновидности литературного языка, соответствующее явлениям повседневно-разговорной речевой сферы, охарактеризовала явления более узкой обиходно-разговорной речевой сферы и указала на сложность возникающей здесь проблематики. Основная часть ее докладов была посвящена характеристике некоторых структурных особенностей современной устно-разговорной речи, прежде всего анализу определенных типизированных синтаксических структур, которые содействуют высокой степени автоматизации разговорной речи. Для этих структур особенно характерными оказываются тенденция к расчленению, с одной стороны, и тенденция к сжатию, с другой. Были проанализированы такие общие принципы строения разговорной фразы, как ее двувершинное или многовершинное интонирование, вынос в начало фразы актуализируемого члена, конструкции с именительным темы, конструкции добавления, расчленение фразы вопросительным словом, особые типы обращения, бессоюзное соединение, конструкции наложения и некоторые другие приемы построения высказываний. В заключительной части своего доклада О. А. Лаптева коснулась вопроса взаимодействия нормы и узуса.

Некоторые результаты изучения русской диалогической речи были освещены в докладе Л. Реймановой (Градец Кралове). Она указала на основные стилевые факторы, которые вытекают из условий функционирования диалога и обусловливают его языковое оформление. В части доклада, посвященной структурным особенностям диалогической речи, были приведены некоторые статистические данные, полученные при анализе сценария советского фильма «Друг мой Колька», прежде всего частотность отдельных ядерных и производных структур, частотность определенных грамматических форм в роли их компонентов и объем пропусков отдельных компонентов структур; далее были проиллюстрированы некоторые характерные черты построения структур, связанные с приемом повторения и особенностями порядка слов. При рассмотрении лексико-структурных особенностей диалогической речи были выделены, с одной стороны, явления, наблюдаемые в отдельных репликах, а с другой стороны, явле-

ния, характерные для построения диалогических пар, прежде всего неполность реагирующей реплики и частое ее построение на лексическом повторении. Целью второй части доклада было выявление роли вопроса как одного из основных элементов диалога и освещение зависимости его построения от контекста. Были проанализированы форма и функции вопроса в паре реплик, в сцеплении большего количества реплик и в репликах из нескольких предложений.

Доклад на тему «Ответные предложения в учебниках и в практике обучения русскому языку» прочитала И. Цамутали (Прага). Охарактеризовав контекст, в котором выступают ответные предложения, она указала на основные типы их функционирования, как они представлены в чешских учебниках русского языка, и произвела анализ их тематики и структуры. В имеющихся учебниках не всегда учитывается многообразие ответных предложений и зависимость их построения от их функций. В докладе далее иллюстрировались отдельные типы ответных предложений — так называемые минимальные ответы и неполные структуры с частичной элиминацией и полные структуры с прономинализацией и без прономинализации.

Наряду с выступлениями, посвященными некоторым общим лингвистическим проблемам изучения русской разговорной речи, на конференции были прослушаны доклады Ф. Малиржа (Прага) «Один из возможных подходов к решению проблем, связанных с обучением говорению», К. Гюнтера (Дрезден) «К отбору и распределению ситуативного минимума при обучении иностранному языку в общеобразовательной школе», Й. Веселого (Градец Кралове) «К проблематике кодирования при устной коммуникации и к вопросу отбора активного языкового минимума», З. Ф. Оливериуса (Прага) «К психолингвистической проблематике теории преподавания русского языка» и И. Зюса (Дрезден) «Об отборе и распределении языкового материала при использовании аудио-визуальных циклов».

Подводя итоги конференции, Р. Пурм (Градец Кралове) подчеркнул необходимость дальнейшего исследования структурных и лексико-структурных особенностей русской диалогической речи с более последовательным учетом сопоставительного аспекта, которое позволило бы выделить, с одной стороны, явления, характерные для диалогической речи вообще, и, с другой стороны, такие явления, которые специфичны именно для русской диалогической речи.

Материалы конференции будут опубликованы на русском языке в специальном номере «Известий» педагогического факультета в Градце Кралове.

Л. Рейманкова, Р. Пурм (Градец Кралове)

*

XII Международный конгресс романской лингвистики и филологии состоится в Бухаресте с 15 по 20 апреля 1968 г. На пленарных заседаниях будут представлены следующие доклады: 1) современное общее языкознание и романская лингвистика; 2) связи филологии и лингвистики в области романских языков; 3) современное состояние романской диалектологии; 4) исследования в области славянской лексики; 5) значение румынского языка для романского языкознания.

Отдельные сообщения будут распределены по следующим секциям: 1) вульгарная латынь; 2) типология; 3) фонетика и фонология; 4) грамматика; 5) лексикография и лексикология; 6) ономастика; 7) филология (издание и интерпретация текстов); 8) диалектология и лингвистическая география; 9) литературные и нелитературные варианты романских языков; 10) стилистика и поэтика; 11) межроманские лингвистические связи; 12) связи романских языков с другими языками; 13) романские диалекты вне романской языковой области; 14) румынский язык.

Желающие получить необходимую информацию могут обращаться в Организационный комитет XII Международного конгресса романской лингвистики и филологии (Bucureşti, 22.I.C. Frimu, Румыния).

CONTENTS

Editorial article: Development of linguistics in the Soviet Union during 50 years; **Discussions**: Y. S. Sorokin (Leningrad). On the normative and stylistic dictionary of modern Russian; N. A. Baskakov (Moscow). On the present state and further development of alphabets for the Turkic languages of the USSR; Y. Bauer (Brno). On the development of relative subordinate clauses in the Slavonic languages; M. Grepl (Brno). On the essence of sentence-types in the Slavonic languages; K. Hausenblas (Prague). The notion of style and limits of stylistic analysis; T. V. Bulygina (Moscow). Some analogies in the relation of semantic and sound units; **Materials and notes**: Z. Klemensewicz (Krakow). The structure of the subject and predicate in the Polish simple sentence; Y. M. Orlov, A. P. Jouravlev (Balašov). An experiment of psycho-metric evaluation of sense-distances between transforms; **Critics and bibliography; Scientific life**; N. H. Maksiutova (Ufa). Linguistics in Baškiria; E. Y. Nurm, A. Y. Unvere, A. H. Laanest (Tallin). Linguistics in Estonia for the last years.

SOMMAIRE

Editorial: Développement de la linguistique dans l'Union Soviétique pendant 50 années; **Discussions:** Y. S. Sorokine (Léningrad). Sur un dictionnaire normatif et stylistique du russe moderne; N. A. Baskakov (Moscou). Sur l'état actuel et développement ultérieur des alphabets pour les langues turques des peuples d'URSS; Y. Bauer (Brno). Sur le développement des propositions relatives subordonnées dans les langues slaves; M. Grepl (Brno). L'essence des types des propositions dans les langues slaves; K. Hausenblas (Prague). La notion de «style» et limites de l'analyse stylistique; T. V. Bulygina (Moscou). Quelques analogies dans la relation entre les entités sémantiques et phonétiques; **Matériaux et notices:** Z. Klemensewicz (Cracovie). Structure de sujet et de prédicat dans la proposition simple polonais; Y. M. Orlov, A. P. Jouravlev (Balašov). Essai d'évaluation psycho-metrique des distances sémantiques entre les transformes; **Critique et bibliographie; Vie scientifique:** N. H. Maksiutova (Ufa). Linguistique en Baškirie; E. Y. Nurm, A. Y. Unvere, A. H. Laanest (Tallin). Linguistique en Estonie pendant les dernières années.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), *П. С. Кузнецов, Э. А. Макаев, М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Ревзин, Ю. В. Рождественский, А. А. Серебренников, Н. И. Толстой* (отв. секретарь редакции), *О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

Технический редактор *А. И. Игнаткова*

Сдано в набор 10/VII—1967 г. Т.-12857 Подписано к печати 29/IX—1967 г. Тираж 6175 экз.
Зак. 2966 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,0 Бум. л. 5,0 Уч.-изд. л. 16,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10